

Подсекция «Уголовное право и криминология»

**К вопросу о насильственных преступлениях против личности, совершаемых
несовершеннолетними женского пола**

Агальцова А.А.¹

Аспирант

*Московский государственный открытый университет,
юридический факультет, Москва, Россия
E-mail: annapanferova2006@rambler.ru*

Общее состояние культуры, нравственности в обществе определяют степень значимости женщины, несовершеннолетней девушки, как члена социума, обуславливая либо ее внутреннее, гармоничное развитие, либо способствуя тендерной дискриминации, насилию, что, в свою очередь, приводит к дезадаптации, ответной агрессии со стороны женщины.. В структуре общей женской преступности на долю насильственной приходится 10%. Анализ качественных изменений женской насильственной преступности вообще и насильственных преступлений против личности, совершаемых несовершеннолетними женского пола, в частности, указывает на значительную степень общественной опасности вышеуказанных преступлений.

Бытовой, ситуативный характер насильственных преступлений против личности, которые совершаются несовершеннолетними женского пола, пока доминирует над заранее подготовленными, изощренными, женскими преступлениями, однако практика свидетельствует о возрастающей роли организованных преступлений.

Важнейшим вопросом при изучении насильственных преступлений против личности, совершаемых несовершеннолетними женского пола является проблема мотивации криминальной агрессии. У насильственных преступниц мотивация определяется жизненным опытом, уровнем интеллекта, зависит от социальных, характерологических и культуральных составляющих.

Особую роль в проблеме насильственных преступлений против личности, совершаемых несовершеннолетними женского пола приобретает виктимологическое направление профилактической работы.

Профилактика насильственных преступлений против личности, совершаемых несовершеннолетними женского пола должна проходить в русле общественных программ борьбы с преступностью с учетом охраны материнства и детства, всесторонней поддержкой института семьи, так как именно семья играет исключительную роль в жизни и развитии общества, определяет его будущее. Обеспечение законодательной безопасности личности в семье, создание системы предотвращения семейного насилия, ужесточение ответственности должностных лиц за непринятие мер по защите граждан, пострадавших в результате семейно-бытовых конфликтов - все это приоритетные направления в борьбе с преступностью, в том числе и насильственной преступностью против личности.

Литература:

1. Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. М.: Норма, 2001.
2. Зиядова Д.С., Абасова С.А. Проблемы женской преступности // Следователь. 2003. №4. С.16-19.
3. Бандура А., Уолтерс Р. Подростковая агрессия: изучение влияния воспитания и семейных отношений. М., 1999.
4. Долгова А.И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних. М., 1981.
5. Кириллов С.И., Сафиуллин Н.Х. Противодействие преступности несовершеннолетних органами внутренних дел // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации: материалы научно-практической конференции. - М., 1997.СПб., 2002.

**Причины избранности распределения преступлений со специальными субъектами
встречающиеся в УК РК**

Айбекова С.Г.

Студент юридического факультета

Евразийская Академия, Институт АТусО, г. Уральск, Казахстан

E-mail: Simona777-89@mail.ru

Совершенствование и изменение государственного устройства ведет к значительным изменениям государственной политики, в том числе уголовной. Постоянное обновление уголовного законодательства приводит к изучению основных институтов уголовного права, в особенности состава преступления и каждого его элемента. В этом плане особый интерес представляет субъект преступления. Одной из ключевых проблем учения о субъекте преступления, является вопрос о специальном субъекте преступления. Существует множество определений по специальному субъекту. «Специальный субъект преступления – физическое вменяемое лицо, достигшее установленного возраста обладающий дополнительными свойствами, присуще определенной категорий лиц, совершивших общественно – опасное деяние»¹. Выделение особого понятия специальных субъектов преступления на наш взгляд связано, прежде всего, с тем, что на определенный круг людей государство возлагает обязанности, недобросовестное выполнение которых в ряде случаев может повлечь за собой тяжкие последствия.. «В нашем уголовном законодательстве имеется значительное количество норм, содержащих специальные указания определенных преступлении специальными признаками»². К ним, например, относится воинские преступления, преступления в сфере экономической деятельности, преступления против интересов государственной службы и др. Для конкретного понимания специального субъекта преступления необходимо наличие его признаков, которые полностью не оговорены ни в Общей части и ни в Особенной части УК РК. Но есть различные мнения зарубежных и отечественных ученых о его признаках. Так, Е.К. Кайржанов дает такую классификацию специального субъекта преступления: пол; возраст; профессиональные обязанности; обязанности в отношении деятельности органов правосудия; обязанности, возложенные в отношении других лиц. Иное мнение высказал С. Аветисян, «Признаком специальных составов является также специальные общественные отношения, выступающие в качестве объекта посягательства и обусловленный ими специальный характер деяний».³ Отсюда возникает вопрос о том, кто может быть субъектом данного преступления? Конечно же, специальный субъект, так как преступление со специальным субъектом выражается в нарушении возложенных на него обязанностей, и он посягает на специальные отношения путем нарушения своих же обязанностей. Например, хотела быть отметить статью 315 УК РК «Бездействие по службе», специфика этого преступления заключается в том, что они не могут быть совершены людьми, которые не наделены такими признаками, эти признаки указаны в примечаниях статьи 307 УК РК.

¹ И.Ш. Борчиашвили, М.К. Интыкбаев, Субъект преступления, Алматы, 2007 с.47

² С.С. Молдабаев Проблемы субъекта преступления в УП РК, Алматы 1998, с.63

³ С. Аветисян, Понятия специального субъекта преступления, Журнал Прокурорская и следственная практика, Москва, 2003 с.187

Секция «Юриспруденция»

Таким образом, мы считаем, что причиной избранности распределения преступлений со специальным субъектом встречающиеся в УК РК является то, что главы, где необходимы преступления со специальным субъектом требует посягательства на специальные общественные отношения, а главы где не предусмотрены специальные субъекты посягают на более общие интересы общественных отношений. Специальный субъект обусловлен спецификой отдельных видов преступления, совершение которых возможно только в связи определенной деятельностью людей, в связи с выполнением возложенных обязанностей.

Литература:

1. Уголовный Кодекс РК (Общая часть, Особенная часть). 1997.
2. Комментарии УКРК (Особенная часть) И.И.Рогов, Г.И. Баймурзин - Алматы 2000 г.
3. Учебное пособие. И. Ветров. 1996 г.
4. Научно-правовой журнал «Тураби», 4;2003, Астана
5. Уголовное право (Общая часть) И.И.Рогов, Г.И. Баймурзин 1998 г.
6. Научно-правовой журнал «Тураби», 4;2003, Астана

Криминология кризиса

Алиева Ж.А.

Аспирантка

Дагестанский государственный университет

юридический факультет, Махачкала, Россия

E-mail: alieva_jen@mail.ru

Мир сейчас находится в состоянии самого глубокого со времен «Великой депрессии» финансово-экономического кризиса. Он отразился на всех сферах жизни людей, затронул все слои населения всех стран мира. Глобальный кризис ставит перед государствами очень много вопросов на пути к его преодолению. Экономический спад, инфляция, безработица, обвал рубля все это далеко не лучшим образом влияют на уровень преступности в нашей стране и да и в мире в целом.

У экономических кризисов есть свои индикаторы. Генеральный секретарь Интерпола Рональд Ноубл в интервью ИТАР-ТАСС на форуме в Давосе заявил, что глобальный кризис вызвал рост криминальной активности в мире.

Серьезно увеличились такие преступления как мошенничество, кражи, разбои, производство контрафактной продукции, уклонение от уплаты налогов, угон автомобилей. О том, что экономические кризисы напрямую влияют на распространенность краж, говорят и данные официальной статистики. С 2000 г. До осени 2008 г. Отмечалась тенденция к снижению числа этих преступлений, что в немалой степени было обусловлено развитием рынка услуг по обеспечению сохранности денежных средств населения (кредитные карты, вклады, банковские ячейки). Но, начиная с осени 2008 г. Ситуация стала меняться в негативную сторону. Граждане стали забирать наличные деньги из банков, не доверяя им, а это сразу создало поле для деятельности воров всех видов, особенно профессиональных преступников-рецидивистов.

Помимо воровства следует ожидать всплеска всех видов корыстных преступлений. Впрочем, он уже начался. 2008 г. Завершился целой серией дерзких разбойных налетов на инкассаторов, отделения Сбербанка, дома, дачи и квартиры граждан.

Изменения преступности наступают не одновременно с кризисом, а вслед за ним. Поэтому можно выделить следующие фазы развития криминальной ситуации:

предкризисную, кризисную, остро-кризисную, катастрофическую. На начало 2009 г. Можно диагностировать криминальную ситуацию в России еще как предкризисную. Однако все указанные фазы развития криминальной ситуации возможны. Поэтому необходимы алгоритмы действий государства на каждой из этих фаз.

Литература

1. Анесянц С.А. Уроки дефолта как одного из крупнейших экономических преступлений XX века и возможность его повторения // Государственная граница, организованная преступность, закон и безопасность России. Под ред. проф. А.И. Долговой. Российская криминологическая ассоциация. –М., 2005.
2. Малякин Е. Бизнес – дойная корова коррупции // Следователь. - 2007. - № 6. - С. 52-55.
3. Негляд Г.Ю. Мошенничество, силовые поглощения и организованная преступность // Криминальная экономика и организованная преступность. Под ред. д.ю.н., проф. А.И. Долговой. –М., Российская криминологическая ассоциация, 2007. – С. 24-28.
4. Потапов С.А. Проблемы выявления органами внутренних дел экономических преступлений // Организованная преступность, терроризм, коррупция в их проявлениях и борьба с ними. М., 2005. С. 146-151.
5. Рахманов Е.Н. Экономика и преступность в условиях глобализации // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2004. 0№ 4. С. 201-205

Судебный прецедент в уголовном праве: возможно ли?

Аглетдинова А.Р.

студент

филиал Казанского Государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина

в г. Набережные Челны, Россия

E-mail: bobsick@yandex.ru

В науке уголовного права до сих пор остается окончательно нерешенными вопрос, связанный с определением значения судебных решений для национального нормотворчества. Не углубляясь в анализ полномочий судов, рассмотрим лишь один вопрос, связанный с их деятельностью, - вопрос о судебном прецеденте. В плане поставленной проблемы представляет особый интерес вопрос о статусе в системе источников права таких судебных актов, как постановления Пленума Верховного Суда РФ и решения Верховного Суда РФ по конкретным делам.

Сегодня реальность позволяет по-новому взглянуть на роль судов в создании прецедентов, а предложение наделить новой функцией высшие органы судебной власти - по выработке судебных прецедентов - является актуальным в современных условиях.

При этом необходимо четко разделять судебный прецедент и судебную практику. Это не тождественные понятия: если судебный прецедент - это решение высшего судебного органа по конкретному делу, принимаемое за образец в последующих сходных случаях, то судебная практика - это результат единообразного применения закона.

Таким образом, правовая природа постановлений Пленума Верховного Суда РФ и решений Верховного Суда РФ по конкретным делам различна. Вместе с тем в юридической литературе иногда допускается их смешение, связанное, как правило, с признанием постановлений Пленума Верховного Суда судебными прецедентами. В частности, В.В. Демидов пишет: "Содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ разъяснения по вопросам применения законодательства, основанные на требованиях закона и обобщенных данных судебной практики в масштабах страны, представляют собой своеобразную форму судебного прецедента"¹. Однако такой подход кажется нам не совсем верным. Традиционно судебный прецедент в отечественной литературе понимается именно как решение суда по конкретному делу, вкладывать иное значение в данное понятие - означает, по сути, создание нового понятия. Постановления Пленума ВС РФ, являясь результатом обобщения определенной категории дел, выступают

как неперсонифицированные акты, а потому не могут иметь характер судебного прецедента.

Отношение к судебному прецеденту в уголовном праве остается неоднозначным, но в последнее время все чаще решения Верховного Суда РФ по конкретным уголовным делам признаются судебными прецедентами. А связано это прежде всего с тем, что в реальной жизни практикующие юристы часто обращаются к судебной практике, чтобы спрогнозировать исход того или иного судебного дела либо решить спорный правовой вопрос. Иногда сами суды при рассмотрении спора, дабы избежать последующей отмены вынесенного ими решения, просят стороны представить для обозрения судебную практику по аналогичным делам.

Как известно, в решениях Верховного Суда РФ по конкретным делам формулируется понимание правовой нормы уголовного закона, которое впоследствии активно используется в практической деятельности судебными органами и органами предварительного расследования.

В юридической литературе существует мнение, согласно которому казуальное толкование Верховным Судом РФ уголовно-правовых норм воспринимается нижестоящими судами лишь в силу убедительности, аргументированности, но не обязательности. Так, В.С. Нерсесянц отмечает, что ошибочно трактовать различные решения, попавшие в обзор судебной или арбитражной практики, как судебный прецедент. Подобные обзоры, публикации в судебных бюллетенях и т.д. - это лишь авторитетная информация о правоприменительной практике (к тому же выборочная и фрагментарная), способ выражения той правоприменительной политики по конкретным делам, которой придерживаются высшие судебные инстанции. Судьи нижестоящих судов могут как следовать подобным рекомендациям, так и придерживаться собственного понимания и толкования действующего права¹.

Справедливости ради следует отметить, что на законодательном уровне обязанность нижестоящих судов следовать решениям вышестоящих судебных инстанций не закреплена.

Между тем, право Верховного Суда РФ осуществлять надзор за деятельностью нижестоящих судов служит серьезной гарантией того, что последние не будут игнорировать устоявшиеся образцы правильного толкования закона. В случае отказа нижестоящей судебной инстанции следовать разъяснениям, данным вышестоящим судом, вынесенное решение подлежит изменению или отмене, и в результате дело должно рассматриваться в соответствии с указанием высшей судебной инстанции, которое обязательно при новом рассмотрении уголовного дела (ч. 6 ст. 388 УПК РФ). При этом в качестве основания для отмены решения приводится ссылка на закон, но он толкуется высшим судебным органом в том смысле, в котором он его понимает и применяет на практике.

Для того, чтобы судебная практика воспринималась как источник права и активно использовалась в практической деятельности, она должна быть общедоступна. Как известно, если акты не опубликованы для всеобщего сведения, то они не могут применяться. В настоящее время решения Верховного Суда РФ, разновидностью которых выступают постановления Пленума, публикуются в Бюллетене Верховного Суда РФ. Однако публикуются не все решения, а лишь некоторые из них.

Оправданным представляется изменение практики опубликования решений Верховного Суда РФ по конкретным делам в сторону публикации всех судебных решений, которые были предметом его рассмотрения, и законодательно предусмотреть Бюллетень Верховного Суда РФ в качестве официального источника публикации.

Полагаем, что данные положения будут способствовать формированию единой правовой позиции и минимизации судебных ошибок.

Кроме того, в целях соблюдения этических норм и моральных принципов целесообразно полностью не указывать фамилию, имя, отчество подсудимых,

потерпевших, иных лиц, участвующих в деле, а ограничиться лишь указанием на первую букву фамилии.

Таким образом, следует сказать, что в настоящее время судебный прецедент в правовой системе Российской Федерации официально не признается, но на практике активно применяется в качестве вспомогательного источника права.

До того как суды истолковали норму права, применив ее к конкретному делу, она нередко представляет собой декларацию. Полагаем, что уже само по себе разъяснение уголовного закона судом становится своеобразным источником права, наполняет его реальным содержанием, раскрывая смысл правовой нормы, заложенный в нее законодателем.

Предкриминальный контроль как фактор предупреждения преступности

Берман Евгений Олегович¹

студент

*Сибирский филиал Международного института экономики и права (Москва),
Новокузнецк, Россия*

E-mail: BermanEvgenii@rambler.ru

Предкриминальный контроль является одной из самых острых проблем современного мира. Многие люди, будь то простой человек, политик, юрист хотя бы раз в своей жизни задумывались, можно ли было предотвратить те или иные преступления? В связи с этим возникает вопрос о возможностях и методах выявления криминально опасных лиц. Эти методы тесно связаны с проблематикой социального контроля. В литературе говорится, что «...борьба с правонарушениями и преступлениями индивидов – одна из функций социального контроля¹.» Одним из видов социального контроля следует рассматривать предкриминальный контроль. Его можно понимать как систему мер безопасности, предупреждения и социальной коррекции, направленных на устранение возможности совершения опасных деяний лицами, склонными к криминальному поведению. Основной проблемой предкриминального контроля является то, что эти меры могут нарушать права человека, охраняемые Конституцией РФ, международными стандартами ООН и Совета Европы. Это правильно, ибо, как можно привлечь человека и взять его поведение под контроль, если он не совершил преступления. Вместе с тем, однако, одной из главных задач уголовного права является предупреждение преступлений, поэтому если мы можем выявить таких личностей и предотвратить преступление, то почему мы не можем контролировать их. Конечно же, в России существуют некоторые формы и элементы предкриминального контроля: согласно Указу Президента РФ в редакции от 10 января 2000г. № 24 «ОБ УТВЕРЖДЕНИИ КОНЦЕПЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ», установлен приоритет профилактики в ряду всех направлений борьбы с преступностью. Среди задач в области борьбы с преступностью на первое место поставлено «выявление, устранение и предупреждение причин и условий, порождающих преступность». Понятие предупреждения преступности включает в себя меры по удержанию от преступных действий тех людей, образ жизни и поведение которых указывают на высокую вероятность совершения ими таких действий. Кроме того, подразделения «по делам несовершеннолетних» осуществляют контроль над семьями и лицами с общественно опасным и асоциальным поведением, ведь как известно большинство правонарушений совершаются выходцами из неблагополучных семей. В тоже время и посткриминальный контроль над лицами, уже отбывшими уголовное наказание, может являться предкриминальным контролем, направленным на «вторичную профилактику преступлений». Недостаток этих мер предкриминального контроля состоит в несовершенстве законодательной базы. Российская история показывает, что

общественное мнение и государственная политика в этом вопросе «бросаются» из крайности в крайность: от полнейшего государственного произвола до боязни ограничить «абсолютные» права и свободы индивида. В результате всегда страдают законопослушные граждане. В первом случае - нет защиты от злоупотреблений властей, во втором – от преступного произвола.

Создание отдельной системы, которая будет заниматься поиском и контролем таких личностей, как представляется, необходима нынешней России. Основаниями для контроля будет выявление наличия у человека предпосылок на совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Говоря более подробно, лица, имеющие непосредственную предрасположенность к совершению того или иного преступления, имеют явную или скрытую форму опасного асоциального поведения, причем некоторые из них на генном уровне. Наукой доказано, что серийные убийцы и сексуальные маньяки имеют врожденную патологию, проявляющуюся в генной мутации, так если у здорового мужчины нормальное количество хромосом-XY, то у серийного маньяка-XY¹. Таким образом, генетический фактор в формировании механизма у отдельных индивидов насильственного преступного поведения не отрицается криминологией и требует дальнейшей разработки и принятия во внимание при создании модели предупреждения «серийных» убийств на сексуальной почве. Кроме того, необходимо совершенствование юридических оснований предкриминального контроля. Оно, в частности, может проявиться в принятии специального закона о контроле над преступностью, в котором и можно было бы закрепить положения, касающиеся пределов предкриминального контроля, его формы, состава и обеспечительных мер. Подобный закон могло бы логично дополнить принятие Федеральной комплексной программы предупреждения криминального насилия и делинквентности личности. В ней так же следовало бы уделить внимание вопросам предкриминального контроля, механизмам защиты прав интересов тех лиц, кого неизбежно затронет данный контроль. И конечно, нужно четкое определение его границы. Вероятно, что некоторые изменения потребуются и в уголовном законодательстве. Формой контроля будет являться наблюдение, постановка на учет в специальную федеральную базу данных и применение «методов предупредительного воздействия»¹. Последнее делится на два вида: стимулирование и ограничение, то есть предупреждение преступности осуществляют при помощи принудительных мер и мер, не связанных с принуждением (социальные меры). Механизм правового стимулирования, в отличие от механизма правового ограничения, выражается не в прямых велениях, а в косвенных «приглашениях» к действию через мотивацию заинтересованности. Особенность стимулов состоит в том, что они, побуждают людей к нужному (сознательно прогнозируемому) поведению, помогающему избежать преступления. Это происходит благодаря помощи или препятствию в осуществлении потребностей индивида.

Конечно, данные суждения могут показаться спорными, однако теоретические и социально-правовые основы осуществления такой сложной модели, как предкриминальный контроль заслуживают внимания и учета в деятельности общества и государства по борьбе с преступностью, обеспечении эффективности ее реализации.

Литература

1. Щедрин Н. В. «Основы общей теории предупреждения преступности». Красноярск. 1999г.
2. Указ Президента РФ в редакции от 10 января 2000г. № 24 «Об утверждении концепции национальной безопасности Российской Федерации»
3. Щедрин Н. В. «Введение в правовую теорию мер безопасности. Монография» Красноярск. 1999г. 180с.
4. Антонян Ю.М, Горшков И.В., Зулкарнеев Р.М. «Проблемы внутрисемейной агрессии» Москва: НИИ МВД России, 1999г.

5. Малько А.В. «Стимулы и ограничения в праве», М. Юристъ, 2005г.

Пробелы в современном уголовном законодательстве. Ст. 110 Уголовного кодекса Российской Федерации – Доведение до самоубийства.

Боборыкин Ф.А.

Студент

Королёвский филиал Международного юридического института при Министерстве юстиции Российской Федерации

Факультет регионального обучения, г. Королёв, Московская область, Россия

E-mail: zlobyaschic@gmail.com

Современная российская доктрина уголовного права являет собой прочную систему, положения которой формировались светилами юридической науки на протяжении многих лет. Сами же нормы уголовного права, напротив, зачастую подвергаются критике, как со стороны юристов-практиков, так и со стороны юристов-теоретиков. Предметом исследования является преступление, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 110 УК РФ – Доведение до самоубийства. Судебная и следственная практика по указанному преступлению крайне скудна, что, возможно, и служит причиной малого внимания законодателя к рассматриваемому составу преступления. Тем не менее, по сравнению со статьёй 107 УК РСФСР, законодатель внёс существенные изменения. В частности, исключен признак наличия у потерпевшего «материальной или иной зависимости от виновного», который являлся обязательным, а также была расширена объективная сторона преступления: добавлен ещё один способ совершения преступления – «угрозы». Следует отметить, что «угрозы», как способ совершения рассматриваемого преступления, указаны во множественном числе, что важно для буквального толкования диспозиции статьи. Важным моментом является то, что перечень способов совершения указанного преступления является закрытым, а это вызывает оживлённые дискуссии среди учёных.

Не меньший интерес представляет субъективная сторона рассматриваемого преступления. В силу ч. 2 ст. 24 УК РФ доведение до самоубийства не может быть совершено по неосторожности. Однако среди учёных имеется спор о том, может ли быть совершено данное преступление с прямым умыслом, или же только с косвенным. Существует мнение, что если доведение до самоубийства совершается с прямым умыслом, то это деяние следует квалифицировать как убийство, то есть по ст. 105 УК РФ. Данный тезис не является верным, в силу того, что при доведении до самоубийства, виновный не совершает действий, непосредственно направленных на лишение потерпевшего жизни.

После выяснения всех нюансов квалификации по данному преступлению, становится ясным, что доведение до самоубийства возможно лишь с умышленной формой вины, при этом как с косвенным умыслом, так и с прямым. Отсутствие такого состава как доведение до самоубийства по неосторожности является несомненным упущением. Можно смоделировать ситуацию, которые нередко освещаются в СМИ (к примеру, дело в отношении Веры Новак, рассмотренное Красносельским районным судом г. Санкт-Петербург в июле 2007-го), когда педагогический работник в общеобразовательном учреждении, допустим, жестоко обращается со своими учениками, и некоторые из них пытаются покончить жизнь самоубийством. Законные представители этих детей могут возбудить дела лишь по ст. 130 УК РФ (Оскорбление) или ст. 115 УК РФ (побои), в то время как общественная опасность совершаемых противоправных действий намного выше. Из этого следует, что в нынешний уголовный кодекс следует ввести ещё одну статью. Если представить это предложение в виде законопроекта, то оно будет выглядеть следующим образом:

«Дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации статьёй 110.1 следующего содержания:

Ст. 110.1. Доведение до самоубийства по неосторожности.

Доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство по неосторожности путём угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего –

наказывается ограничением свободы на срок до двух лет или лишением свободы на тот же срок».

Таким образом, общественная опасность вышеописанного преступления приравнивается к общественной опасности причинения смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ), что является правильным и соответствующим общественным отношениям нашего времени.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации, принят ГД ФС РФ 24.05.1996, ред. от 13.02.2009 "Собрание законодательства РФ", 17.06.1996, N 25, ст. 2954.
2. Уголовный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, утв. ВС РСФСР 27.10.1960, ред. от 30.07.1996, "Свод законов РСФСР", т. 8, с. 497.
3. www.suprcourt.ru (Верховный суд Российской Федерации).
4. В.М. Лебедев (2007) Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации, М.: Юрайт.

Сравнительный анализ уголовного законодательства Украины и России как метод выработки предложений по его совершенствованию

Бордюгова Е.А.¹

Студентка

*Национальная юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого,
факультет подготовки кадров для органов юстиции, Харьков, Украина*

E-mail: Katerina-Bordiugova@rambler.ru

1. Одной из главных задач юридической науки любой страны, в том числе Украины и России, является разработка и аргументирование предложений по усовершенствованию законодательства. Известно, что прежде чем определенное положение найдет свое выражение в законодательной форме, оно должно пройти долгий путь своего становления в научной сфере. Несмотря на такую сложную процедуру формирования нормативно-правовых актов, а в особенности Уголовных кодексов, очень часто получается так, что законодательство все равно содержит в себе те или иные недостатки. Существует несколько методов выработки предложений по совершенствованию законодательства. Одним из многих методов является метод компаративного анализа законодательства, обнаружение схожих положений, и путем сравнительного анализа выработка общих путей исключения таких недостатков. Именно этому методу и посвящено данное исследование. В данном контексте и ставится вопрос о соответствии некоторых положений Уголовных кодексов Украины и Российской Федерации международным стандартам, основоположным важнейшим принципам уголовного права и современному состоянию правовой системы наших государств.

2. В первую очередь это касается определения наказания. Статья 43 УК РФ определяет наказание как меру государственного принуждения, назначаемую по приговору суда. Наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных Кодексом *лишении или ограничении* прав и свобод этого лица. Сущностное отличие определения наказания, которое предусмотрено в УК Украины, состоит в том, что наказание заключается в предусмотренном законом *ограничении* прав и свобод осужденного. Лишение прав и свобод осужденного не

упоминается, хотя и является неиссякаемым источником научных дискуссий, которые разгораются вокруг этой проблемы. Определение, предусмотренное Уголовным кодексом Российской Федерации, противоречит международным стандартам, а именно Всеобщей Декларации прав человека, которая закрепила положение о том, что каждый человек должен претерпевать только таких *ограничений*, которые установлены законом.

3. Такая проблема Уголовного кодекса Российской Федерации обусловлена тем, что одним из видов наказаний до сих пор является смертная казнь. Вопрос о том, может ли смерть быть карой, над которым столетиями раздумывали философы, богословы и юристы, приобрел в современных государствах не только морально-этического или юридического значения, но стал и серьезным политическим фактором. Ведь всем известно, как негативно влияло присутствие смертной казни в Уголовном кодексе Украины на взаимоотношение Украины с Советом Европы. Достаточно частое применение этого вида наказания вызывало неодобрение не только со стороны международных, но и со стороны отечественных правозащитных институций. Право на жизнь является основным правом человека и защищается конституциями всех демократических государств. В большинстве стран закреплено абсолютное право человека на жизнь, то есть ни один человек не может быть лишен своего конституционного права на жизнь даже государством. В странах, где сохранен институт смертной казни, под правом на жизнь понимается, что ни один человек не может быть лишен его без надлежащей правовой процедуры (относительное право на жизнь). Россия до сих пор не избавилась от такого вида наказания как смертная казнь, хотя и установила на нее мораторий. Но это лишь вопрос времени. Государство, которое стремится к достижению цели создания демократического, правового общества, непременно в скором времени приведет нормы УК в соответствие с международными стандартами.

4. Не обделен недостатками и Уголовный кодекс Украины. В частности это касается такого наказания как конфискация имущества, от которого в 2003 отказалась Российская Федерация, хотя и вернула ее позже, но уже не в качестве наказания, а как иную меру уголовно-правового характера. В украинской уголовно-правовой литературе поднимается вопрос об исключении конфискации имущества из УК Украины, которое правомерно приобретено виновным из системы наказаний. Это наказание не соответствует одному из основных принципов уголовного права, а именно – справедливости. Степень карательного влияния этого вида наказания (а в некоторых случаях и наличие карательного влияния вообще) определяется исключительно материальным состоянием осужденного и не зависит от тяжести преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного. Очевидно, чем больше имущества имеет осужденный, тем больше сумма материального ущерба, которая будет ему причинена в результате исполнения этого вида наказания. С другой стороны, карательное влияние полностью нивелируется для осужденных, которые не имеют имущества, которое подлежит конфискации, в том числе из-за нежелания на протяжении долгого времени работать, злоупотребление спиртными напитками или наркотическими средствами и т.д. Таким образом, наказание в виде конфискации имущества не может признаваться справедливым и подлежит исключению из Уголовного кодекса Украины. Очевидно, что реализация подобного предложения должна быть связана с некоторыми другими изменениями в системе наказаний, что позволит избежать ее разбалансированности. В том числе, должны быть расширены случаи применения штрафа как дополнительного наказания, пересмотрены некоторые вопросы соотношения основных и дополнительных наказаний и т.д. Но это уже задание других научных исследований.

5. Кроме этого, Уголовные кодексы хранят в себе еще множество проблем, связанных, например, с целесообразностью сохранения утративших свою актуальность исправительных работ, со сроками наказания в виде лишения права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью. Некоторые ученые

высказывают аргументы против пожизненного лишения свободы. Эти и другие проблемы являются актуальными для последующих научных исследований.

Література

1. Бажанов М. И. (1992) Уголовное право Украины. Общая часть. – Днепропетровск: Пороги.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (отв. ред. А. А. Чекалин; под ред. В. Т. Томина, В. В. Сверчкова) (2006). - 3-е изд., перераб. и доп. - Юрайт-Издат.
3. Кримінальний кодекс України: Науково-практичний коментар (2008) / Ю. В. Баулін, В. І. Борисов, С. Б. Гавриш та ін. За заг. ред. В. В. Сташиса, В. Я. Тація. – Вид. четверте, доповн. – Х.: ТОВ «Одіссей».
4. Маляренко В. Т. (2003) Про покарання за новим Кримінальним кодексом України. – К: Фонд «Правова ініціатива».
5. Мельникова В. М. (2004) Конфіскація майна, як додатковий вид покарання// Юридичні читання молодих вчених: Зб. матеріалів всеукр. наук. конф., 23-24 квіт. –К.: НПУ ім. Драгоманова.
6. Пономаренко Ю. А. (2001) Актуальні питання дії кримінального закону у часі у зв'язку зі скасуванням смертної кари // Правова держава. № 3.
7. Савченко С. (2005) Виняткова міра покарання як головне обмеження права на життя (теоретико-правовий аспект) // Право України. №8.

Обзор ювенального законодательства Канады и возможность внедрения его основных положений в правоприменительную практику России.

Бояринова Е.В.

*преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, соискатель ученой степени
Российская академия правосудия, Ростовский филиал, Ростов-на-Дону, Россия
E-mail: Boyarinova.elena@rambler.ru*

В настоящее время в различных регионах России проводится активная работа по внедрению элементов ювенальной юстиции в судебную систему Российской Федерации. Так, в Ростовской области уже действуют три модельных ювенальных суда (выделенные составы по делам в отношении несовершеннолетних правонарушителей) и нелишним будет изучение иностранного опыта, в частности опыта Канады, для детального анализа и адаптации ювенальных технологий зарубежных коллег к нашей правоприменительной практике.

Для обоснования необходимости и актуальности продвижения судебной реформы России в данном направлении было проведен анализ законодательства о ювенальной юстиции Канады, а также исследован порядок рассмотрения дел у ювенальных судей и работа с несовершеннолетними правонарушителями после вынесения приговора.

Для того чтобы понять как в Канаде ведется работа с молодежью, вовлеченной в преступную деятельность необходимо проанализировать законодательство Канады, в частности "Закон об уголовной ювенальной юстиции" (далее Закон). Закон «Об уголовной ювенальной юстиции» является федеральным законом, рассматривающим правонарушение, совершенные несовершеннолетними лицами (в возрасте от 12 до 18 лет). В соответствии с Законом все процессуальные действия совершаются в ювенальном суде. Система уголовной ювенальной юстиции призвана обеспечивать долгосрочную защиту населения посредством следующих мер:

- Профилактика преступлений путем разрешения обстоятельств, лежащих в основе противозаконных действий.
- Реабилитация несовершеннолетних правонарушителей и их реинтеграция в общество.
- Обеспечение эффективных последствий правонарушения.

Данные меры дают возможность оградить общество от более жестоких преступлений и наиболее пагубных последствий.

Система уголовной ювенальной юстиции отделена от общего уголовного правосудия и делает упор на реабилитацию и реинтеграцию несовершеннолетнего в общество, справедливую и соразмерную ответственность, которая согласуется с большей зависимостью и недостаточной зрелостью несовершеннолетних. Усиленные процедурные меры защиты, обеспечивают справедливое рассмотрение дела и охрану прав несовершеннолетних, а своевременность вмешательства подкрепляет связь между преступлением и его последствиями. Своевременность и скорость действий лиц, ответственных за применение Закона с учетом восприятия несовершеннолетнего и времени, позволяет ощущать наказуемость совершенного деяния.

В рамках справедливой и соразмерной ответственности канадское законодательство делает акцент на меры, принимаемые в отношении несовершеннолетнего, которые должны укреплять уважение к общественным ценностям, содействовать возмещению ущерба, нанесенного пострадавшим и жителям района. Меры должны быть значимыми для несовершеннолетнего с учетом его потребностей и уровня развития и, где приемлемо, вовлекать в реабилитацию и реинтеграцию несовершеннолетнего его родителей, близких родственников, жителей микрорайона, а также социальные и другие учреждения.

При анализе особо хочется обратить внимание на широкий выбор мер наказания в арсенале ювенальных судей. Это общинные работы или проживание под надзором, а также пробация, содержание в исправительном учреждении открытого типа, строгая изоляция, усиленный надзор, помещение в центры ежедневного присутствия, и во всех мерах предусматривается "работа с поднадзорными".

Выявлено, что работа, основанная на учете психологических характеристик несовершеннолетних, корректировка поведения с учетом личностных особенностей значительно снижает процент повторных преступлений.

И наоборот, вмешательство, основанное на предотвращении правонарушений под страхом наказания, оказалось неэффективным. В профилактике правонарушений было малоуспешным или вовсе не принесло результат, ужесточение наказаний.

Постулатом в организации работы с несовершеннолетними в Канаде, является принцип - для несовершеннолетних с повышенным риском повторного совершения преступлений требуется более высокий уровень социальной работы, в то время как для поднадзорных с низкой вероятностью рецидива более эффективен смягченный режим надзора.

Поскольку, после приговора об отбытии наказания в пенитенциарном учреждении, обязательно предусматривается исполнение приговора суда об отбытии наказания по месту жительства, один патронажный работник (инспектор службы пробации) работает с несовершеннолетним до пребывания в местах лишения свободы, во время такого пребывания, и после возвращении этого несовершеннолетнего на место жительства. При этом в работе с поднадзорным обязательно участвуют все предусмотренные законодательством органы и учреждения, с упором на потребности несовершеннолетнего.

Работа с несовершеннолетними в Канаде направлена на когнитивные и поведенческие аспекты и исходит из того, что если научить поднадзорного следить и модифицировать процессы мышления - ключ к получению личного контроля над нарушениями в эмоциональной и поведенческой сфере.

Необходимо также учитывать, что несовершеннолетние способны научиться отслеживать и изменять свое мышление и учатся критически оценивать и корректировать иррациональные или косные убеждения, которые ведут к нарушениям в процессах мышления в первую очередь.

Когнитивно-поведенческое вмешательство особенно существенно для программирования несовершеннолетних правонарушителей, поскольку такое вмешательство является эффективным средством изменения антисоциального про-криминального поведения.

В основном существуют три основных категории когнитивно-поведенческого вмешательства: обучение навыкам преодоления стрессовых ситуаций, когнитивной реструктуризации, и обучение решению проблем.

Модель ювенальной юстиции в современной доктрине российского уголовного правосудия действительно имеет право на существование с обязательным предварительным исследованием всех возможных проблем. Государство должно обладать эффективными инструментами не только для восстановления нарушенного права, но и восстановления социальных связей несовершеннолетнего правонарушителя, причем не в ущерб первой задаче.

Исследование модели ювенального правосудия для четкого определения социального эффекта в современных условиях, а не в целях следования просто модной идеи, может принести существенную пользу. Разработка имеющихся идей и практики могут оказать значительную помощь в дифференцированном и обоснованном применении реабилитационных программ, с учетом опыта ювенального правосудия зарубежных коллег.

Необходимая оборона. Проблемы квалификации

Бурниева Анжелика Игоревна

студентка, 2 курс

Таганрогский Институт Управления и Экономики, Юридический факультет

Таганрог, Россия

E-mail: angels-b@yandex.ru

«Око за око. Зуб за зуб» - один из основополагающих принципов назначения наказания, принцип зеркала, можно сказать. На первый взгляд он представляется достаточно простым. Всё объективно и доступно. Однако, с другой стороны он многогранен. Его так же можно понять не только как принцип назначения наказания, но и как возможное обоснование объективной защиты человеком своих прав, свобод. Но как часто эта возможность разворачивается к человеку, пытающемуся воспользоваться этим правом на защиту как своих личных прав и свобод, так и прав и свобод людей, в этой защите нуждающихся, со стороны только их права умаляющей.

Конституция Российской Федерации в статье 45 указывает, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Это общее положение, которое применительно к преступлениям конкретизируется в Уголовном кодексе; статья 37 посвящена необходимой обороне. Текст этой статьи периодически претерпевал изменения, последняя редакция принята в 2002 году, она расширила права обороняющихся, установив, что если посягательство угрожает жизни, то защищаться можно без ограничений и причинить, следовательно, любой вред вплоть до смерти нападающему.

Мы часто слышим и читаем в средствах массовой информации о громких процессах, когда защищавшееся лицо выступает уже в роли обвиняемого по делу о превышении пределов необходимой обороны. А так как уголовно наказуемым превышением пределов необходимой обороны признаются только убийство (ст. 108 УК РФ) и причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 114 УК РФ), они и являются самыми частыми содержаниями обвинения по такого рода делам.

Закон знает два исключения из правила о превышении пределов необходимой обороны. Первое - это защита от посягательства, сопряженного с применением насилия, опасного для жизни, или с угрозой применения такового. В данном случае причинение любого вреда нападающему признается правомерным. К сожалению, законодатель не разъясняет, что подразумевается под насилием, опасным для жизни, поэтому вокруг данного положения не перестают вестись споры. Вторым исключением является превышение обороняющимся лицом пределов необходимой обороны в случае, когда

вследствие неожиданности посягательства оно (лицо) не могло объективно оценивать характер и степень опасности нападения.

Возьмем к рассмотрению в качестве примера нашумевшее дело 2003 года. Гражданка И. возвращалась вечером домой, т.к. спешила к семье остановила таксиста-частника Б. Как только гражданка И. села в машину, таксист заблокировал двери, отвез пассажирку в темный переулок, где стал принуждать ее к сексу. Уговоры не подействовали - в короткой схватке побеждал молодой здоровый мужчина. В отчаянии женщина выхватила из сумочки нож (который носила при себе, опасаясь нападений), и ударила им таксиста в бедро, после чего выбралась из машины. Удар пришелся в бедренную артерию, хлынула кровь, а поскольку таксист находился в состоянии опьянения, то не смог адекватно оценить ситуацию. От острой потери крови Б. скончался еще до прибытия скорой помощи. Дело И. прошло несколько судебных инстанций. Ее доводы, что она действовала в пределах необходимой обороны и не превысила ее пределов, правоприменители долгое время считали неубедительными. Следствие по этому делу длилось восемнадцать месяцев вместо двух положенных по закону. Вначале ей было предъявлено обвинение по ч. 4 ст. 111 УК РФ. Позже оно было переквалифицировано по ч. 1 ст. 107 УК. В июне 2005 г. суд признал гражданку И. виновной в аффектированном убийстве и приговорил ее к двум годам лишения свободы условно. Дело гражданки И. получило большой общественный резонанс. Только благодаря вмешательству правозащитников и юридической общественности приговор по делу в порядке надзора был отменен, и И. была оправдана за отсутствием в ее действиях состава преступления.

Нередко следственные органы привлекают к уголовной ответственности лиц, причинивших вред в состоянии правомерной необходимой обороны. Их действия неверно оцениваются как умышленное причинение при превышении пределов обороны, хотя при тщательном анализе материалов дела можно сделать прямо противоположный вывод. Но обороняющийся, в отношении которого фактически допускается объективное вменение, до момента признания его действий правомерными испытывает весьма тяжелый стресс, связанный с набором жестких правовых последствий (включая необоснованное привлечение к уголовной ответственности, процессуальное задержание и содержание под стражей, осуждение за более тяжкое преступление). Анализ судебной практики показывает, что превышением пределов необходимой обороны признаются действия, характеризующие несоразмерность средств защиты и нападения. При этом должна учитываться оценка интенсивности действия сторон и ценность охраняемого интереса, а также временные рамки оборонительных действий.

Так, Еще профессор Н.С. Таганцев отмечал, что «оборона не может быть беспредельной, защищающийся только тогда может перейти к насильственным мерам, когда ненасильственные меры оказались недействительными или когда он добросовестно предполагал их недействительными». И далее он приводит слова немецкого криминалиста Лефита о том, что «опасность потерять самое ничтожное благо оправдывает употребление наибольшего насилия, если это благо нельзя сохранить иначе, и, наоборот, опасность для самого высшего блага не может оправдать самого ничтожного насилия, если оно превосходило меру, необходимую для его защиты».

Литература:

1. Статьи из газет: Баринов В. Дело об убийстве таксиста-наильника рассмотрят еще раз // Газета. 2005. 5 июля; Марков В. Александру Иванникову, убившую насильника, оправдают? // Комсомольская правда. 2005. 8 июня; Рогачева М. Девушку, убившую насильника, приговорили к двум годам условно // Известия. 2005. 3 июня; Полонская Л. Защита Иванниковой // Литературная газета. 2005. №25; Архитектор Э. Как защитить себя и не угодить на скамью подсудимых // Литературная газета. 2005. №30; и др.
2. Былинский В. Без права на защиту // Мир новостей. 2005. 2 августа.

3. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Т. 1. СПб., 1902. С. 542.
4. Levita C. Das Recht der Nothwehr. 1856 (цит. по: Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 542).

Некоторые вопросы уголовной ответственности за нарушение избирательного законодательства

Бурякова И.О.¹

Студент

*Липецкий филиал Орловской региональной академии государственной службы,
юридический факультет, г. Липецк, Россия
E-mail: _irinochka_88@mail.ru*

Выборы являются проявлением демократии в обществе, но институт на данном этапе находится в состоянии развития и требует детальной регламентации и достаточной высокой защиты со стороны государства. Выборы – это одна из форм непосредственной демократии, помимо выборов к формам непосредственной демократии относятся референдум. Свободные, периодические, справедливые и нефальсифицированные выборы становятся обязательным атрибутом современной российской государственности, что объективно способствует повышению роли и значения опосредующего их избирательного права, образующего юридический фундамент формирования и функционирования всех институтов системы представительной демократии. Переход на пропорциональную систему выборов в современной России позволяет говорить о некотором снижении уровня электоральной преступности, хотя ее уровень и так не очень высок, что дает нам основание сделать вывод о высоком уровне латентной преступности в этой сфере. Принимая во внимание политическую значимость избирательных прав и права граждан на участие в референдуме, уголовное законодательство предусматривает ответственность за совершение общественно опасных нарушений, причиняющих значительный вред охраняемым правовыми нормами общественным отношениям в сфере организации и проведения выборов и референдумов. Уголовную ответственность необходимо рассматривать как крайнюю меру борьбы с правонарушениями в этой сфере, рассчитанную на наиболее вредоносные посягательства на общественные отношения, опосредующие реализацию избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации. Но следует помнить, что прежде чем применять ретроспективную уголовную ответственность существует и позитивная ответственность за данные преступления.

В современных условиях уголовное законодательство, как правило, используется как инструмент политической борьбы. В основном уголовные дела по ст.ст. 141–142.1 УК РФ заводятся под политический заказ и до суда не доходят. Проблемой применения составов указанных ч. 2 ст. 141 УК РФ является вопрос отграничения преступного деяния от административного правонарушения, предусмотренного ст. 5.16 КоАП РФ. Законодатель не дает четких критериев разграничения, что позволяет должностным лицам в виду их низкого уровня подготовки предпочитают квалифицировать подкуп как административное правонарушение, а не уголовное преступление.

На наш взгляд требуется доработка норм уголовного и административного права, четкое законодательное определение и разграничение подкупа избирателей, а так же ужесточение ответственности за электоральные преступления, так как они относятся к категории коррупционных.

Литература

1. Князев С.Д. (2001) Уголовная ответственность за нарушение избирательных прав и права на участие в референдуме // Журнал российского права. М.: Норма, № 2.
2. Краснянский Д.В. (2002) Договор с агитатором: правомерная деятельность кандидата или незаконная избирательная технология // Избирательная кампания: взгляд изнутри. Сборник статей. М.: Институт развития избирательных систем, 2002.

- 3.Криминология (2005) / Под общ. ред. д.ю.н., проф. А.И.Долговой. М.: Норма,2005.
- 4.Кудинов О.П. (2000) Основы организации и проведения избирательных компаний в регионах России. Калининград: Янтарный сказ.
- 5.Кузнецова Н.Ф. (2007) Проблемы квалификации преступлений / Под ред. В.Н.Кудрявцева. М.: Городец, 2007.
- 6.Соловьев С.Г. (2006) Денежный подкуп избирателей на муниципальных выборах: проблемы теории и практики // Государственная власть и местное самоуправление, №9, с. 20-23.
7. Сеченова Р.Р. (2005) Состояние конституционной законности в сфере избирательных прав граждан // Современное право, № 7.
8. www.vybory.izbirkom.ru (Центральная избирательная комиссия Российской Федерации)
9. www.mvd.ru (Министерство внутренних дел РФ)

Медиация как современная технология примирения сторон в уголовном праве

Возьянов Д.К.

Слушатель магистратуры

*Луганского государственного университета внутренних дел имени Э.А. Дидоренко
факультет правоохранительной деятельности, Луганск, Украина*

E-mail: vozyanov_777@mail.ru

Современные тенденции в обществе вынуждают ученых пересмотреть традиционные концепции наказания. Результатом этого стало использование альтернативных мер разрешения конфликта, а именно медиации как технологии примирения сторон и освобождения лица от уголовной ответственности.

Медиация (от лат. *mediare* - посредничать) – это процесс, в котором стороны встречаются с совместно избранным, нейтральным специалистом (посредником), который помогает им вести переговоры с целью выработки взаимоприемлемого решения в условиях существующего конфликта между ними.

Целью процесса медиации, в контексте разрешения уголовных конфликтов, является возмещение ущерба, причиненного правонарушителем и исправление самого правонарушителя. Возмещение ущерба потерпевшему означает, что процесс в первую очередь должен быть ориентирован на удовлетворение требований материального характера, восстановление чувства безопасности, предоставление возможности высказаться по поводу совершенного преступления, получить ответы на вопросы интересующие потерпевшего. Исправление правонарушителя в свою очередь предусматривает разрешение конфликта с учетом тех причин, которые могли обусловить деликвентное поведение, помочь решить проблему иначе, оказывать содействие социальной реабилитации правонарушителя.

Роль медиации в уголовных делах заключается в выполнении таких задач: обеспечение «восстановительного способа» разрешение конфликтов путем привлечения потерпевшего и правонарушителя к активному участию в процессе возмещения ущерба; предоставление возможности участникам обсудить правонарушение, получить ответы на свои вопросы, высказать свои чувства; предоставить участникам процесса примирения возможность разработать взаимно приемлемый план относительно устранения причиненного вреда.

Успешное проведение медиации определяется многими факторами: от соблюдения основных принципов процесса к готовности самих участников уголовного конфликта принимать участие. Среди необходимых предпосылок успешного применения медиации в уголовных делах решающее значение имеют:

- добровольность участия в процедуре;
- конфиденциальность процесса;

Секция «Юриспруденция»

- нейтральность и беспристрастность посредника;
- активное привлечение потерпевшего и правонарушителя к разрешению конфликта.

По содержанию медиация (посредничество) являются гармоничными инструментом устранения конфликта в преступлениях, которые имеют ограниченный круг потерпевших, поскольку именно в этом случае возможность практически полностью снять конфликтную ситуацию в обществе обеспечивается самой природой таких преступлений. При добровольном возмещении причиненного ущерба преступником ликвидируется социально-психологическая деформация, которая возникла в обществе. Это возможно при совершении преступления, которое закон относит к категории преступлений небольшой тяжести и некоторых преступлений средней тяжести, и не воспринимается гражданами как попрание основ общества, что в свою очередь позволяет рассматривать денежное возмещение как адекватную компенсацию причиненного вреда.

В случае, если потерпевшим от преступления является государство, правоохранительные органы следят за урегулированием конфликта. Роль правоохранительных органов при этом, как посредника, состоит в установлении в действиях виновного лица всех необходимых оснований для примирения.

Кроме того, с помощью медиации (посредничества) реализуются превентивность в виде стимулирования положительного посткриминального поведения виновного лица, ограничение распространения криминальной субкультуры в обществе, создание возможности для лиц, которые совершили преступление, реабилитироваться в глазах общества и избежать вынужденного совершения правонарушений в будущем.

Спорным моментом относительно процедуры медиации (посредничества) является недостаточность доказательств, имеющих на досудебных стадиях уголовного процесса. Поэтому для освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением потерпевшего с виновным лицом должны выдвигаться повышенные требования к установлению истины. Только в этом случае общество может быть уверенно, что эти начинания не превратятся в подкуп преступниками загнанных в угол жертв и не будут нарушены принципы правосудия.

Освобождение лица от уголовной ответственности при совершении преступления средней тяжести может иметь криминогенные последствия, в зависимости от состава преступления. То есть, среди преступлений средней тяжести имеются составы, по которым возможно успешное примирение сторон, но есть и такие, которые не должны подпадать под процесс примирения (медиацию).

Поэтому, на наш взгляд, наиболее взвешенным является подход, который заключается в адресном применении медиации к нормам, которые содержат составы преступлений средней тяжести, путем указания конкретных составов в статье общей части Уголовного кодекса. Приверженцем такого подхода является Шатихина Н.С., которая также выступает за внедрение адресного применения компромиссных норм в российском уголовном законодательстве.

Литература

1. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних и социальная работа: Учеб. пособие / Под ред. Л.М. Карнозовой. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», - 2001.
2. Давыдова Е.В., Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Примирение с потерпевшим в уголовном праве. Ставрополь – 2002.
3. Носырева Е.И. Посредничество в урегулировании правовых споров: опыт США // Государство и право. – 1997.– №4.
4. Тертишник В. Без суду і слідства: гострі кути реформування кримінально процесуального законодавства // Юридичний журнал. – 2004. – № 11(29).

5. Уиллиамс Б. Общие вопросы внедрения практики восстановительного правосудия (на материале реформ в Англии и Уэльсе) // Восстановительное правосудие / Под. ред. И.Л. Петрухина – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», - 2003.

Вольвак А.А.

“Российская Правовая Академия Министерства
Юстиции Российской Федерации”

Научный руководитель:
Насимов Геннадий Асафович

Понятие наказания.

Уголовное наказание представляет собой реакцию государства на совершенное лицом преступление, для самого же преступника наказание – это уголовное - правовое последствие, совершенного им преступления.

Заслуживает внимания определение, данное А.И. Чучаевым: уголовное наказание – это “мера государственного принуждения, установленная уголовным законом и влекущая за собой лишение или ограничение прав и интересов осужденного, наказание применяется только к лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается от имени государства по приговору суда”.

Понятие наказания определяется ч.1 ст. 43 УК РФ:

“Наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренном настоящим кодексом лишении или ограничения прав и свобод лица”.

Можно выделить несколько признаков, сочетание которых, образует понятие наказания.

1. Наказание – это особая мера государственного принуждения, отличающаяся от иных мер государственного принуждения как реакция государства на совершенное лицом правонарушение, не являющееся преступлением (административное, гражданско-правовое правонарушение, дисциплинарный поступок и т.д.). понятие наказания как меры означает, что каждый вид наказания имеет количественные границы и определенное содержание, т.е. представляет собой потенциально осуществимый способ воздействия на осужденного, строго регламентируемый уголовным законом.

Судимость определяется по действующему законодательству как правовое последствие, связанное с вступлением приговора в законную силу и действующее до момента погашения и снятия судимости.

2. Наказание носит строго личный характер. Оно применяется лишь в отношении самого преступника и не при каких обстоятельствах не может быть применено или переложено на других лиц (например, на родителей несовершеннолетнего преступника).

3. Наказание всегда связано с ограничением прав и свобод лица, совершившего преступление, причиняется (или способно причинить) ему определенные моральные страдания, и лишает его определенных благ, свободы, имущественных прав и т.д. Есть такое определение наказания: “Уголовное наказание, его сущность состоит в его свойстве быть материализованным выражением (формой) реагирования государства на акт преступного поведения виновного, формой осуждения, порицания виновного и совершенного им преступления, содержанием которого является установленные законом правоограничения, психологическое воздействие и тем самым вызвать положительные изменения в его личности, чтобы в дальнейшем это лицо не совершало преступлений.

Иными словами, уголовное наказание является по своей сути не наказанием, а карой, оно служит одной из форм реализации – осуждения, порицания осужденного и совершенного им преступления”¹.

Таким образом делается вывод о том, что наказание по своему объективному содержанию – это всегда кара. Ст. 6 УК РФ, раскрывает принцип справедливости, в части первой оговаривается, что: “наказание и иные меры уголовно-правового характера, подлежащие применению к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т.е. соответствовать тяжести преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного”. Фактически здесь получил развитие принцип, обоснованные ранее основоположниками уголовно-правовой теории “Личный характер ответственности составляет одно из первых условий правильной карательной деятельности, хотя нельзя не прибавить, что это начало является продуктом сравнительно поздней эпохи уголовного права”¹.

Ст. 7 УК РФ, провозглашая принцип гуманизма, гласит, что: “Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижения человеческого достоинства”.

Произошедшие изменения в уголовном законодательстве сделали актуальным вопрос: в чем заключается социальное значение наказания. Что должно преобладать при назначении наказания: его карательный элемент или направленность на предупреждение преступления. Настоящий момент требует превращения уголовной политики в социальную политику предупреждения преступности. Что касается роли наказания в борьбе с преступностью. Борьбу с преступностью, методы, средства определяются уголовной политикой государства.

**Проблемы отграничения состава преступления предусматривающего
ответственность за похищение человека (ст.126 УК РФ) от смежных составов
преступлений.**

Гаврилов М.Г.

Студент

*Международный юридический институт при Министерстве юстиции Российской Федерации, Королёвский филиал, факультет регионального обучения, Россия, Московская область, г. Королёв
E-mail: kelt33@mail.ru*

Целью данной работы является анализ состава преступления, предусматривающего ответственность за похищение человека (ст. 126 УК РФ) и отграничение его от смежных составов преступлений, таких как: незаконное лишение свободы (ст.127 УК РФ) и захват заложника (ст. 206 УК РФ).

Статистические данные свидетельствуют о том, что количество совершенных в стране похищений человека остается стабильным, хотя и составляет всего 0,2% от общего количества тяжких и особо тяжких преступлений. Несмотря на небольшой удельный вес преступлений данной категории в общем массиве криминальных деяний, каждое из них представляет повышенную общественную опасность, так как несет прямую угрозу здоровью, а нередко и жизни потерпевших. Чаще всего похищения совершаются:

- с целью получения выкупа и связаны с коммерческой деятельностью потерпевших (около 40%);
- на бытовой почве с целью разрешения семейных конфликтов, межличностных проблем или в силу исполнения национальных обычаев и традиций (около 10 %);
- с задачей финансирования деятельности преступных формирований (около 45%);
- с целью давления на представителей различных общественных, политических государственных структур (около 5%).¹

Не маловажным фактором является высокая латентность данного состава преступления.

Следует так же подчеркнуть, что субъектами данного преступления (ст. 126), наряду с захватом заложника (ст. 206), являются лица, достигшие 14 – летнего возраста, что подтверждает повышенную общественную опасность указанных преступлений.

Напомню, что Основопологающими критериями разграничения вышеуказанных преступлений являются объект преступного посягательства (при отграничении от захвата заложника) и их объективная сторона. Преступления, предусматривающие ответственность за похищение человека (ст. 126 УК РФ) и незаконное лишение свободы (ст. 127 УК РФ) имеют схожий объект преступного посягательства – это отношения, складывающиеся в сфере свободы личности. Однако преступление, предусматривающее ответственность за захват заложника (ст. 206 УК РФ), имеет иной объект преступного посягательства – это уже отношения, складывающиеся в сфере общественной безопасности.

Говоря об объективной стороне преступления, имеется в виду способ совершения конкретного преступного деяния.

Похищение человека (ст.126 УК) характеризуется признаками:

- захват потерпевшего;
- перемещение потерпевшего в другое место;
- удержание потерпевшего.

Естественно, все они должны совершаться помимо воли потерпевшего.¹ Из этого следует, что похищение человека следует считать оконченным с момента завладения потерпевшим, даже если виновные по не зависящим от них обстоятельствам не сумели доставить его в намеченное для дальнейшего удержания место.

Согласно диспозиции ч.1 ст. 206 УК РФ “Захват или удержания лица в качестве заложника, совершенное в целях понуждения государства, организации или гражданина совершить какое либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия как условия освобождения заложника”. Фраза “Захват или удержание лица в качестве заложника” указывает на то, что преступление будет считаться оконченным с момента совершения хотя бы одного из указанных действий. Следующая часть диспозиции указывает на то, что неотъемлемым элементом захвата заложника является выдвигание лицом, совершившим преступление, требований к указанным в законе лицам. Получается, что возвращение захваченного лица ставится в зависимость от выполнения требований преступника, что имеет место и при похищении человека из корыстных побуждений.

Основным отличием незаконного лишения свободы (ст. 127 УК РФ) от похищения человека является сам способ посягательства на свободу потерпевшего, поскольку он заключается только в удержании потерпевшего в неволе (без насильственного изъятия человека из обычной среды и перемещения его в неизвестное место), тогда как похищение всегда сопряжено с захватом (насильственным или без такового) и последующим его изъятием из места постоянного нахождения, противоправным перемещением в другое место и удержанием помимо его воли. Сущность данного преступления заключается в принуждении потерпевшего оставаться в определенном месте и лишении его возможности покинуть данное место, совершенное путем угроз, применения физической силы, использования беспомощного или зависимого состояния.

Существенным недостатком состава преступления, предусматривающего ответственность за похищение человека, является отсутствие определения похищению человека.

Например, обратившись к диспозиции ст. 127 УК РФ, мы находим формулировку: “Незаконное лишение человека свободы, не связанное с его похищением”, исходя из того, что диспозиция ст. 126 УК РФ является простой, т.е. в ней не раскрывается понятие похищение человека, возникает вопрос, а что же тогда считать похищением человека?

В заключении можно сделать следующие выводы и дать предложения:

1. Законодателю следует изменить редакцию ч.1 ст.126 УК РФ, сделав вместо простой - описательную диспозицию в следующей редакции:

“Противоправные захват, перемещение и удержание лица против его воли, совершаемые тайно, открыто, путем обмана, злоупотребления доверием или иным путем”.

2. Изучая также такой состав преступления, как незаконное лишение свободы (ст. 127 УК РФ), среди квалифицирующих признаков данного преступления я не нашел такой признак, как – деяние совершенное из корыстных побуждений. В связи с этим возникает вопрос, а почему нельзя незаконно лишить человека свободы из корыстных побуждений или по найму? По этому считаю целесообразным предложить внести изменения в ч.2 ст.127 УК РФ путем добавления соответствующего пункта.

Литература

1. Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ и от 30.12.2008 № 7-ФКЗ).

2. Уголовный Кодекс РФ. Принят Государственной Думой 24.05.1996; Одобрен Советом Федерации 05.06.1996; в редакции от 13.02.2009.

3. Министерство Внутренних Дел Российской Федерации [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.mvd.ru/>

Насильственные действия сексуального характера: проблемы квалификации

Герлах Е.В.¹,

студентка

Уральской Государственной Юридической Академии,

Институт Юстиции Екатеринбург, Россия

gerlah@r66.ru

В истории российского уголовного права отношение такому преступлению, как насильственные действия сексуального характера (далее - НДСХ) было сложным и неоднозначным. Во-первых, уголовная ответственность по древнейшим источникам права наступала только за изнасилование, т.е. половое сношение мужчины с женщиной против воли последней. Во-вторых, первое упоминание о НДСХ появилось в Соборном Уложении 1649 года и состояло оно в уголовной ответственности за насильственное мужеложство. В Воинских Артикулах Петра 1 также присутствуют аналогичные нормы, но при этом появляется нововведение – уголовная ответственность за ненасильственное мужеложство. Санкция за данное преступление была более чем суровой – вплоть до смертной казни. В наше время подобная норма кажется варварством и грубейшим нарушением прав и свобод человека. Интересно, что подобная тенденция сохраняется до принятия УК РСФСР 1960 года включительно. Согласно действовавшему на тот момент УК санкция за ненасильственное мужеложство предусматривала реальное лишение свободы! При этом проблема наказания за НДСХ оставалась нерешённой.

Итак, изучив историю становления действующей нормы ст. 132 УК РФ, прежде чем перейти к её анализу, я бы хотела рассказать о видах действий сексуального характера и сгруппировать их по объекту посягательства.

ДСХ можно сгруппировать по видам: 1) по объекту посягательства: совершённые в отношении живых существ – людей или животных (зоофилия) ст. 245 УК РФ; направленные на предметы (фетишизм, ретицизм) Ст.ст. 158, 167 УК РФ в случае хищения, либо повреждения чужого имущества. ДСХ совершённые в отношении людей, можно также подразделить по полу потерпевшего (совершённые в отношении мужчины или женщины) и по возрасту потерпевшего (достигший 14 лет \ не достигший).

Статьёй 132 УК РФ охватываются ДСХ, совершённые исключительно в отношении людей, в то время, как иные могут быть квалифицированы, как преступления против собственности, вандализм и т.п. Отдельным пунктом я считаю нужным выделить некрофилию, так как данное деяние образует состав ст. 244 УК РФ.

Кроме того, ДСХ, совершённые в отношении людей, можно подразделить по признаку нарушения телесной неприкосновенности потерпевшего. Данный критерий я выделяю, так как, на мой взгляд, степень общественной опасности совершаемого деяния возрастает, в зависимости от наличия проникновения в естественные полости тела потерпевшего. Ведь степень физических и нравственных страданий, причиняемых потерпевшему, возрастает несоизмеримо в момент насильственного нарушения его телесной неприкосновенности.

1 – бесконтактные ДСХ (эксгибиционизм, вуайеризм). Данный вид действий сексуального характера, по сути, нельзя назвать насильственными, так как, совершая их, лицо не посягает на половую свободу другого человека. В данном случае, нарушаются иные права человека, например, право на неприкосновенность частной жизни при вуайеризме. Эксгибиционизм, например, может причинить взрослому человеку лишь лёгкий стресс, что нельзя назвать даже нравственными страданиями. Исключение составляет лишь совершение данных действий в отношении лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, что образует собой состав ст. 135 УК РФ.

2 – НДСХ без проникновения в естественные полости тела потерпевшего (фраттеризм, насильственная нарвасадата, мастурбация при помощи партнёра, насильственный куннилингус). Указанные выше действия не всегда рассматриваются как НДСХ. Например, фраттеризм, при котором лицо получает удовлетворение при трении половыми органами о тело потерпевшего, уголовно не наказуем. Исключение составляют также действия, совершённые в отношении лиц, не достигших возраста 16 лет, в этом случае, виновное лицо несёт ответственность по ст. 135 УК РФ. Что касается насильственного куннилингуса (оральная стимуляция женских наружных половых органов), то на практике, зачастую его не квалифицируют отдельно, «поглощая» его составом ст. 131 УК РФ, что, на мой взгляд, крайне неверно, так как на сегодняшний момент, насильственный куннилингус является самостоятельным преступным деянием. Следует указать, что современный законодатель не разъяснил в ст. 132 УК РФ, какие именно из указанных в данном пункте действий считать НДСХ, какие – нет, оставив этот вопрос для решения на практике.

3 – НДСХ с проникновением в естественные полости тела потерпевшего (насильственные анальные и оральные половые контакты, насильственное половое сношение женщины с мужчиной в естественной форме). Данные действия я считаю наиболее общественно опасными, так как они причиняют особые физические и нравственные страдания потерпевшему, могут стать причиной серьёзных заболеваний, вплоть до СПИДа и привести, по неосторожности, к смерти потерпевшего.

Исследовав различные виды ДСХ, я прихожу к выводу, что на сегодняшний момент, в ст. 132 УК РФ наблюдается пробел, в связи с тем, что не определён перечень ДСХ, ответственность за которые наступает по ст. 132 УК РФ. При этом возникает ряд проблем на практике: правоприменитель зачастую неверно квалифицирует преступное деяние, при отсутствии состава НДСХ, «искусственно создаёт» его, квалифицируя по ст. 132 преступления против здоровья человека. В свою очередь, когда состав НДСХ наличествует, (как в случае с насильственным куннилингусом), правоприменитель его не усматривает, квалифицируя содеянное по иной статье УК (например, при сопутствующей ст. 132 УК РФ).

Исходя из изложенного, я считаю необходимым внести изменения в ст. 132 УК РФ. На мой взгляд, необходимо вывести чёткое легальное определение преступных деяний, охватываемых составом ст. 132 УК РФ. Критерием отнесения деяния к перечню НДСХ я считаю момент нарушения телесной неприкосновенности потерпевшего – т.е. момент проникновения полового члена виновного, иных его органов или же частей тела, либо вводимых им предметов в естественные полости тела потерпевшего, либо же потерпевшей. Приведу предлагаемое мной легальное определение НДСХ.

Насильственные действия сексуального характера – это действия лица, осуществляемые путём введения полового члена, иных органов виновного, а также различных предметов в естественные полости тела потерпевшей \ потерпевшего против, или помимо его\её воли, совершённые с использованием беспомощного состояния потерпевшего\ потерпевшей, с применением насилия, или с угрозой его применения к потерпевшему \ потерпевшей.

Я считаю, что появление подобного определения в диспозиции ст. 132 УК РФ решит, во-первых, такой сложный вопрос, как выявление момента окончания преступления, предусмотренного ст. 132 УК РФ. Преступление, предусмотренное ст. 132 УК РФ должно будет считаться оконченным, как и изнасилование – в момент пенетрации. Безусловно, такой подход решит проблему определения момента покушения на преступление, позволит более объективно квалифицировать деяние. Также наличие легального определения позволит работнику правоприменительных органов самостоятельно квалифицировать преступное деяние, не ссылаясь на квалификацию аналогичных преступлений, произведённую ранее другими работниками. При этом, деяния, ранее подпадавшие под ст.132 УК РФ деяния, не связанные с нарушением телесной неприкосновенности потерпевшего, я предлагаю квалифицировать как оскорбление, либо преступление против здоровья, либо, как покушение на изнасилование или НДСХ.

В заключении хотелось бы сказать, что половая свобода – одна из основных свобод человека и должна охраняться законом наряду с такими основополагающими ценностями, как жизнь, здоровье, личная неприкосновенность.

Некоторые вопросы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка связанные с суррогатным материнством

Голомбайте Юлия Михайловна

Студентка

Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации

юридический факультет, Москва, Россия

E-mail: juliettie@mail.ru

С развитием науки и медицины появилась возможность решения, казалось бы, безнадежной проблемы – возможность иметь собственного ребенка женщинам, которые ранее в силу определенных причин не могли забеременеть либо выносить ребенка. В качестве одного из способов решения данной проблемы сегодня применяется метод имплантации эмбриона. Так, ч. 4 ст. 51 Семейного кодекса РФ устанавливает, что лица, состоящие в браке между собой и давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери). Таким образом, под суррогатной матерью понимается женщина, которой имплантирован эмбрион другой женщины в целях вынашивания и рождения ребенка. Именно она определяет будут ли записаны в качестве «юридических родителей» записаны его «биологические родители» или же нет. В случае применения данного метода между

медицинским учреждением и предполагаемыми родителями заключается договор об оказании услуг по поводу проведения репродуктивных операций. При этом заключение договора между суррогатной матерью и предполагаемыми родителями не обязательно, и даже в определенной степени бессмысленно, так как суррогатная мать в любой момент сможет его расторгнуть и оставить ребенка себе. Такой договор имеет значение лишь в том случае, если суррогатная мать убивает новорожденного. Так, если суррогатная мать заключила такой договор (и после рождения ребенка она подтвердила намерение передать его предполагаемым родителям), тем самым, подтверждая, что не считает ребенка своим и фактически отказывается от материнства, в последствии убивает его, то ответственность будет нести по п. «в» ч. 2 ст. 105 убийство лица заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, либо ст. 107 УК РФ (убийство, совершенное в состоянии аффекта). Однако в случае, если после рождения ребенка она расторгает договор и отказывается от намерения передать ребенка, а в дальнейшем убивает его, то ее деяние следует квалифицировать по ст. 106 УК РФ. Такая квалификация возможна, если исходить не из буквального толкования норм гражданского, семейного и уголовного законодательства при определении понятия матери применительно к данному составу, а из факта рождения женщиной ребенка. В таком случае исключается возможность злоупотребления правом квалификации убийства новорожденного по привилегированной норме УК женщиной, не рожавшей ребенка, но записанной в качестве матери в свидетельство о его рождении. Квалификация деяния по ст. 106 УК предполагает наличие специального субъекта преступления. Соответственно исполнителем такого состава преступления может быть только специальный субъект, то есть объективную сторону состава убийства матерью новорожденного ребенка может выполнить исключительно мать новорожденного. В ч. 4 ст. 34 УК РФ установлено, что лица не указанные в качестве специальных субъектов в диспозиции нормы УК несут ответственность в качестве организатора, подстрекателя или пособника. Таким образом, они не могут быть исполнителями рассматриваемого преступления. Следовательно, если в убийстве новорожденного совместно с матерью участвуют иные лица, то они могут быть признаны в качестве любого из соучастников за исключением исполнителя. Так, к примеру, если суррогатная мать в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемость, дает согласие генетической матери, находящейся в таком же психическом состоянии согласие на убийство новорожденного, то ответственность она нести не будет, так как объективную сторону преступления не выполняла. В данном случае ответственность будет нести генетическая мать, но не по ст. 106 УК, так как не подпадает под признаки специального субъекта предусмотренного нормой, а по п. «в» ч.2 ст.105 УК РФ. При этом привлечь к ответственности суррогатную мать будет не возможно, так как ее умысел был направлен на совершение преступления предусмотренного ст. 106 УК, а генетической матерью было совершено преступление, предусмотренное п. «в» ч.2 ст. 105 УК. Ввиду умысла суррогатная мать соучастником данного преступления быть не может, следовательно привлечь ее к ответственности не представляется возможным. Аналогично распределяется ответственность в ситуации, когда суррогатная мать склоняет к убийству новорожденного генетическую мать, находящуюся в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемость. Генетическая мать будет нести ответственность по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК. Суррогатная мать является подстрекателем к преступлению со специальным субъектом. Учитывая, что генетическая мать признаками специального субъекта не обладает, значит, специальный субъект отсутствует, а следовательно подстрекательство не возможно. Ситуация может сложиться и иным образом, например, в случае если суррогатная мать и генетическая, находясь в условиях психотравмирующей ситуации, совместно убивают новорожденного ребенка. Не смотря на то, что женщины имеют единый умысел и объективную сторону выполняют вместе, групповое совершение преступления не возникает, в силу наличия лишь одного специального субъекта. Ответственность в данном случае суррогатная мать будет нести

Секция «Юриспруденция»

по ст. 106 УК РФ, а генетическая – по ст. 107, либо п. «в» ч. 2 ст. 105 УК, что в свою очередь противоречит принципу справедливости. Возможна и такая ситуация, при которой суррогатная мать, в состоянии невменяемости, убивает новорожденного под влиянием мужа генетической матери, который находится в психотравмирующей ситуации (например, вследствие отказа суррогатной матери отдать ребенка). В данном случае ответственность для него исключается, так как посредственное причинение невозможно ввиду того, что он не является специальным субъектом, а невменяемая суррогатная мать ответственности не подлежит, следовательно, и подстрекательство невозможно. В случаях, когда суррогатная мать, находясь в условиях психотравмирующей ситуации, под влиянием мужчины убивает новорожденного, возможна квалификация действий мужчины как подстрекателя. Завершая исследование состава убийства матерью новорожденного ребенка, представляется необходимым в целях устранения проблем связанных с квалификацией деяния при отсутствии специального субъекта отказаться от императива части 4 ст. 34 УК РФ, исключив данный пункт.¹ Исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод, что использованная законодателем конструкция «убийство матерью новорожденного ребенка» не корректно сформулирована, в связи с чем, представляется необходимым заменить ее предложенной в научной статье Н. Г. Иванова редакцией – «Убийство женщиной рожденного ею ребенка».

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, N 25, ст. 2954
2. Иванов Н. Г. Убийство суррогатной матерью новорожденного ребенка // Российская юстиция, № 12, декабрь 2005

Развитие системы наказания в уголовном праве России

Громов Юрий Павлович

Студент (специалист)

Московская открытая социальная академия

Юридический факультете

г. Москва Россия

yura-gromov@yandex.ru

Цель работы – проследить эволюцию системы наказаний, основанную на проведении сравнительной оценки различных кодексов права, начиная от Русской правды и до настоящего Уголовного кодекса Российской Федерации, принятого в 1996 году.

1. Понятие системы наказания в теории уголовного права.

Система наказаний объективно существует независимо от степени её формальной определённости в источнике уголовного права и теоретического обоснования в юридической науке. Вопрос об определении системы наказаний является, наверное, единственным в данной области, который не вызывает сколько-нибудь серьёзных разногласий у теоретиков уголовного права. Под системой наказания обычно понимают «установленный в уголовном законе исчерпывающий и обязательный для судов перечень видов наказаний, расположенных в определённой последовательности с учётом их сравнительной тяжести».

2. Система наказания в России в 6-12 веках.

Уголовное право складывалось на Руси как право феодальное, право – привилегия. Так, личность и имущество холопов вообще не защищались, а личность и имущество зависимого крестьянина охранялись в меньшей степени, чем личность и имущество свободного человека, в особенности феодала.

О преступлениях и наказаниях за их совершение упоминают такие письменные источники, как русско-византийские договора.

Нормы уголовного права можно найти и в других документах того периода. Одним из таких документов является Устав князя Ярослава о церковных судах. Большинство статей Устава посвящено регулированию взаимоотношений полов вообще и брачно-семейных отношений в частности.

Первым отечественным историческим источником русского уголовного права является Русская Правда, которая предусматривала несколько видов юридической ответственности: штраф (вира), конфискацию имущества и выдачу преступника в рабство вместе с семьёй (поток и разграбление), смертную казнь. Впоследствии система наказаний пополнялась новыми видами, как правило, заимствованными из византийских обычаев, очень жестоких и архаичных.

3. Система наказания в России в 15-16 веках.

Псковская судная грамота является важнейшим после Русской Правды памятником русского законодательства. В ней содержатся нормы гражданского, семейного, уголовного, а также процессуального права.

Судебники 1497 и 1550 годов. Судебники дают термин для обозначения преступления. Преступление называется «лихим делом». Если «Русская Правда» рассматривает преступление как обиду и связывает обиду с нанесением ущерба, то теперь под преступлением понимались всякие действия, которые так или иначе угрожают государству или господствующему классу в целом и потому запрещены законом.

4. Соборное Уложение 1649 года.

Целью наказания по Соборному Уложению становятся устрашение и возмездие, изоляция преступника от общества составляет теперь дополнительную и второстепенную роль. Итак, уголовное право по Соборному Уложению отличается от уголовного права Русской Правды и судебных грамот именно новыми карательными задачами чисто государственного характера. Эти задачи состоят в защите общества от преступников и преступлений. В Соборном Уложении система наказаний впервые предстала в чётко сформулированном виде. Для неё были характерны индивидуализация наказания, его сословный характер, неопределённость в установлении наказания, чрезмерная жестокость.

5. Система наказания во времена Петра Первого. Артикул Воинский 1715 года.

По сравнению с Соборным Уложением 1649 года Артикул значительно более чётко определяет многие институты уголовного права. Артикул впервые даёт систематизацию воинских преступлений, действовавших без значительных изменений до 19 века.

На протяжении последующих лет система наказаний изменялась и совершенствовалась, пока во времена Александра 2 не была изменена вся судебная система. Некоторые виды наказаний, преимущественно средневековые, исчезали, например, заливание горла металлом для фальшивомонетчиков, некоторые появлялись, например, гражданская казнь. В целом, к Октябрьской революции Российская Империя имела достаточно развитое уголовное законодательство, хорошо отлаженную машину правосудия, не лишённую, впрочем, некоторых феодальных и сословных пережитков и определённой предвзятости судей.

6. Система наказаний в советский период.

Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года, Уголовный Кодекс РСФСР 1922 года, Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 года, Основы уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 года, Уголовный Кодекс СССР 1961 года – во всех этих документах содержится точный и исчерпывающий перечень видов наказаний. Основные принципы и цели наказания были заложены ещё в советский период и в настоящее время в теории уголовного права не произошло в этом направлении серьёзных изменений, чего нельзя сказать о системе и отдельных видах наказаний.

7. Современная система наказания в уголовном законодательстве России.

В настоящее время принятие нового Уголовного Кодекса РФ, вступившего в действие 1 января 1997 года, формирование новой системы наказаний в отечественном

уголовном праве было, в основном, завершено, Современное уголовное законодательство содержит точный и исчерпывающий перечень видов наказаний. Система наказаний имеет важное значение для укрепления законности в России, ибо исключает произвольное применение наказания по усмотрению суда, даёт суду основание для персонализации наказания.

Некоторые аспекты уголовно-правовой охраны жизни в дородовом периоде

Данилова Г.С.

Студент 4 курса

*Новокузнецкий филиал-институт Кемеровского Государственного Университета,
юридический факультет, Новокузнецк, Россия*

E-mail: ya_gal4onok@mail.ru

В уголовном законодательстве Российской Федерации не определен этап, с которого человек на стадии эмбрионального развития находится под защитой закона и наделяется правом на жизнь. В связи с этим, представляется необходимым обратиться и к таким категориям, как «начало жизни человека», «момент возникновения права на жизнь», «начало уголовно-правовой охраны жизни».

Полагаем, что начальная граница жизни человека должна как минимум привязываться к появлению оформившейся массы мозговых клеток, делающих плод жизнеспособным, что происходит у плода примерно к 22 неделям беременности.

Момент возникновения права на жизнь напрямую закреплен законодателем. Согласно ч.2 ст.17 и ч.2 ст.20 Конституции РФ право на жизнь принадлежит каждому от рождения. Следовательно, право на жизнь официально не признается за человеком в период внутриутробного развития, хотя фактически жизнь его начата. Налицо противоречие рекомендациям международных стандартов в сфере прав человека и, в частности, Конвенции ООН по правам ребенка

В теории отечественного уголовного права почти единодушное решение вопроса о начале уголовно-правовой охраны жизни выглядит так: жизнь человека начинает охраняться с момента появления в процессе родов какой-либо части тела ребенка из утробы матери. Но в законодательстве начальный момент уголовно-правовой охраны жизни, определенный в диспозиции ст.106 УК РФ, еще более отдален и начинается с момента новорожденности ребенка. Следовательно, жизнь продукта рождения в период его изгнания из организма роженицы до полного появления на свет, не говоря уже о его внутриутробной жизни, выпадает из области уголовно-правовой охраны жизни человека.

Анализируя современный уголовный закон, можно сделать вывод, о том, что законодательно ответственность за посягательство на жизнь, здоровье и целостность эмбриона прямо не установлена. Например, статья 123 УК РФ, предусматривающая ответственность за незаконное производство аборта, жизнь эмбриона не защищает. Объектом данного преступления является жизнь и здоровье женщины. Данная позиция нам кажется неверной и достаточно узко сформулированной. Считаем, что лучше было бы сделать диспозицию данной статьи бланкетной и изложить ее как «Производство аборта с нарушением установленных правил производства аборта». А также, учитывая опыт некоторых зарубежных стран, где при установлении уголовной ответственности за незаконное прерывание беременности в качестве объекта преступления учитывается не только жизнь и здоровье беременной женщины, но и жизнь и целостность эмбриона, а также открытие и разработку новых биомедицинских технологий, в том числе в области искусственного оплодотворения, трансплантации, омоложения, что может привести к резкому увеличению числа абортотворения, в том числе за плату либо в результате давления со стороны врачей, которые будут заинтересованы в получении эмбриональной ткани, ввести новый квалифицирующий признак как «Незаконное производство аборта, совершенное с корыстной целью, также с целью использования клеток, органов или тканей эмбриона или плода», а также дополнить ст.123 УК РФ новым составом – склонение беременной

женщины к аборту, при этом с точки зрения уголовного процесса отнести данный состав к преступлениям частно-публичного обвинения.

При всем этом, необходимо отметить, что содержание ряда правовых норм в России позволяет сделать вывод о том, что в некоторых случаях жизнь и телесная неприкосновенность эмбриона выступает в качестве объекта, охраняемого гражданским, налоговым и другими отраслями права. Полагаем, что следующий шаг должен быть за уголовным правом.

Итак, учитывая представления о действительном начале жизни человека считаем необходимым обеспечить полноправную уголовно-правовую охрану жизни человеческого плода на последних месяцах внутриутробного развития, криминализовав в качестве преступлений против жизни незаконные поздние аборт и иное умерщвление плода с оформившемся головным мозгом. а также внести существенные поправки в ст.123 УК РФ. Считаем возможным предложить пакет законодательных изменений. Выделим наиболее важные положения:

1. Не изменяя своей сущности как привилегированного состава убийства, диспозиция ст. 106 УК РФ должна начинаться фразой: «Убийство женщиной вынашиваемого ею ребенка в период более двадцати двух недель беременности, во время или сразу же после родов...»

2. Для исключения неопределенности при применении иных норм уголовного закона, очевидно, необходимо разъяснение, кого считать предметом преступлений против жизни вообще. Поэтому ст.105 УК РФ следует снабдить примечанием, где необходимо закрепить, что «человеком в статьях настоящего Кодекса признается ребенок в возрасте более 22 недель беременности, новорожденный ребенок, иное физическое лицо до наступления его биологической смерти».

3. Необходима реконструкция отягчающего обстоятельства – убийства, предусмотренного п. «г» ч.2 ст.105 УК РФ. В новой редакции этот признак должен выглядеть так: убийство «женщины, заведомо для виновно находящейся в состоянии беременности при сроке не более 22 недель». Ситуация, когда в результате убийства погибает беременная женщина, а вместе с ней и плод при сроке беременности от 22 недель, должна квалифицироваться по п. «а» ч.2 ст.105 УК РФ с учетом п. «в» этой же статьи.

4. В ст.111 УК РФ в новой редакции один из признаков тяжкого вреда здоровью должен формулироваться как «прерывание беременности сроком не более 22 недель». Если же в результате деяния погибнет плод на сроке беременности более 22 недель, то данное деяние следует квалифицировать по ст.105 либо ст.109 УК РФ, в зависимости от направленности умысла деяния субъекта

Проблема дифференциации уголовно-наказуемого деяния

Дмитрук М.М.

Аспирант кафедры уголовного права

Одесская национальная юридическая академия, Одесса, Украина

E-mail: dmtruk-m@mail.ru

Практика применения Уголовного кодекса Украины и Российской Федерации (далее – УК) показывает, что около 80 составов преступлений небольшой тяжести при достаточно распространенности этих деяний не находят применения в судебно-следственной практике. Эти статьи именуют «мертвыми статьями» и для повышения эффективности действия этих статей предлагается внедрение проектов по «PR-реанимация статей УК». По нашему мнению, эта проблема связана с не соответствием правовых последствий (судимости, наказаний), которые влечет уголовная ответственность, и действительной общественной опасности преступлений небольшой тяжести. Проблема «мертвых статей» должна решаться совсем в другом аспекте, путем внедрения уголовного проступка в законодательство.

В советском уголовном праве проблема уголовного проступка исследовалась в работах В. Ломакиной, В. Фефиловой, О. Шишова, широко обсуждалась в периодических изданиях такими учеными, как: В. Курляндский, Ю. Иванов, А. Сахаров, Н. Кузнецова, А. Фефелов и другие. Из современных российских ученых эту проблему рассматривали В. Коробов, А. Тарбагаев и другие, среди украинских правоведов указанной проблеме уделено внимание в работах Л. Кривоченко, П. Фрис, А. Банчука, В. Колпакова. Однако правовая природа уголовного проступка и его место среди других видов правонарушений в полной мере не исследована.

Правонарушение как индивидуальная форма протеста против общественного порядка, в различных сферах общественной жизни проявляется по-разному. УК предусматривает ответственность за наиболее опасные посягательства в различных сферах общественной жизни и посягательства на негативные права человека (права первого поколения такие как: жизнь, половая неприкосновенность и др.). Последние относят к так называемым «ядерным преступлениям» – волевым актам человеческого поведения, которыми нарушается определенная граница поведения, установленная законом Божьим, нарушаются «вертикальные отношения» существующие между Богом и его прообразом-человеком.

Наиболее опасные посягательства в различных сферах общественной жизни имеют управленческий и/или публично-договорной характер и по своей природе близки к административным гражданско-правовым, дисциплинарным проступкам. В УК Украины также, как и в УК УССР, сохранена административная преюдиция (ст. ст. 209-1, 390). Кроме этого в УК Украины и РФ содержится ряд составов преступлений, в основе которых лежит нарушение договорных отношений (ст. 179 УК РФ, ст. 355 УК Украины).

В правовой системе, существовавшей на территории Украины, уголовно-наказуемое деяние по УК Зуненвельда 1796 г., подразделялись на преступления и полицейские проступки, а соответствии в с XV томом Свода Законов Российской империй, Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Уголовным уложением 1903 г. – на преступления и уголовные проступки. С 1917 г. в кодексах последующих редакций уголовное деяние рассматривалось только как преступление.

С принятием Основ уголовного законодательства 1958 г. в УК советских республик расширен перечень оснований освобождения от уголовной ответственности с применением мер административного или общественного воздействия, с передачей уголовных дел на рассмотрение товарищеских судов. В ч. 1 ст. 52 УК Грузинской ССР 1960г. употребляется термин «малозначительное преступление», а Верховный Совет СССР Законом от 13.08.1981г. были внесены изменения в ч. 1 ст. 43 Основ уголовного законодательства, которыми термин «преступление, не представляющее большой общественной опасности» был заменен на «деяние, которое содержит признаки преступления не представляющее большой тяжести».

Кроме этого, УК Украины и РФ содержит ряд составов (мелкое хулиганство, мелкая кража), которые в разные периоды относились и к преступлениям, и административным проступкам.

Приведенные примеры законодательной практики, на наш взгляд, указывают на попытки законодателя минимизировать несоответствие правовых последствий (судимости, наказания), которые влечет уголовная ответственность, и реальной общественной опасности преступлений небольшой тяжести.

Уголовный проступок по своим свойствам можно определить как промежуточный вид деяния между преступлением, административным, гражданско-правовым, дисциплинарным правонарушением, как деяние, которое нарушает «горизонтальные связи» управленческого и/или публично-договорного характера, закрепленные в нормах позитивного права и опосредованно посягающие на естественные права человека. Указанные свойства определяют промежуточное место уголовного проступка среди других видов правонарушений.

По своим признакам уголовный проступок характеризуется тем, что его объективная сторона охватывает административные, дисциплинарные и/или гражданско-правовые правонарушения, а конструкция объекта проступка сформулирована следующим образом: основной непосредственный объект деяния – нарушение определенного порядка деятельности и/или управления (исполнения гражданско-правовых обязательств и др.), непосредственный обязательный дополнительный объект деяния – здоровье, психика и другие объекты, которые условно можно отнести к «вертикальным общественным отношениям», то есть объекты преступлений, которые принадлежат к естественным правам и нарушаются опосредованно через другие горизонтальные отношения.

Указанные свойства и взаимосвязи уголовного проступка могут использоваться как основные начала внедрения этого вида деяния при разработке соответствующих законопроектов и законодательных актов.

Литература:

1. Азарян Е.Р. (2004) Преступление. Наказание. Правопорядок. С-Пб.
2. Колпаков В. К.(2004) Адміністративно-деліктний феномен: Монографія.
3. Кузнецова Н.Ф.(1969) Преступление и преступность. М.
4. Тарбагаев А.Н. Дисциплинарный проступок в механизме уголовно-правового регулирования // Правоведение.1993. №2.
5. Шишов О. (1967) Преступление и административный проступок. М.
6. Кривоченко Л.Н. (1983) Классификация преступлений. Х.

Преступления в сфере компьютерной информации, краткая характеристика лиц совершающих данные преступления.

Курсант 3 курса

Нальчикского филиала Краснодарского университета МВД России,
специальность 030501.65 – Юриспруденция.

Кабардино-Балкарская республика, Нальчик, Россия.

e-mail: ashiritov@rambler.ru

На сегодняшний день трудно представить современный мир без использования компьютера и компьютерных технологий. Наряду с бесспорными положительными сторонами компьютеризация имеет и негативные факторы, в частности, способствует появлению новых видов преступлений – преступлений в сфере компьютерной информации.

Необходимость борьбы с незаконными деяниями в области компьютерных технологий во многом обусловлена стремительным развитием научно-технического прогресса. Глобальная компьютеризация современного общества, затрагивающая практически все стороны деятельности людей, предприятий и организаций, государства породила новую сферу общественных отношений, которая, к сожалению, нередко становится объектом противоправных действий.

Однако новизна и специфичность преступлений в сфере компьютерной информации, многообразие предметов и способов преступных посягательств, их высокая латентность создали для правоохранительных органов существенные преграды на пути к защите прав и интересов общества и государства. Положение усугубляется общим снижением эффективности деятельности в сфере раскрытия и расследования преступлений. Российские правоохранительные органы крайне медленно адаптируются к новым условиям борьбы с преступностью.

В этом отношении пока в долгу перед практиками криминалистическая наука, призванная разработать научно обоснованные рекомендации, соответствующие особенностям раскрытия и расследования преступлений в современных условиях.

Изучение проблем расследования преступлений в сфере компьютерной информации выступает одной из острейших задач современной криминалистической науки. Несмотря на то, что в последние годы в криминалистической литературе уделяется повышенное внимание методике расследования компьютерных преступлений, в этой области еще остается ряд нерешенных и дискуссионных вопросов. В частности, нуждается в уточнении криминалистическая характеристика лиц, совершающих преступления в сфере компьютерной информации.

Классификация лиц, совершающих преступления в сфере компьютерной информации, неоднократно рассматривалась в криминалистической литературе. В их числе обычно особо выделяется группа так называемых «хакеров». Эти лица характеризуются в криминалистической литературе как профессионалы высокого класса, использующие свои интеллектуальные способности для разработки способов преступных посягательств на компьютерную информацию (преимущественно «взломов» систем компьютерной защиты и безопасности). Иногда их еще называют компьютерными хулиганами. В качестве основных признаков, указывающих на совершение компьютерных преступлений именно этой группой лиц, выделяются:

- отсутствие целеустремленной, продуманной подготовки к преступлению;
- оригинальность способа совершения преступления;
- использование в качестве орудий совершения преступления бытовых технических средств и предметов;
- неприятие мер к сокрытию преступления;
- факты немотивированного озорства.

О самой же структуре компьютерных преступлений в обобщенном виде можно судить по рекомендованному в 1990 г. Европейским комитетом по проблемам преступности Совета Европы для включения в законодательство европейских стран списку компьютерных деяний:

- 1) компьютерное мошенничество;
- 2) компьютерный подлог;
- 3) повреждение компьютерной информации или компьютерных программ;
- 4) компьютерный саботаж;
- 5) несанкционированный доступ в компьютерные системы или;
- 6) несанкционированный перехват информации;
- 7) несанкционированное копирование защищенных компьютерных программ;
- 8) незаконное производство копий полупроводниковой продукции.

Компьютерное мошенничество, как и компьютерный подлог, из всех элементов структуры корыстных посягательств наиболее характерно для экономических преступлений. Такие деяния получили наиболее точное определение в ст. 263А УК ФРГ «Компьютерные преступления»: уголовной ответственности подлежит лицо, которое, действуя с умыслом, получает какую-либо имущественную выгоду для себя или другого лица, причинен при этом ущерб имуществу кого-либо тем, что воздействует на результаты процесса обработки информационных данных по-средством несанкционированного изменения программы, применения неправомерных или неполных данных, неправомерного использования данных либо противоправного воздействия на процесс обработки данных.

Одним из важнейших факторов, обеспечивающих борьбу с компьютерной преступностью, являются принятие и реальное применение законодательных актов, регулирующих эту сферу деятельности.

С учетом масштабов использования глобальной сети Internet становится все менее вероятным, что экономические преступления в сфере компьютерной информации, будут ограничены территорией отдельного государства. В процессе проведения расследований правоохранительные органы различных государств должны будут сотрудничать между собой, причем как официально, используя такие рамки и структуры взаимной правовой

помощи, как например Интерпол, так и неофициально, предоставляя потенциально полезную информацию непосредственно органам другого государства. В связи с правовой помощью при расследовании транснациональных компьютерных преступлений неизбежно будут возникать дополнительные проблемы. Если в соответствии с внутренним правом одной из сторон не предусмотрены конкретные полномочия на поиск доказательств в электронной среде, такая сторона не в состоянии будет адекватно реагировать на просьбу об оказании помощи. По этой причине важным условием международного сотрудничества является согласование и принятия Украиной и всеми заинтересованными странами в конце 2001 года Проекта Конвенции по предупреждению киберпреступлений (Draft Convention on Cyber-crime).

Литература:

1. Вехов В.Б. Компьютерные преступления: способы совершения, методики расследования. -М.,1996
2. Draft Convention on Cyber-crime. STRASBOURG, 27.04.2000 - COUNCIL OF EUROPE.
3. Statement for the Record of Louis J. Freeh, Director Federal Bureau of Investigation on Cybercrime Before the Senate Committee on Judiciary Subcommittee for the Technology, Terrorism, and Government Information Washington, D.C.— 28 March 2000.
4. Безопасность компьютерных систем: преступность в сфере компьютерной информации и ее предупреждение /Вертузаев М.С., Голубев В.А., Котляревский А.И., Юрченко А.М./ Под ред. А.П.Снигерьева.–Запорожье, 1998.–316 с.

Взаимосвязь криминальной миграции и наркоситуации в Алтайском крае

Ефанова Т.И.

*Аспирантка, ст. преподаватель юридического факультета
Алтайская академия экономики и права, Барнаул, Россия
E-mail: efanova-ti@mail.ru*

Географическое расположение, климатические условия, прозрачность границ с Казахстаном определяют особенности распространения и потребления наркотиков в Западно-Сибирском регионе. Особую роль играет то, что Алтайский край является естественным географическим звеном между западными и восточными регионами России с одной стороны и странами Средней Азии, Китаем и Монголией с другой.

Анализ наркоситуации, сложившейся на территории региона, характеризуется расширением незаконного распространения и немедицинского потребления наркотиков, что представляет серьезную угрозу здоровью населения, экономике региона, правопорядку и безопасности. Напряженную наркологическую ситуацию подтверждает уровень основных показателей, характеризующих степень наркотизации населения Алтайского края. По итогам 2007 года число потребителей наркотиков, зарегистрированных в лечебно-профилактических учреждениях края с диагнозом наркомания, насчитывает 13027 человек или 540,3 больных наркоманией на 100 тысяч человек, что почти в 2 раза превышает аналогичный показатель по России.

Определяющим фактором, влияющим на наркообстановку в регионе, является наличие протяженной, недостаточно охраняемой российско-казахстанской границы. К настоящему времени не проведены демаркационные мероприятия, отсутствует техническое оборудование государственной границы, имеется большое количество путей в обход пунктов пропуска, проходимых как в летнее, так и зимнее время. Ежедневно на территории края из Казахстана, в среднем, прибывает порядка 800 единиц автотранспорта и осуществить полноценный их досмотр с целью обнаружения наркотиков не представляется возможным. Поверхностно досматриваются пересекающие границу

Секция «Юриспруденция»

железнодорожные поезда. По региону проходят Транссибирская и Среднеазиатская железнодорожные магистрали, три стратегических автотрассы. Территория края расположена между промышленными зонами, имеющими разный уровень экономического развития и разную специализацию.

Данные обстоятельства определяют использование организованными преступными группировками территории Алтайского края в качестве транзитной в обороте наркотиков, что оказывает существенное влияние на динамику и структуру проблемы. Одной из причин, в значительной степени влияющих на состояние оперативной обстановки, является высокий уровень миграции населения. В настоящее время в России нет единой системы централизованного учета мигрантов, что затрудняет осуществление контроля за их местопребыванием и передвижением по территории России.

Основной поток незаконной миграции в Россию (до 90%) идет через границу с Казахстаном. В связи с этим, достаточно криминогенным остается «алтайский» участок госграницы. За первое полугодие 2007 года через пограничные посты, расположенные на территории края было пропущено 815 тысяч человек, из них 440-иностранцы граждане. Пограничной службой задержано 2528 граждан, пытавшихся воспользоваться недействительными пропусками, 236-с недействительными документами, 58-с поддельными, 92-без документов, 58 человек задержаны при незаконном пересечении границы.

Общая учетная статистика показывает преобладание опийной зависимости, что свидетельствует об интенсивной структурной перестройке нелегального рынка наркотиков. Продолжается экспансия высокоактивных, дорогостоящих и наиболее опасных для здоровья наркотиков, прежде всего героина и наркотиков синтетической группы, что формирует предпосылки к созданию новых каналов поступления наркотиков, способа их доставки, межрегиональных и международных преступных связей. Эта тенденция уже проявилась в форме появления на наркорынке крупных городов края кокаина и других высокоактивных дорогостоящих наркотиков. Однако наркотики - проблема не только городов края, отмечается тенденция наркотизации сельского населения, где большое влияние на распространение наркомании влияет наличие значительной местной сырьевой базы для незаконного производства растительных наркотиков, в первую очередь конопляной группы.

Очевидно влияние распространения наркомании на состояние наркопреступности, уровень которой свидетельствует об остроте криминогенной ситуации в ряде городов и районов края. Показатели наркотической преступности свидетельствуют об объективном изменении структуры незаконного оборота наркотиков в сторону увеличения наиболее опасных ее форм.

Из общего количества наркопреступлений, зарегистрированных за период с 1 июля 2006 года по 1 июля 2007 года правоохранными органами на территории края (2599 преступлений), более 55% квалифицируются как тяжкие и особо тяжкие, 51% совершено с целью сбыта, более 84% с наркотиками в крупном и особо крупном размере. При этом следует учитывать, что для наркопреступности характерна высокая латентность: по экспертным оценкам выявляется лишь 10-15% преступлений от общего числа совершенных.

Учитывая сложившуюся в регионе криминогенную обстановку, связанную с незаконным оборотом наркотиков, существуют следующие тенденции негативного развития наркоситуации:

- дальнейшая консолидация преступных наркогруппировок на территориальном, межрегиональном и международном уровнях при одновременном разделе сфер влияния, в результате чего может быть установлен контроль наркоструктур за некоторыми отраслями экономики, включая финансовую сферу;

- активизация попыток международных преступных сообществ использовать территорию региона для расширения торговли наркотиками и отмывания доходов, полученных преступным путем;
- расширение масштабов, повышение опасности преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, все большее использование в преступных целях специалистов различного уровня, усиление вооруженности и технической оснащенности преступников;
- возрастание тяжести и масштабов социально-экономических последствий немедицинского потребления наркотиков и их незаконного оборота, включая увеличение общего числа жертв наркомании, особенно в молодежной сфере.

Несмотря на негативные тенденции развития наркоситуации в регионе, имеется потенциал для повышения эффективности воздействия на обстановку, связанную с незаконным оборотом наркотиков.

Литература

1. Обзор наркоситуации в Алтайском крае, подготовленный Федеральной службой по контролю за оборотом наркотиков за 2007 г.
2. Информация УФСКН по Алтайскому краю за 2006-2007 гг.

Альтернативные виды наказания: проблемы порядка применения

Замберг Е.В.

Студент

*Новокузнецкий филиал-институт Кемеровского государственного университета,
юридический факультет, Новокузнецк, Россия
E-mail: rosenoir@yandex.ru*

Во всем мире политика в области уголовных наказаний в 1980-е годы и начале 90-х склонялась в пользу альтернатив тюремному заключению. Все сообщество специалистов в сфере уголовного правосудия по ряду причин выступало против наказаний в виде лишения свободы. Помимо гуманитарных соображений, которые высказываются уже на протяжении многих лет, приводятся и чисто прагматические выводы с точки зрения затрат на тюремное заключение и его последствий, которые в ряде стран вынуждают законодателей предпринимать шаги в направлении сокращения количества приговоров к лишению свободы.

То, что многие новые для российского законодательства виды наказаний не применяются, породило целый ряд проблем, главная из которых заключается в том, что произошло нарушение единства и взаимосвязи элементов системы наказаний, многие альтернативные санкции становятся безальтернативными, а это, в свою очередь, снижает их эффективность. Чаще всего это приводит к необоснованному применению наказания в виде лишения свободы, а в ряде случаев делает невозможным замену неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

Широкое применение наказаний, не связанных с лишением свободы, должно стать реальной альтернативой лишению свободы, но, это возможно только при надлежащей организации самого процесса исполнения альтернативных наказаний.

Объективно оценивая положительные перспективы развития наказаний, альтернативных лишению свободы, следует отметить, что в будущем их применение в полном объеме позволит существенно снизить количество лиц в местах лишения свободы, а также реализовать принцип экономии репрессий, заключающийся в усилении ответственности за тяжкие и особо тяжкие преступления с одновременным ее смягчением и декриминализацией деяний для лиц, совершивших преступления небольшой тяжести. Однако на фоне тех положительных возможностей и перспектив, которые несут в себе

наказания, альтернативные лишению свободы следует отметить крайне низкий процент их применения в судебной практике.

Одной из основных причин низких показателей применения альтернативных видов наказаний является проблема нормативного обеспечения их исполнения.

Литература

1. Уголовный кодекс РФ: Официальный текст на 20 марта 2008 года. – Новосибирск, 2008.
2. Альтернативные лишению свободы виды уголовного наказания; из доклада о деятельности уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2001 году // Человек и закон. -2002.-№ 10.
3. Альтернативы тюремному заключению в Республике Казахстан/ Материалы международной конференции. М.: PRI, 2000.
4. Тимошенко А. (2006) Как организовать исполнение наказаний в виде исправительных и обязательных работ // Законность, 2006, № 7.
5. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник. Практикум/ Под ред. А.С. Михлина. – М.: Юристъ, 2005.
6. <http://www.prison.org/another/priconf/doc005.htm> (Тычинский В.Ю. Некоторые аспекты правового регулирования альтернативных видов наказания)

Применение амнистии в Российской Федерации

Калиян Т.П.

студент

*Международный юридический институт при Министерстве Юстиции Российской Федерации, Королёв, Россия
E-mail: kalian-tigran@mail.ru*

В соответствии с п. “е” ч. 1 ст. 103 Конституции РФ к ведению Государственной Думы Федерального Собрания РФ относится объявление амнистии.

Будучи актом высшего органа государственной власти, амнистии имеют нормативный характер. Их предписания обязательны для всех органов и должностных лиц имеющих отношение к реализации уголовной ответственности.

Они содержат нормы права – обязательные для исполнения теми субъектами, которые на них указаны, правила поведения, установленные высшими органами государственной власти, рассчитанные на их применение к индивидуально неопределённому кругу лиц. Предписания норм в данном случае реализуются в актах применения права: в решениях (постановлениях) специально на то уполномоченных органов (начальников колоний, следственных изоляторов, органов дознания, предварительного следствия, органов внутренних дел и др.) Безусловно, акт амнистии – специфический правовой документ. Его особенности в первую очередь связаны с порядком действия такого акта во времени. В основе характера и цели самой амнистии лежит идея “прощения” уже совершённых преступлений.

Амнистия является государственно – правовым, а не уголовно – правовым актом. Несмотря на то, что статья об амнистии включена в УК, нет ни одного предписания Общей части УК, которое бы было обязательным для акта амнистии. Акт амнистии может содержать и другие предписания, не относящиеся к УК. Следовательно, наличие или же отсутствие статьи об амнистии в УК не оказывает существенного влияния на характер и содержание актов амнистии, на реализацию и применение такого акта. Поэтому содержание ст. 84 УК является кратким, обобщённым содержанием общих положений, встречающихся в актах амнистии. Акт амнистии может освобождать не только от уголовной, но и от административной ответственности. Помимо акта амнистии Государственная Дума издаёт постановление о порядке применения амнистии.

Изданием акта амнистии могут преследовать разные цели, которые обычно декларируются в самих актах и определяют их содержание, виды и характер принимаемых решений. В связи с этим можно выделить наиболее специфические цели актов амнистии. Чаще всего в акте амнистии декларируется гуманная цель облегчения участи лиц, совершивших относительно нетяжкие преступления, несовершеннолетних, женщин, больных и т.п. Так, акт амнистии от 24 декабря 1997 г. Начинается словами: ”Руководствуясь принципами гуманизма...”

В качестве поводов для амнистии чаще всего выступает какое-либо значительное либо торжественное событие в жизни страны. Например, акт амнистии от 19 апреля 1995 г. в связи с 50-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 г.

Акты амнистии по многолетней традиции не применяются к лицам, злостно нарушающим режимные правила отбывания наказания. Акт амнистии определяет критерии её применения, которые в основном не учитывают поведение осуждённого в процессе исполнения наказания. Поэтому под амнистию к сожалению нередко попадают и лица, не вставшие на путь исправления. Такой обезличенный порядок применения амнистии является её главным недостатком.

Сам по себе акт амнистии не освобождает от уголовной ответственности или наказания, не смягчает наказание и не снимает судимости. Он является нормативным основанием реализации предписаний акта амнистии, распространяясь на индивидуально неопределённый круг лиц.

Следует также подчеркнуть исходя из ч. 2 ст. 84 УК РФ, что акт амнистии может установить: 1) освобождение от уголовной ответственности лиц, совершивших преступление; 2) освобождение от наказания или его отбывания лиц, осуждённых за преступление; 3) сокращение срока наказания; 4) замена наказания более мягким видом наказанием; 5) освобождение от дополнительного вида наказания; 6) снятие судимости; 7) условное освобождение от наказания.

Несмотря на то, что в ч. 2 ст. 84 УК РФ написано, что с лиц, отбывших наказание, актом об амнистии может быть снята судимость, но на практике это выглядит совсем иначе, а именно актами амнистии судимость снимается крайне редко. Таким исключением, например, является акт амнистии от 12 марта 1997 г. “Об объявлении амнистии в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния в связи с вооружённым конфликтом в Чеченской Республике”, в соответствии с которым судимость снималась с лиц, освобождённых от отбывания наказания, назначенного за преступления, совершённые в связи с вооружённым конфликтом.

В соответствии с вышеизложенным можно сделать следующие выводы. Характеризуя амнистию как отдельный феномен видно, что она не строго соответствует целям уголовного права, потому как амнистия имеет не уголовно – правовое, а государственно – правовое значение. Это говорит о том, что она может приниматься и с важнейшими переменами в области социальной или экономической политике, либо в связи с каким-нибудь значительным событием в жизни страны, что не совсем свойственно системе уголовного права. При этом во всех случаях важно соблюдать определённую меру: амнистия должна оставаться исключительным событием в уголовной политике и практике государства, она не должна превращаться в дежурное мероприятие (как это делается очень часто) к очередной юбилейной дате или использоваться в качестве инструмента политической борьбы. Для применения амнистии должны быть веские основания, она не должна применяться “механически”, “огульно”, акты амнистии не должны подменять декриминализацию или использоваться не в соответствии с целями уголовно – правового воздействия. Отрицательно следует оценивать использование амнистии как средства для разгрузки мест лишения свободы. Важным условием правильного применения амнистии является сопровождение её тщательно продуманной программой амнистируемых включающей комплекс мер по трудовому и бытовому обустройству лиц, освобождаемых из мест лишения свободы, их медицинскому обслуживанию, контролю за их поведением¹.

Амнистия также должна приниматься с учётом ряда обстоятельств: 1) характера и степени общественной опасности преступления; 2) вида назначенного за него наказания; 3) ряда различных обстоятельств, характеризующих личности виновного (участия в боях при защите Родины, пола, возраста, состояния здоровья, наличия прошлых осуждений к лишению свободы, наличия злостных нарушений правил отбывания наказаний и т.п.).

Если чётко и неукоснительно следовать именно этим правилам механизма правильного применения амнистии, то можно достичь достаточно стабильного уровня легитимности и повышения социальной справедливости у нас в стране.

Литература

1. Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник/ Под ред. Д-ра юрид. наук, профессора В.К. Дуюнова. – 2 – е изд. – М.: РИОР, 2009. – (Высшее образование).
2. Российское уголовное право: учеб.: в 2 т. Т. 1. Общая часть/ Г.Н. Борзенков, Л.В. Иногамова-Хегай, В.С. Комиссаров [и др.]; под. Ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. Проспект, 2009.

Рейдерство: проблемы криминализации

Каменкова Р.Н.

Студентка

Смоленский гуманитарный университет

Факультет психологии и права, Смоленск, Россия

E-mail: renshu05@mail.ru

Термин «рейдерство» все шире упоминается в России специалистами различных отраслей права, политиками и экономистами и даже стал понятен населению. Между тем в законодательстве термина «рейдерство» нет. Можно назвать основные причины появления в РФ рейдерства: 1) полный развал экономики в начале 90-х; 2) растущая в последние годы коррупция в государственных органах; 3) несовершенство законодательства.

Рассмотрим различные подходы к определению рейдерства. По мнению законодателей Украины, рейдерством является заказ или организация нападения на предприятие, учреждение, организацию с целью захвата, повлекшее нарушение его нормальной работы. По мнению Комиссии по проблемам противодействия коррупции Общественной палаты РФ, рейдерство это недружественное, вне пределов действия гражданского права, направленный против воли собственника захват чужого имущества в пользу другого лица, установление над имуществом полного контроля нового собственника в юридическом и физическом смысле с использованием коррумпированности чиновников и с применением силы. Итак, рейдерство крайне опасное социальное явление, связанное с криминальными проявлениями в сфере экономики страны, направленное на похищение чужого имущества путем незаконного изменения права собственности, в том числе и недвижимости, с использованием обманных действий в правовой и судебной сферах государства, с последующим захватом собственности и применением или угрозой применения сил и средств, опасных для жизни и здоровья человека, с причинением владельцам имущества ущерба в крупном или особо крупном размере.

В настоящее время различают три группы рейдерства:

- 1) Белое – законное поглощение. Рейдерский бизнес как слияние и поглощение предприятий – законный, если он совершается по существующим правилам и не нарушает закон. Он может проходить в рамках: ФЗ № 208-ФЗ от 26.12.95 в посл. ред. от 20.12.2008 «Об акционерных обществах», ФЗ №14-ФЗ от 08.02.98 в посл. ред. от 29.04.2008 «Об обществах с ограниченной ответственностью» и ГК РФ.
- 2) Серое – в рамках закона, которое оказывается невозможным ввиду его несовершенства и, отсутствием в российском законодательстве каких-либо правил объединения, поглощения, разделения и слияния компаний.

3) Черное – откровенно силовой, явно незаконный захват собственности. Однако в настоящее время компании-рейдеры практически исключили примитивный криминал из своей деятельности.

На сегодняшний день случаи рейдерского захвата уже никого не удивляют, потому что они стали частью нашей жизни. Так, следственными органами г. Москвы возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, в отношении двух граждан, которые, представив поддельные документы, внесли в ЕГРЮЛ изменения в сведения о некоей коммерческой фирме. После этого полномочия единственного акционера указанной организации перешли к другой компании, а обязанности генерального директора были переданы одному из этих злоумышленников. В дальнейшем недвижимое имущество (здания) указанной фирмы были проданы. Ущерб, нанесенный собственникам, превысил 212, 5 млн. рублей. В этом примере наглядно продемонстрировано отсутствие наказания для лиц, организовывающих и совершающих рейдерские атаки.

Итак, вышеотмеченный пример показывает необходимость криминализации описываемого общественно опасного явления. И, в первую очередь, возникает целесообразность в анализе предполагаемых объективных и субъективных признаков состава. Так, при рейдерском захвате собственности родовым объектом является экономическая безопасность государства. Непосредственный основной объект – экономическая деятельность предприятия, составляющая экономическую безопасность государства. Дополнительный объект – жизнь и здоровье человека, отношения собственности. Объективная сторона выражается в заказе, организации, руководстве, участии в нападении; а так же в способе – применении насилия или угрозы его применения. Субъект – общий, 16 лет; в ч.4 – специальный, лицо, использующее служебное положение. Субъективная сторона – прямой умысел; цель – захват чужого имущества.

Суммируя вышеизложенное, очевидно, что не бороться с рейдерством нельзя. Необходимо вводить уголовную ответственность за исследуемое явление. Используя предложения украинских законодателей и российских исследователей (Констанстинов, 2008), статью о рейдерстве можно представить в следующем виде:

«Рейдерство»

1. Заказ, организация и (или) руководство нападением на объект чужой материальной собственности, осуществленное с применением насилия или угрозой его применения, в целях захвата чужого имущества до или после формального получения на него права собственности или управления за счет подделки правоустанавливающих документов или существенного нарушения легитимности их получения или решения суда, введенного в заблуждение путем обмана и влекущее причинение потерпевшей стороне ущерба в крупном размере, наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет.
2. Участие в нападении на объекты чужой материальной собственности с применением насилия или угрозой его применения в целях захвата чужого имущества до или после формального получения на него права собственности или управления за счет подделки правоустанавливающих документов или существенного нарушения легитимности их получения или решения суда, введенного в заблуждение путем обмана и влекущее причинение ущерба потерпевшей стороне ущерба в крупном размере – наказывается лишением свободы на срок от двух до пяти лет.
3. То же деяние, предусмотренное частями первой, второй, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, а так же влекущие причинение ущерба в особо крупном размере, - наказывается лишением свободы на срок от семи до двенадцати лет.

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй, третьей настоящей статьи, если они совершены:
- а) организованной группой;
 - б) повлекли по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия;
 - в) лицом с использованием своего служебного положения, -
- наказываются лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет.

Литература

1. Константинов В. (2008) Рейдерство – не мошенничество // Законность. №11.
2. Лопашенко Н.А. (2007) Рейдерство // Законность. №4.
3. Общественная палата РФ, Комиссия по общественному контролю за деятельностью правоохранительных органов, силовых структур и реформированием судебно-правовой системы, подкомиссия по проблемам противодействия коррупции Памятка «Если вам угрожает рейдерство (захват собственности)». М, 2006.
4. Электронный ресурс.- Режим доступа к ст.: <http://blogs.mail.ru/list/antiraid/> [04/11/08]
5. Электронный ресурс.- Режим доступа к ст.: <http://www.mvd.ru/news/18809/>

Должностные преступления в сфере налогового администрирования

Кинсбургская В.А.

Аспирант кафедры финансового права

Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва, Россия

E-mail: nikakins@mail.ru

На сегодняшний день в российской юридической науке отсутствует единое понимание сути налоговой преступности. Большинство российских ученых¹ причисляют к категории собственно налоговых преступлений лишь те деяния, которые выражаются в неисполнении налогообязанными лицами (налогоплательщиками, плательщиками сборов, налоговыми агентами) своих законодательно установленных обязанностей по исчислению и уплате (удержанию и перечислению) налогов и сборов в бюджетную систему страны. Это преступления, предусмотренные статьями 198, 199, 199¹, 199² Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ). Нередко учеными используются и более широкие по содержанию понятия: «преступления в сфере налогообложения», «преступления в налоговой сфере», «преступления против порядка налогообложения», «преступления против налоговой системы» и т.п. При этом к указанной категории преступлений, помимо названных, относят деяния, предусмотренные, в частности, такими статьями УК РФ, как: 170 и 194 (Н.А. Лопашенко¹); 170, 171, 172, 173, 193 (В.Д. Ларичев¹); 171, 172, 173, 195, 196, 197 – в случае, если одной из потерпевших сторон является государство (А.Р. Горюнов¹). Наиболее конструктивным в данном ряду представляется позиция И.М. Середы, которая рассматривает термин «налоговые преступления» в узком и широком смысле: собственно налоговые преступления (статьи 198–199² УК РФ) и иные преступления в сфере налогового администрирования (статьи 170, 173, 194 УК РФ); общим объектом этих преступлений являются общественные отношения в сфере налогообложения¹.

Все перечисленные понятия охватывают уголовно наказуемые деяния только налогообязанных лиц. Однако, учитывая специфику налоговых отношений, следует усомниться в том, что субъектами преступных посягательств в сфере налогообложения могут быть только налогообязанные лица. Налоговые отношения – это властные отношения, складывающиеся между гражданами или организациями как налогоплательщиками, с одной стороны, и государством в лице уполномоченных им органов – с другой стороны. Как на международном, так и на национальном уровнях к налоговым отношениям, как правило, относят властные отношения: 1) по установлению (введению), взиманию, исчислению и уплате (удержанию и перечислению) налоговых платежей в бюджетную систему государства; 2) по исполнению должностными лицами

налоговой администрации своих профессиональных обязанностей: осуществлению налогового контроля, налоговых расследований, привлечению к ответственности за совершение налоговых правонарушений. Подобной трактовки налоговых отношений придерживается и российский законодатель в ст. 2 Налогового кодекса Российской Федерации¹.

Исходя из этого, по нашему мнению, заслуживает поддержки позиция А.П. Зрелова, М.В. Краснова, выделяющих две разновидности объектов преступных посягательств в сфере налогообложения и, соответственно, две группы налоговых преступлений: 1) преступления, связанные с нарушением порядка исчисления, взимания и уплаты (удержания и перечисления) налогов и сборов; 2) преступления в сфере налогового администрирования. Системообразующим фактором для налоговых преступлений является сама сфера налоговых правоотношений, а не субъект преступного посягательства (налогообязанное лицо) или предмет такого посягательства (налоговый платеж). В контексте налоговой преступности следует рассматривать не только противоправные деяния налогоплательщиков, направленные на уклонение от уплаты (перечисления) налоговых платежей, но и другие противоправные деяния участников налоговых правоотношений, связанные с нарушением порядка исполнения налоговой обязанности, а также осуществление в рамках налогового правоотношения противоправных деяний должностными лицами налоговой администрации¹.

Нарушения налогового законодательства в составе уголовно наказуемых должностных преступлений предусмотрены в законодательстве Аргентины, Германии, Дании, Испании, Китая, Кыргызстана, Норвегии, Турции, Франции, Швейцарии, Эстонии. К налоговым преступлениям в таком случае отнесены (в первом приближении): злоупотребление (превышение) властными полномочиями при осуществлении налогового контроля; вынесение заведомо незаконного решения о привлечении (об отказе в привлечении) к ответственности за совершение налогового правонарушения; незаконное обложение; невзимание (взимание не в полном объеме) налоговых платежей, подлежащих взиманию, должностными лицами налоговых органов из корыстных побуждений; незаконное предоставление налоговых льгот; использование должностным лицом своего служебного положения для занижения размеров или полного освобождения от уплаты налогов.

В России должностным лицам налоговых органов за неисполнение (ненадлежащее исполнение) своих должностных обязанностей может быть вменена уголовная ответственность по статьям 140, 169, 183, 285, 286, 290, 292, 293, 315 УК РФ. Кроме того, возможна их ответственность за преступления, которые также осуществляются в процессе исполнения должностных обязанностей, но не имеют прямой связи с налоговыми отношениями и по своей природе могут быть совершены любыми госслужащими с использованием своего служебного положения, в частности, по статьям 136 (ч. 2), 137 (ч. 2) УК РФ. Однако все эти преступления имеют общий характер и сложно доказуемы. Многие из них предполагают не только причинение ущерба потерпевшему, но и корыстные мотивы поведения правонарушителя, между тем в действиях недобросовестных должностных лиц налоговых органов такие мотивы трудно выявляются, косвенно выражены либо вообще отсутствуют.

В связи с этим целесообразным видится внесение в УК РФ дополнений в части введения персональной уголовной ответственности должностных лиц налоговых органов за умышленные противоправные деяния, ущемляющие права как налогоплательщиков (иных налогообязанных лиц), так и иных участников налоговых отношений, обязанных оказывать налоговым органам содействие в осуществлении налогового контроля (например, контрагентов налогоплательщика). Установление персональной уголовной ответственности должно стать для сотрудников налоговых органов определенным стимулом к соблюдению норм налогового законодательства, способствовать предотвращению (хотя бы частично) нарушений прав и законных интересов налогообязанных лиц, снижению давления налоговых органов на бизнес.

Некоторые вопросы квалификации хулиганства

Н.В. Койков

Студент

Томский экономико-юридический институт

E-mail: koljacha@sibmail.com

Хулиганство с давних времен известно отечественному законодательству. Первый УК РСФСР, появившись в 1922 г., впервые ввел термин хулиганство и отнес его к преступлениям, посягающим на личность и её достоинства. Дальнейшее развитие состав получил в УК 1960 г. Объектом посягательств как раз стал выступать общественный порядок. В ныне действующем кодексе первоначально хулиганство было определено, как «Хулиганство, грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающиеся применением насилия к гражданам или угрозой применения, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества». Принятие закона 8 декабря 2003, где состав претерпел значительные изменения «Хулиганство, то есть грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия». Одновременно в ряд составов преступлений в качестве квалифицированного состава преступления была предусмотрена ответственность за совершение их из хулиганских побуждений (ч.2 ст.115, ч.2 ст.116, ч.2 ст. 167 УК РФ).

Легальное определение понятия хулиганства существенно затруднило применение указанной нормы уголовного закона в судебной практике. В связи с неточностью определения объективной стороны хулиганства, стало существенно затруднено разграничение указанного состава со смежными составами (ст.115,116,167). Нынешняя редакция ч.1 ст.213 оставила открытым вопрос о возможности применения насилия, а также уничтожение или повреждение чужого имущества при совершении хулиганских действий. Редакция ч.1 ст. 213 более полно отвечает правоприменительной практики. Ст.115, ст.116 не полностью отображают общественную опасность совершенного деяния. Невозможно отрицать тот факт, что эти деяния связаны с посягательством на личность, здоровье имущество, однако наиболее важной особенностью хулиганских действий то, что объектом выступает общественный порядок.

Современная редакция состава не способствует правильному пониманию хулиганства. Внесено очередное изменение и выделение в ч.1 ст.213 п.б, предусматривающего ответственность за деяния совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Значимость хулиганского мотива как критерия позволяющего судить о направленности умысла на нарушение общественного порядка, окончательно сведена на нет. Не стоит преступления, совершаемые по вышеуказанным мотивам сводить к преступлениям против личности и даже к хулиганству. Это, несомненно, преступления против основ конституционного строя, если действительно они порождены указанными мотивами. Парадокс законодательства состоит в том, что действия направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека или группы лиц по ряду признаков, совершенные публично, законодатель считает преступлением против конституционного строя (ст. 282), реализация этой ненависти либо вражды – преступление против личности и хулиганством.

Предлагается исключить данный квалифицирующий признак состава ч.1 ст.213 и вернуться к редакции статьи до принятия ФЗ от 8 декабря 2003г. Такое определение хулиганства позволит полно отразить общественную опасность деяния по сравнению с другими схожими преступлениями, и более правильно разграничить смежные составы преступлений.

Научный руководитель – Ст. преподаватель Демидов Дмитрий Владимирович

Уголовно-правовая охрана и защита авторов научных работ от плагиата

Конев А.В.¹

Студент

*Волгоградская академия государственной службы,
юридический факультет, Волгоград, Россия
E-mail:rainforces@rambler.ru*

Охрана права направлена на создание условий для его реализации, к защите же необходимо прибегнуть, когда имеет место нарушение права. Общественная опасность присвоения авторства заключается в посягательстве на гарантированную Конституцией РФ (ч. 1 ст. 44) свободу творчества. Уголовная ответственность является наиболее неблагоприятной для нарушителей, следовательно, должна обеспечивать наибольшую защиту авторов научных произведений от присвоения их прав. Сотрудничая с правоохранительными органами, автор может более эффективно защитить свои права, так как его позиция в уголовном судопроизводстве будет подкрепляться государством.

Многие создатели научных произведений даже в случае самостоятельного обнаружения факта присвоения авторства не предпринимают адекватных мер для защиты своих прав. Проведенное исследование показало, что основными причинами такого положения дел являются неверие в компетентность правоохранительных органов и незнание о существовании механизма защиты авторских прав на научные произведения. Была выявлена существенная проблема, делающая неэффективной саму возможность уголовно-правовой защиты неимущественных прав авторов научных работ и состоящая в отсутствии полноценного легального определения научного произведения.

На основе анализа национального и международного законодательства, а также научной литературы были выделены признаки, характеризующие научное произведение и дано его определение. Таковым целесообразно считать созданное на основании исследований или теоретических обобщений аргументированное изложение результатов изучения проблемы, содержащее научно-теоретические положения и характеризующееся оригинальностью материала, последовательным стилем изложения, внутренней непротиворечивостью и зафиксированное в установленном законом порядке и им охраняемое для достижения социально-полезной (-ых) цели (-ей).

Целью уголовно-правовой охраны и защиты прав авторов научных произведений от плагиата являются личные неимущественные права авторов и исключительные права этих лиц (если ранее не произошло отчуждение последних в порядке, предусмотренном законом). По части 1 статьи 146 Уголовного кодекса РФ, уголовно-наказуемым является присвоение авторства (плагиат), в том случае, если это деяние причинило крупный ущерб автору или иному правообладателю. Основанием уголовной ответственности за присвоение авторства является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления. Их необходимо соотносить с выявленными в ходе исследования формальными признаками присвоения авторства для быстрого и правильного решения вопроса об уголовной ответственности. Для удобства их сравнения, две группы признаков отражены в таблице.

Формальные признаки присвоения авторства	Признаки плагиата
--	-------------------

<ul style="list-style-type: none"> - не влечет уголовной ответственности; - юридическая ответственность может отсутствовать вообще; - если ответственность и имеет место, то это чаще всего моральная и нравственная ответственность; - заимствование происходит в форме простого копирования; - основная цель может не состоять в извлечении прибыли; - оно может быть и неосторожным; - выражается чаще всего в нарушении правил цитирования чужих научных произведений; - как правило, происходит вопреки воле, желанию автора произведения и чаще всего не затрагивает интересы правообладателя; - автор может дать согласие другому лицу на присвоение своего произведения; - присвоение авторства может касаться целого произведения или его части; - выявляется при сравнительном исследовании – например, имеется явное несоответствие языковых и интеллектуальных навыков, наличествующих в произведении, из которого произведены заимствования; - источники, на которые ссылается нарушитель при создании произведения, не могли находиться в его распоряжении в силу объективных обстоятельств (время, место, язык и других). 	<p>Это юридические признаки состава преступления, предусмотренного частью 1 статьи 146 УК РФ:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Основной объект – общественные отношения, связанные с реализацией конституционных прав человека и гражданина. Непосредственный объект – авторское право на произведения, а также права автора и иного правообладателя. Предмет – произведение как объект авторского права. - Объективная сторона реализуется путем присвоения авторства (объявления себя автором чужого произведения, издания произведения под своим именем и т. п.). Деяние причиняет крупный ущерб автору или иному правообладателю (материальный состав); следовательно, необходимо выявить причинно-следственную связь между ним и наступившими последствиями. - С субъективной стороны состав преступления характеризуется виной в форме прямого или косвенного умысла. Корыстный мотив и цель (извлечение дохода) свидетельствуют только о прямом умысле. - Субъект преступления – физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.
--	---

Литература

1. Вошинский, М. «Уголовная ответственность за нарушение авторских и смежных прав по новой редакции статьи 146 УК // Российская юстиция, 2003. - № 6.
2. Гальченко, А.И. Уголовно-правовая характеристика преступлений о нарушении авторских и смежных прав // Адвокатская практика, 2004. - № 4.
3. Корнева, Л.А. Некоторые проблемы криминализации нарушений авторских и смежных прав в Интернете // Юрист, 2008. - № 2.
4. Мачковский, Л.Г. Интеллектуальная собственность: уголовно-правовая охрана // Законодательство, 2005. - N 11.
5. Новосельцев, О.В. Системный анализ кодификации интеллектуальной собственности // История государства и права, 2008. - № 3.
6. Силенок, М.А. Авторское право: учебно-методическое пособие для вузов / М.А. Силенок. – М.: Юстицинформ, 2006.
7. Хаметов Р. Присвоение авторства в диссертациях // Российская юстиция, 2000. - № 8.
8. Хилюта В. Хищение интеллектуальной собственности // Уголовное право, 2008. - № 2.

Уголовная ответственность несовершеннолетних.

Коснырева Юлия Константиновна

Студентка 3 курса очной формы обучения

Российская Правовая Академия Министерства Юстиции Российской Федерации.

E-mail: kosnireva89@mail.ru

Тема детской преступности стала особенно актуальной после распада Советского Союза. (1991). Но наиболее значима она стала в последнее время.

Ведь не секрет, что сейчас в нашей стране сотни тысяч детей растут без всякого надзора, родительской опеки и заботы, государственного и общественного внимания. Повальная нищета в стране вытолкнула на улицы миллионы беспризорников, бомжей, обездоленных несчастных детей. Они кочуют по городам, по вокзалам, ночуют в подвалах, на свалках, бродят по рынкам и базарам, прося подаяние, занимаясь воровством. Одни из них нюхают клей, а другие уже употребляют наркотики. Смотреть на них больно и стыдно. Это национальный позор России.

И именно такие подростки чаще всего становятся малолетними преступниками, а значит, впоследствии воспитанниками исправительной колонии. Но есть подростки, которые живут в благоприятных условиях, в полноценной семье, но также встают на дорогу преступного мира.

Данная работа посвящена проблеме преступности среди несовершеннолетних в России: состоянию, структуре, динамике преступности; основным факторам риска, влияющим на подростковую преступность, а так же мерам, проводимым по профилактике правонарушений. А также в ней я постаралась подробно показать картину преступности несовершеннолетних в Приморском крае, проанализировать это явление, раскрыть причины преступлений и меры их предотвращения.

Объектом исследуемой работы являются несовершеннолетние, которые состоят на учете в уголовно-исполнительных инспекциях Уссурийского района и города Артем, а также воспитанники, которые содержатся в колонии поселка Врангель Приморского края.

Преступление - это социальное зло, а преступность несовершеннолетних - зло, увеличенное во много раз. И хотя процент осужденных судами несовершеннолетних в сравнении со взрослыми невелик, мириться с таким явлением, когда подростки совершают преступления, нельзя.

Если обратить внимание на динамику и структуру преступности среди несовершеннолетних отбывающих уголовные наказания в исправительных учреждениях Приморского края за три года установлено, что рост преступности среди выше указанной категории лиц наблюдался в 2006 году. В 2007 году наметилась тенденции к снижению преступности за счет смягчения законодательства в отношении несовершеннолетних преступников. Среди категории преступлений преобладают тайное хищение имущества (кража), а также открытое хищение имущества (грабеж). Большинство преступлений совершено подростками 1991-1992гг. рождения в вечернее и ночное время. Одной из причин способствующих совершению преступлений, является не занятость подростков, учебой или работой.

Для предупреждения преступности среди несовершеннолетних нужно всеми силами бороться за каждого подростка. Главная ответственность, конечно, лежит на семье. Поэтому обществу нужно, чтобы семья была крепкой, здоровой, а родители занимались воспитанием детей не от случая к случаю, а ежедневно выполняли свой гражданский долг, были примером для дочерей и сыновей.

Помочь подростку найти свое место в жизни, понять его стремление, интересы, дать возможность развиваться его индивидуальности, значит, во многом предотвратить преступление.

Литература.

1. Александров. В. Находкинская воспитательная колония // Это нашей истории строки.-1999г. – с.34.
2. Васильева А. Вселить надежду в завтрашний день // Преступление и наказание.- 2004г.-№12.-с.38-40.
3. Гальперин В., Федотов С. Один в поле не воин.// Преступление и наказание.- 2003 г.- №12.- с.46-48.
4. Гальперин В., Федотов С. «Просто они нам верят» // Преступление и наказание.-2004 г. -№7.-с.33-34.
5. Грибов Ю. Национальный позор России// Преступление и наказание.- 2003 г.- №11. – с.60-61.
6. Гушин А. «Наказание» означает «научение» // Преступление и наказание.- 2005 г.- №2.-с.14-15.
7. Кабакин В., Шматков В. «Стараемся, чтобы ни один подросток не остался без внимания» // Преступление и наказание.-2002 г. – №10.-с.10-15.
8. Каргина. М. Проблема социализации подростка// Воспитание школьника.- 2003 г. – №4.-с.56-58.
9. Катков Е., Кузнецова М. Социально-психологическая поддержка несовершеннолетних подследственных с наркотической зависимостью // Преступление и наказание.- 2004 г. - №5.- с.35-38
10. Макеева А. Г. Не допустить беды: Пособие для учителя: Под. ред. М.М. Безруких; М - во образования Рос. Федерации. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 2004. – 191 с.
11. Основы правовых знаний: Учебник для 8-9 кл. В 2-х книгах. Кн.1./ С.И. Володина, А.М. Полиевктова, В.В. Спасская и др. / Российских фонд правовых реформ. Проект «Правовое образование в школе». Серия «Основы правовых знаний». – 3-е изд., перераб. – М.: Вита-Пресс, 2003, - 288 с.: ил.
12. Профилактика агрессивных и террористических проявлений у подростков: Метод. пособие /С.Н. Ениколопов, Л.В. Ерофеева, И. Соковня и др.; Под ред. И. Соковни. – М.: Просвещение. 2002. – 158с.
13. Супонев С. В центре внимания – несовершеннолетние осужденные // Преступление и наказание.- 2004 г. - №6. –с.37-38.
14. Уголовный кодекс РФ, Текст с изменениями и дополнениями на 15 сентября 2008 года. – М.: Эксмо, 2008., - 192с.- (Российское законодательство).

Кошель А.С.

Студент II курса

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,

юридический факультет, Москва, Россия

E-mail: koshelas@mail.ru

Актуальность данного исследования связана с легальной неопределенностью правового положения Постановлений Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам, которые, с одной стороны, согласно Уголовному Кодексу, не являются источниками Уголовного права, а с другой стороны, согласно Закону РСФСР «О судостроительстве РСФСР» являются обязательными и подлежат применению судами общей юрисдикции, а так же и другими субъектами права, применяющими закон, разъяснения о применении которого содержатся в Постановлениях Пленума Верховного Суда.

Такое двойственное неопределенное положение данных разъяснений вызывает затруднения у правоприменителей. Эти затруднения влекут за собой нарушение конституционных принципов равенства лиц перед законом и судом, верховенства закона, поскольку действие закона не обеспечивается единообразным и правильным судебным правоприменением.

Согласно ст. 126 Конституции Российской Федерации и согласно п.5 ст. 19 Федерального конституционного закона «О судебной системе» от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ Верховный Суд Российской Федерации дает разъяснения по вопросам судебной практики. Что входит в коллизию с Законом РСФСР от 8 июля 1981 года «О судостроительстве РСФСР», где содежится относительно подробная регламентация данной деятельности Верховного Суда РФ. Согласно абз. 2 ч.1 ст. 56 Закона РСФСР «О судостроительстве РСФСР» Верховный Суд изучает и обобщает судебную практику, анализирует судебную статистику и дает руководящие разъяснения судам по вопросам применения законодательства РСФСР, возникающим при рассмотрении судебных дел. Руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда РСФСР обязательны для судов, других органов и должностных лиц, применяющих закон, по которому дано разъяснение. Полномочия по даче руководящих разъяснений согласно п.1 ст.58 определены для Пленума Верховного Суда РСФСР. Так же согласно п.3 ст.65 упомянутого закона Председатель Верховного Суда организует работу по осуществлению контроля за выполнением руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР и Пленума Верховного Суда РСФСР.

В настоящее время необходимо выяснить правовую природу постановлений Пленума Верховного Суда, и, в первую очередь, разрешить вопрос о правовой природе Постановлений Пленума Верховного Суда РФ, дающих разъяснения по вопросам судебной практики по уголовным делам, и которые согласно Закону РСФСР «О судостроительстве РСФСР» являются руководящими. Согласно ч.1 ст.1 Уголовного кодекса РФ от 13 июня 1996 года №63-ФЗ уголовное законодательство Российской Федерации состоит исключительно из Уголовного кодекса. В таком случае нормы ч.1 ст.1 Уголовного кодекса входят в коллизию с нормами абз. 2 ч.1 ст. 56 Закона РСФСР «О судостроительстве РСФСР», согласно которому руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда РСФСР обязательны для судов, других органов и должностных лиц, применяющих закон, по которому дано разъяснение.

Данная коллизия существует только применительно к уголовному праву, в других отраслях права руководящие разъяснения, по сути, являются актами, обязательными к применению. Однако в ст. 126 Конституции Российской Федерации не содержится нормы о руководящей роли Постановлений Пленума Верховного Суда, данная норма содержится лишь в Законе РСФСР от 5 июля 1981 года «О судостроительстве РСФСР». В связи с вышесказанным невозможно составить ясное представление о том, как с точки зрения действующей Конституции Российской Федерации и порожденных ею правовых

тенденций должно пониматься это направление деятельности Верховного Суда, поскольку, как уже отмечалось в п.1 настоящего запроса, Закон РСФСР от 5 июля 1981 года «О судостроительстве РСФСР» продолжает действовать, согласно ч.2 Раздела II Конституции РФ.

Широкое распространение в науке получил взгляд на судебную практику как на объективированный опыт правоприменения, связанный с выработкой положений, норм правоприменения – правил, развивающих (конкретизирующих, дополняющих, восполняющих) закон и по своему регулятивному содержанию близких к правовым нормам. Если составной частью судебной практики является решение вопросов, не получивших четкой регламентации, то и Верховный Суд в своих разъяснениях вправе формулировать новые правила, занимаясь, так называемым, «судебным нормотворчеством». Такое положение вещей, на наш взгляд, недопустимо, ибо только те, кому дано право создавать нормы права, могут их создавать. Однако научный взгляд, процитированный выше получил широкое распространение в практике судебного правоприменения, что напрямую вытекает также и из Закона РСФСР от 5 июля 1981 года «О судостроительстве РСФСР».

Кроме всего прочего применяются до сих пор и постановления Пленума Верховного Суда Союза ССР, что закреплено в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 апреля 1992 года «О применении судами Российской Федерации постановлений Пленума Верховного Суда Союза ССР» №8.

Литература

1. Курс уголовного права. Т.1. Общая часть . Учение о преступлении. // Под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М. 2002.
2. Мадьярова А.В. Разъяснения Верховного Суда в механизме уголовно-правового регулирования. С-Пб. 2002.
3. Потапенко С.В. Заметки по поводу несостоявшейся дискуссии о единстве судебной практики и правовой определенности. // Российская юстиция, №6, июнь 2006 г.
4. Терехов А.В. Юридическая и логическая природа разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации: дис. канд. юрид. наук: 12.00.01 Москва, 2006. РГБ ОД, 61:07-12/632.
5. Чуча С.Ю. Акты судебных органов в системе источников российского права // Вестник Федерального Арбитражного суда Западно-Сибирского округа. N 1. январь-февраль 2005 г.
6. Конституция Российской Федерации // Российская газета. 1993. 25 декабря.
7. Федеральный конституционный закон «О судебной системе» от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 6 января 1997 г. N 1 ст. 1
8. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 24 мая 1996 г. // Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, № 25, ст. 2954
9. Закон РСФСР от 8 июля 1981 года «О судостроительстве РСФСР» (Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР от 16 июля 1981 г., N 28, ст.976)

Некоторые вопросы освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних с отставанием в психическом развитии

Лисин Е.А.¹

Студент

*Новокузнецкий филиал-институт Кемеровского государственного университета,
юридический факультет, Новокузнецк, Россия*

E-mail: evlismail@mail.ru

С момента принятия в 1996 году Уголовный кодекс РФ претерпел значительные изменения: многие новеллы нашли в нем свое закрепление, многие положения (порой и целые институты) канули в лету. К нормам, которые практически не изменили своего первоначального смысла и содержания, относятся нормы о лицах, подлежащих уголовной ответственности. Особое место среди них занимает институт освобождения от уголовной ответственности лиц с отставанием в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством (ч. 3 ст. 20 Уголовного кодекса РФ). Данная норма подвергалась учеными разносторонней критике, проводились развернутые медико-правовые исследования, предлагались варианты ее изменения, однако законодатель до сих пор не реализовал ни одно предложение.

В силу ч. 3 ст. 20 Уголовного кодекса РФ не подлежит уголовной ответственности несовершеннолетний, который вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими.

Психическое развитие рассматривается современной детской психологией как цепь переходов от одной стадии развития к качественно иной. Переходы совершаются скачкообразно, во время так называемых возрастных кризисов. Психическое развитие включает в себя три компонента: интеллектуальное, эмоционально-волевое и нравственное развитие. «Паспортный» возраст ребенка условно относят к определенной стадии психического развития, и если оказывается, что данный возраст соответствует более ранней стадии, можно говорить об отставании в психическом развитии.

Анализируя работы детских психологов и психиатров, посвященные данной проблеме, можно прийти к выводу, что при отставании в психическом развитии ребенка сталкиваются и взаимно переплетаются причины биологического (конституционально-генетические, соматогенные) и социального (депривация, социально-педагогическая запущенность) генеза. Отставание может быть связано с психическим расстройством. Это имеет большое значение при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности.

Несовершеннолетний, отставание в психическом развитии которого не связано с психическим расстройством, не подлежит уголовной ответственности. При этом необходимо иметь в виду, что данное лицо может иметь такое психическое расстройство, которое не оказывает существенного влияния на темпы его психического развития.

Если же отставание в психическом развитии связано с психическим расстройством, положение ч. 3 ст. 20 Уголовного кодекса РФ к нему не применимо. Теоретически в данной ситуации можно говорить об ответственности на общих основаниях, однако практика идет по иному пути: применяется ст. 22 Уголовного кодекса РФ («ограниченная вменяемость»). Такой подход, несомненно, является более гуманным и целесообразным в сложившейся ситуации (до внесения необходимых изменений в закон), так как несовершеннолетнему судом может быть смягчено наказание и назначены принудительные меры медицинского характера. Последние способны остановить или замедлить прогрессирующее психическое расстройство. Тем самым оказывается благотворное влияние на психическое развитие.

Однако так разрешать ситуацию не совсем логично, поскольку несовершеннолетний в момент совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими именно вследствие отставания в психическом развитии, связанном с психическим расстройством, а не в силу психического расстройства. Не всегда эксперты и правоприменители обращают внимание на эти существенные различия, предпочитая более простые варианты. Проблема состоит еще и в отсутствии соответствующих методических правил, руководств органов исполнительной власти в области

здравоохранения в отношении производства комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз по данной категории дел.

Более того, назначение наказания лицам, совершившим общественно опасные деяния вследствие отставания в психическом развитии, связанном с психическим расстройством, противоречит принципу справедливости наказания. Думается, что не в последнюю очередь из-за этого на практике встречается более радикальный вариант решения проблемы, когда от уголовной ответственности освобождаются все лица с отставанием в психическом развитии.

Итак, правовые последствия отставания в психическом развитии различны в зависимости от того, вызвано ли оно психическим расстройством или нет. Большинство ученых склоняются к тому, что неоправданно отдавать главенствующую роль причинам, вызвавшим отставание, важен сам факт такого отставания. Такое утверждение не противоречит законам логики и здравому смыслу.

Несмотря на это, следует предусмотреть возможность дифференциации правовых последствий в части применения принудительных мер медицинского характера. Представляется возможным применять их по решению суда наряду с освобождением от уголовной ответственности к несовершеннолетним, отстающим в психическом развитии, связанном с психическим расстройством.

Таким образом, нормы Уголовного кодекса РФ об ответственности несовершеннолетних нуждаются в основательном пересмотре: действие ч. 3 ст. 20 следует распространить и на несовершеннолетних, отставание в психическом развитии которых связано с психическим расстройством, а также дополнить данную статью новым положением – о возможности назначения судом такому несовершеннолетнему принудительных мер медицинского характера. Для правильного применения обновленных норм необходимо принятие методического акта (правила, руководства) здравоохранения в отношении производства комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз для судебных экспертов с перечнем обязательных вопросов, которые ставятся перед ними. Все это будет способствовать повышению качества работы эксперта, следователя и суда, а также общей гуманизации уголовного закона.

Литература

1. Выготский Л. (1999) Педагогическая психология. М.: Педагогика-Пресс.
2. Марковичева Е. (2008) Проблемы установления возрастной невменяемости при производстве по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего // Уголовное право. № 4, с. 105–108.
3. Цымбал Е.И. (2003) Экспертная оценка отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством (методические рекомендации), часть I // Независимый психиатрический журнал. № 4, с. 61–66.

Отдельные аспекты противодействия коррупции

Магомедов И.М.

студент 4 курса юридического факультета

*Северо-Кавказского (г. Махачкала) филиала ГОУ ВПО «Российская правовая академия
Министерства юстиции Российской Федерации», Махачкала, Россия*

E-mail: feardag@mail.ru

Проблема коррупции и взяточничества в России стоит сегодня угрожающе остро, представляя одну из реальных угроз национальной безопасности. Этот социальный недуг угрожает верховенству закона, подрывает систему государственного управления, нарушает принципы равенства, социальной справедливости, противоречит моральным устоям общества

Президент Российской Федерации Д.А.Медведев в послании Федеральному Собранию говорил о том, что для свободного, демократического и справедливого общества враг «номер один» - это коррупция. В первую очередь нужно устранять те причины коррупции, которые порождены несовершенством нашего государственного и хозяйственного механизмов.

Существующий Уголовный Кодекс РФ не обделен антикоррупционными нормами наказания за должностные преступления: ст. 285 – злоупотребление должностными полномочиями; ст. 286 – превышение должностных полномочий; ст.290 – получение взятки и ст. 292 – служебный подлог. Сегодня коррупция пышно процветает и принимает такие уродливые формы именно потому, что они не работают. В результате чего возникает огромный ажиотаж вокруг национального антикоррупционного плана и подготовки еще новых законов. На наш взгляд, было бы в этом направлении заставить сначала работать существующие нормативные акты и строго спросить и наказать тех, кто их игнорирует. Именно непоследовательность в действиях у нынешних политических деятелей дает нам, к сожалению, основания сомневаться в том, что и у них хватит решимости, твердости и политической воли бороться с властной коррупцией, да так, чтобы подрубить ей корни, и чтобы никто не смог уйти от возмездия. Ярким примером эффективной борьбы с коррупцией, которому, мы считаем, нам надо последовать, является операция «Чистые руки», проведенная в Италии вначале 90-х. Под руководством прокурора Борели был возведен город Закона. Однако для этого ему пришлось разрушить старый город Взяткоград. В результате «чистки», покончившей с невиданной для цивилизованного государства коррумпированностью власти, оказались «выведенными из оборота» 80 % итальянских политиков, фактически прекратилось действие крупных партий. Честность чиновничества должна постоянно подкрепляться страхом перед хорошо работающим прокурором и законом. Особенно в России, где нищие служащие испытывают огромные искушения и не стеснены ни общественной, ни религиозной моралью. Если за всеми, пусть даже достаточно жесткими, требованиями антикоррупционного законодательства не будут «проглядываться» грозная фигура независимая от «кормления», хорошо обеспеченного, боящегося потерять свою работу прокурора, требования эти не будут подкреплены реальной угрозой наказания за их неисполнение.

Осознав высокую опасность для общества, сегодня в стране создан Национальный комитет по борьбе с коррупцией. Обнародован план, состоящий из трех основных разделов: 1) модернизация антикоррупционного законодательства; 2)меры по противодействию коррупции в экономической и социальной среде; 3)правовое просвещение населения. К сожалению, в нем, как нам, кажется, не совсем четко очерчен круг лиц, подлежащих имущественному декларированию. Не понятно так же, как собирается власть решать вопрос о конфискации незаконно нажитого (вернее награбленного) движимого и недвижимого имущества.

Очевидно, предстоит огромная работа по подготовке, согласованию большого числа законопроектов. Не исключена возможность, что благие намерения властей смогут «утопить и заговорить» в многочисленных согласительных комиссиях. Есть конкретные исторические примеры, когда полумеры, либерализм дали шанс нечистоплотным чиновникам и исполнителям законов найти в них для своих противоправных действий щели и лазейки. Поэтому необходимо заранее предусмотреть, как нейтрализовать противодействия бюрократического чиновничьего аппарата.

Литература

- 1.Уголовный кодекс РФ (1996) (с изм., и дополн., на сентябрь 2008г.)
- 2.Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации (2008) // Российская газета, №230, 06.11.2008.

3. Национальный план противодействия коррупции (2008) // Российская газета, №164, 05.08.2008.
4. Нуров А.У. (2008) Коррупция-опасная социальная болезнь // Дагестанцы, №10
5. Яни П.С. (2002) Взятничество и должностное злоупотребление. М., 2002.
6. Магомедов А.М. (2008) ... И тогда «мохнатая лапа» засохнет // Дагестанская правда, №№15-16

К вопросу о компьютерных преступлениях

Деньгин МВ

студент

Институт (филиал) МГЮА в г. Кирове, юридический, г. Киров, Россия

kla_62@mail.ru

Актуальность выбранной темы вызвана тем, что сегодня документооборот невозможен без использования средств ЭВМ.

С компьютерной преступностью человечество впервые столкнулось в 60-70-е XX века. Возникла необходимость целенаправленного совершенствования уголовного законодательства, так как в действовавших тогда нормах не были учтены многие обстоятельства, касающиеся совершения такого рода преступлений. Поэтому уголовное законодательство многих зарубежных стран было дополнено новыми положениями в части криминализации деяний, совершённых с использованием компьютерных технологий.

До вступления в силу УК РФ в нашей стране не было реальной возможности бороться с компьютерной преступностью, были предприняты лишь отдельные попытки в начале 90-х годов (например, Закон РФ от 23.09.1992 № 3523-1 «О правовой охране программ для ЭВМ и баз данных»).

В действующем УК РФ в главе 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» приведено только три состава компьютерных преступлений – неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ (ст. 273 УК РФ), нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети (ст. 274 УК РФ). Информационные технологии развиваются быстрыми темпами, и возникают новые общественные отношения, которые фактически не регулируются нормами УК РФ. Например, в Рекомендации №R 89 (9) Комитета министров стран-членов Совета Европы «О преступлениях, связанных с компьютерами» в перечень правонарушений, рекомендованных для включения в национальное законодательство, включены такие нетипичные составы преступлений, как несанкционированный перехват, компьютерное мошенничество.

Название главы 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации», на наш взгляд, представляется неудачным, так как к данной сфере можно отнести весь электронный документооборот. В зарубежном уголовном законодательстве многие компьютерные преступления причиняют вред и отношениям собственности (например, в УК Франции), и отношениям, связанным с информационной безопасностью (УК Белоруссии). По нашему мнению, необходимо более точно сформулировать наименование видового объекта компьютерных преступлений в действующем УК РФ. Как вариант, предлагается «Преступления против безопасности компьютерной информации».

Среди предметов, подвергающихся преступным посягательствам, на первом месте находятся не информационные технологии, а базы данных. Это важно для организации и планирования оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий. Следует учитывать, что компьютерные вирусы – это лишь малая часть вредоносных программ, которые являются предметом преступления по ст. 273 УК РФ. Норма права, содержащаяся

в ст. 274 УК РФ, «неработоспособна» из-за фактического отсутствия правовых актов, разъясняющих правила эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети.

При квалификации компьютерных преступлений необходимо учитывать, что они совершаются лицами, обладающими специальными знаниями в области информационных технологий. Компьютерные преступления не знают государственных и географических границ, причиняют значительный ущерб, латентны и трудно раскрываемы. Для этого сотрудникам правоохранительных органов необходима специальная подготовка в сфере использования информационных технологий.

Проблемы ювенальной юстиции в России

Миронова И.Я, Ощепкова М.А

студенты

Якутский государственный университет им. М. К. Аммосова, юридический

факультет, Якутск, Россия

E-mail: cardinka@mail.ru

В настоящее время несовершеннолетние - одна из наиболее криминогенно пораженных категорий населения. В связи с этим назрела острая нужда формирования эффективного механизма контроля и влияния на несовершеннолетних – Ювенальной юстиции. Это специальная система взаимодействующих институтов, занимающихся защитой прав и интересов несовершеннолетних, профилактикой детской беспризорности, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. В ювенальной юстиции акценты в работе с несовершеннолетними правонарушителями переносятся с карательного и репрессивного, на воспитательный и реабилитационный. Таким образом, для более непосредственной работы с подростками, мы предлагаем ввести в школы должность школьного инспектора. Органы управления образованием и образовательные учреждения, также входящие в систему профилактики, призваны решать большой круг проблем и задач. В их обязанности входит выявление несовершеннолетних с отклонениями в развитии или поведении, проведение обследования подростков, подготовка рекомендаций по оказанию им помощи и определению форм их дальнейшего обучения. Для более эффективной работы этим будет заниматься школьный инспектор. Кроме того, в его функции будут входить обязанности по оказанию юридической помощи и повышению уровня общего правосознания несовершеннолетних.

Так как инспекторы по делам несовершеннолетних в силу территориальной особенности своей работы (обширная территория и количество несовершеннолетних) физически не в состоянии выявить и предупредить правонарушение в закрепленном за ним участке вовремя. Школьные инспекторы будут предоставлять им информацию по каждому несовершеннолетнему в их школе и непосредственно работать с наиболее предрасположенными к совершению правонарушений подростками. Таким образом, повышается эффективность борьбы с преступностью несовершеннолетних.

А также представляется целесообразным рассмотреть возможность открытия специализации на базе педагогического и юридического факультетов по подготовке школьных инспекторов. Такой специалист будет обладать комплексом знаний в области психологии, педагогике и юриспруденции.

Финансирование предусматривается из регионального и частично местного бюджетов.

Литература

1. Кольцов М.И. (2008) К вопросу необходимости введения ювенальной юстиции в России // Вопросы ювенальной юстиции, №1.
2. Малышев В.А. (2008) Роль и место социального работника в системе ювенальной юстиции // Законодательство и экономика, №6.
3. Малышев В.А. (2008) Ювенальная юстиция как средство защиты прав и законных интересов несовершеннолетних в РФ // Адвокат, №4.

4. Марковичева Е.В. (2008) Некоторые аспекты судебной и следственной специализации в контексте разработки модели ювенальной юстиции // Вопросы ювенальной юстиции №1.

5. Мусалин Н. (2008) Перспективы ювенальной юстиции // Современное право, №3.

6. Солнечная С.В. (2008) Возродим ювенальную юстицию в России! // Вопросы ювенальной юстиции, №1.

Научный руководитель – Л. Н. Николаева

Актуальные проблемы законодательной регламентации и квалификации посягательств на жизнь сотрудников учреждений и органов, исполняющих наказания в виде лишения свободы

Маркина Т.В.

Курсант

Академия Федеральной службы исполнения наказаний,

юридический факультет, Рязань, Россия

E-mail: markinatanya@inbox.ru

Одним из обстоятельств, способствующих сдерживанию криминальных проявлений в учреждениях и органах, исполняющих наказания в виде лишения свободы, бесспорно, является деятельность персонала этих учреждений по пресечению преступлений и применению уголовного закона. Осуществляя возложенные законом служебные обязанности, в сфере обеспечения установленного режима отбывания наказания, сотрудники исправительных учреждений нередко подвергаются различным насильственным посягательствам со стороны осужденных, что и определяет повышенное внимание к состоянию их защищенности со стороны государства.

В своем выступлении на выездном заседании коллегии ФСИН (г. Тула, июль 2008 г.) директор службы Ю.И. Калинин, отметил, что в результате принятия профилактических мер по пресечению правонарушений в 2007 году число преступлений против личности в местах лишения свободы сократилось на 7,6 % по сравнению с предыдущим годом. Положительные тенденции сокращения преступлений, сохранились и в прошедшем году. Однако, несмотря на позитивные изменения в 2007 и в прошедшем годах (снижение преступлений против жизни и здоровья персонала ИУ) остаются нерешенные проблемы. Анализ оперативной информации показывает, что по-прежнему осужденные и криминальные структуры не оставляют попыток оказания давления на сотрудников учреждений и органов, исполняющих наказания в виде лишения свободы, путем угроз их жизни, в том числе и жизни их близких.

Общественная опасность посягательств на жизнь сотрудников учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, заключается, главным образом, в тяжести последствий, поскольку рассматриваемые посягательства дезорганизуют процесс исполнения наказания в виде лишения свободы, оказывают негативное психологическое воздействие не только на персонал и осужденных ИУ, но и на кандидатов, отбираемых для службы в УИС, выпускников образовательных учреждений ФСИН России.

При применении ст. 317 УК РФ, предусматривающей ответственность за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, достаточно часто возникают проблемы, связанные с квалификацией имеющей место при конкуренции общей (п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и специальной (ст. 317 УК РФ) норм. Следует отметить, что в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. дается следующее разъяснение судам: «убийство сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей... из мести за исполнение им общественной обязанности, совершенное лицом, отбывающим наказание в виде лишения свободы или содержащимся под стражей, надлежит квалифицировать, помимо соответствующей части ст. 105 УК РФ, по ст. 321 УК РФ» (п. 19). Однако, в научной литературе и судебными органами отстаивается позиция, согласно которой при конкуренции общей и специальной норм, предусматривающих ответственность за преступления, смежные по составам,

применяется специальная норма, поскольку в соответствии с общей теорией квалификации преступлений при конкуренции общей и специальной норм применяется специальная норма, так как она более полно описывает соответствующее деяние и в большей степени отражает характер преступления.

Спорной представляется позиция, выраженная в современном законодательстве, в которой здоровье сотрудников учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, обеспечивается особо (ч. 2–3 ст. 321 УК РФ), а охране их жизни не уделено должного внимания. Так, несмотря на то, что имеется ст. 318 УК РФ, предусматривающая ответственность за применение насилия в отношении представителя власти, безопасность здоровья сотрудников учреждений и органов, исполняющих наказания, обеспечивается с помощью специальной нормы (ч. 2–3 ст. 321 УК РФ), где применение или угроза применения насилия рассматривается как способ дезорганизации деятельности исправительного учреждения, хотя в большинстве источников указывается, что понимание насилия в ч. 3 ст. 321 и ст. 318 УК РФ схожи.

Справедливым представляется наличие в УК РФ отдельной нормы, направленной на охрану здоровья сотрудников исправительных учреждений. Однако также необходимым видится выделение конкретного уголовно-правового предписания, направленного на обеспечение жизни сотрудников учреждений и органов, исполняющих наказания.

Современное законодательство не демонстрирует единообразного правотворческого подхода при отнесении преступлений, связанных с исполнением наказаний, к какому-либо конкретному виду. Так, побег из места лишения свободы (ст. 313 УК РФ) и уклонение от отбывания лишения свободы (ст. 314 УК РФ) относится к преступлениям против правосудия, а дезорганизация деятельности исправительного учреждения (ст. 321 УК РФ) относятся к преступлениям против порядка управления. Посягательство на жизнь сотрудников, осуществляющих деятельность на таком важном и ответственном этапе судопроизводства, как исполнение уголовного наказания, отнесены законодателем к категории преступлений против порядка управления, тогда как уголовно-правовая охрана личности участников уголовного процесса на различных стадиях судопроизводства: предварительного расследования, судебного разбирательства, исполнения различных судебных решений обеспечивается главой 31 УК РФ «Преступления против правосудия». Целесообразнее поместить норму об ответственности за посягательство на жизнь сотрудника исправительного учреждения в гл. 31 УК РФ. Внесение таких изменений в уголовное законодательство соответствовало бы и правилам юридической техники при конструировании уголовно-правовых норм и реалиям времени.

Таким образом, в главе 31 УК РФ возможно формулирование ст. 295.1 «Посягательство на жизнь сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей, а равно его близких, совершенное в связи с осуществлением указанным лицом служебной деятельности либо из мести за такую деятельность, – наказывается ...»

Выделение в качестве самостоятельного состава преступления деяния, предусматривающего ответственность за посягательство на жизнь сотрудника учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, позволит дифференцировать объект уголовно-правовой охраны и ответственность субъекта. Безусловно, что для реализации высказанных предложений законодательного характера необходимо провести более детальное научное исследование всех сторон данного аспекта: конституционного, социального, криминологического, уголовно-правового и уголовно-исполнительного с целью обоснования и конструирования самостоятельных уголовно-правовых норм.

Литература

1. Отчет о выездном заседании коллегии ФСИН (г. Тула, июль 2008 г.) // Ведомости УИС. 2008. № 9. С. 7-11.
2. Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Российская газета. 1999. 9 февр.

3. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 2001. С. 214 – 228.
4. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2005. С. 274 – 283.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М., 1996. С. 321; Современное уголовное право. Общая и Особенная части: Учебник / Под ред. А.В. Наумова. М., 2007. С. 964-967.

Криминологические основания классификации осужденных к лишению свободы

Марчук Алена Игоревна¹

аспирант

Одесская национальная юридическая академия, Одесса, Украина

E-mail: marchuk.a.i@rambler.ru

Классификация осужденных создает необходимые предпосылки для дифференциации исполнения наказания. Она определяет систему исправительных учреждений, обеспечивает изоляцию друг от друга различных по степени общественной опасности и характеру поведения категорий осужденных.

Сложившаяся практика классификации осужденных основанная на международно-правовых рекомендациях и национальном уголовно-исполнительном законодательстве различает первичную и вторичную классификацию осужденных к лишению свободы. В Украине первичную классификацию осужденных осуществляют Региональные комиссии по вопросам распределения, направления и перевода лиц, осужденных к лишению свободы (далее - региональные комиссии). Важным и характерным элементом деятельности региональных комиссий является процедура определения вида колонии, в которой осужденный будет отбывать наказание. От такого распределения зависит объем правоограничений, применяемых к осужденным в процессе отбывания наказания. Ранее — с 1960 года и до принятия в 2001 году нового Уголовного кодекса Украины — вид учреждения исполнения наказаний определял исключительно суд. С 2001 года эта функция передана органам Государственного Департамента Украины по вопросам исполнения наказаний и осуществляется на основании «Инструкции о порядке распределения, направления и перевода для отбытия наказания лиц, осужденных к лишению свободы» (далее - Инструкция). Вместе с тем практика показывает, что положения Инструкции не в полной мере отвечают современным проблемам.

В состав региональных комиссий включены представители исправительных учреждений и региональных управлений: начальник исправительного учреждения, его заместители, начальник отдела контроля по исполнению судебных решений, начальник медицинской части, психолог и начальник участка карантина диагностики и распределения. Отметим, что подобные комиссии существуют во многих странах, тем не менее, там их функциональное назначение и процедура деятельности весьма отличаются от аналогичных комиссий в Украине. Например, в Германии в состав региональной комиссии входят юрист, советник по трудоустройству, педагоги, психологи, социальные работники, ученые-социологи, сотрудники общей службы исполнения наказаний. Члены комиссии в течение шести недель (а не 14 дней, как в Украине) проводят всестороннюю и тщательную диагностику личности каждого осужденного и определяют, какие ресоциализационные мероприятия являются для него наиболее подходящими.

В научной литературе отмечается главный недостаток деятельности региональных комиссий, который заключается в том, что на них возлагаются не свойственные им функции, приводящие к формированию так называемой «квазисудебной системы». Украинские комиссии при определении вида колонии руководствуются, прежде всего, формально-юридическими основаниями. Принимаются во внимание обстоятельства уголовного дела, смягчающие или отягчающие ответственность.

Таким образом, согласно уголовно-исполнительному кодексу Украины, классификация осужденных к лишению свободы базируется, прежде всего, на

пенитенциарной и уголовно-правовой характеристике осужденного. В связи с этим в основе классификации лежат социально-демографические (пол, возраст, род занятий и т.д.) и правовые критерии. Использование при классификации и распределении осужденных только данных критериев не дает возможности выполнить одну из целей уголовно-исполнительного законодательства – защиту интересов лица, общества и государства путем создания условий для исправления и ресоциализации осужденных, предупреждения совершения новых преступлений.

Достижение указанных целей возможно лишь в том случае, если внимание будет сконцентрировано на личности преступника, поскольку именно личность является носителем субъективных причин их совершения. Криминология «идет дальше и глубже уголовного права в изучении личности преступника» (Миньковский, 1976). Поэтому криминологическое изучение личности преступника осуществляется главным образом для выявления и оценки тех ее свойств и черт, которые порождают преступное поведение, в целях его профилактики.

На наш взгляд, проблема классификации осужденных является частью криминологической проблемы типологии личности преступника с учетом особенностей, которые личность осужденного приобретает в новом правовом статусе, и главное - в новых социальных условиях исправительного учреждения.

Отметим, что криминологические основания классификации осужденных являются более широкими, чем пенитенциарные (основанные на формально-юридических признаках), т.к. охватывают психологические (морально-психологические), социально-ролевые, нравственные, культурологические, образовательные, ценностные признаки, раскрывает причины преступного поведения и позволяет составлять более эффективные индивидуальные программы профилактики и предупреждения преступлений осужденными к лишению свободы.

В развитие криминологического подхода вторичная классификация осужденных к лишению свободы, которая проводится непосредственно администрацией исправительных учреждений во время пребывания осужденных в отделении карантина, диагностики и распределения по результатам их изучения перед распределением в отделения социально-психологической службы, учитывает криминологическую характеристику осужденного при составлении индивидуальной программы.

Отметим, что согласно данным Департамента, на 600 осужденных приходится всего один психолог, поэтому невозможно провести тщательную и всестороннюю диагностику личности, и определить какие ресоциализационные мероприятия будут наиболее эффективными для осужденного. Такая ситуация дополняется сложной процедурой обжалования решений региональных комиссий и апелляционной комиссии, имеющей право пересматривать их решения.

Проведенный анализ проблемы показывает, что личность осужденного является основным объектом исправительного воздействия. От того, насколько она тщательно будет исследована, зависит оценка эффективности функционирования всей уголовно-исполнительной системы.

Литература:

1. Антонян Е.А. (2006) Психология исправительного воздействия на осужденных в местах лишения свободы // Психология деятельности исправительных учреждений № 1
2. Власов И.С. (1991) Преступление и наказание в Англии, США, Франции, ФРГ. Общая часть уголовного права. - М., Юрид. лит.
3. Степанюк А.Х. (2001) Проблемы правового регулирования применения наказаний, возникшие с принятием нового УК Украины // Проблемы законности.-2001.-№ 52.
4. Яковець І. (2003) Проблеми визначення виду режиму установи виконання покарань// Право України, 2003.-№ 11.

5. www.kvs.gov. (Государственный департамент Украины по вопросам исполнения наказаний)

Проблемы эффективности применения условно-досрочного освобождения.

Махмудова Амина Рамазановна

E-mail: amulik2008yandex.ru

Со вступлением Российской Федерации в Совет Европы и ратификации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод правовое бытие России обрело новое качество и новое измерение.

Дата вступления в силу Европейской конвенции от 05.05.1998г. для Российской правовой системы является датой переломного, по своему революционного момента, в связи с чем в ряде российских кодексов и федеральных законов внесены соответствующие изменения.

С принятием УИК РФ права осужденных в уголовно-исполнительной системе значительно расширены. 8.12.2003 года Федеральным законом №161-ФЗ внесены изменения в статью 175 УИК РФ, предоставившие каждому осужденному право самому ходатайствовать перед судом о досрочном освобождении по отбытии установленного законом срока наказания. Осужденные вправе подать ходатайство на условно-досрочное освобождение, минуя администрацию исправительного учреждения.

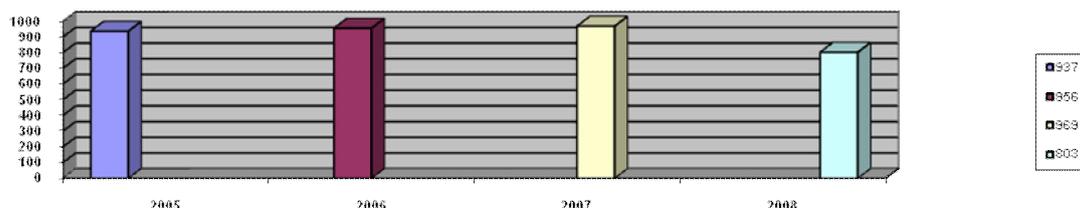
Действительно условно-досрочное освобождение - это весомый шаг к дальнейшей гуманизации уголовно-исполнительной системы, ведь мы стремимся следовать международным канонам в этой области. Условно-досрочное освобождение позволяет каждому человеку, отбывающему наказание с изоляцией от общества и доказавшему своим поведением, что он исправился и не нуждается в дальнейшем отбытии наказания, освободиться раньше назначенного судом срока.

Общество должно решать уже сегодня как дальше работать с такими людьми, в случае если им будет предоставлено УДО.

Согласно пенитенциарному законодательству при принятии решений об условно-досрочном освобождении суды, прокуроры и администрации учреждений обязаны руководствоваться сведениями, свидетельствующими о том, что для дальнейшего исправления осужденный не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания, поскольку в период отбывания наказания он частично или полностью возместил причиненный ущерб или иным образом загладил причиненный в результате преступления вред, раскаялся в совершенном деянии, положительно характеризуется.

Условно-досрочное освобождение, является стимулом положительного поведения осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Однако есть обстоятельства, которые наводят на некоторые размышления об эффективности его применения на практике.

Статистика освобожденных условно-досрочно с 2005-2008гг. из учреждений УФСИН России по Республике Дагестан.

В настоящее время в России условно-досрочно освобождается 50% осужденных, т.е. фактически каждый второй. Однако уровень рецидива условно-досрочных

освобожденных практически сопоставим с теми, кто освобождается по отбытию наказания. Значит, функцию исправления осужденных институт условно-досрочного освобождения не выполняет.

Уголовный кодекс связывает условно-досрочное освобождение с двумя обстоятельствами.

- 1) если судом будет признано, что для своего исправления осужденный не нуждается в полном отбывании назначенного наказания (ч.1 ст. 79 УК РФ);
- 2) осужденный фактически отбыл определенную часть наказания, размер которого зависит от категории преступления, за которое он отбывает наказание (ч.3 ст. 79 УК РФ).

Лица, осужденные за тяжкие и особо тяжкие преступления, неоднократно судимые, ранее условно-досрочно освобождавшиеся, вновь подают ходатайства на условно-досрочное освобождение. В резолютивной части постановлений судов об условно-досрочном освобождении, суд ссылается на добросовестное отношение к труду, хорошее поведение в период отбывания наказания, что осужденный исправился и не нуждается в дальнейшем отбытии наказания.

Большинство осужденных воспринимают условно-досрочное освобождение как обязанность администрации исправительного учреждения поддержать их соответствующие ходатайства в сроки установленные ч.3 ст. 79 УК РФ. Как правило, они в меньшей степени думают о достижении цели исправления, а больше о том, чтобы зарекомендовать себя в глазах администрации ИУ «законопослушными».

Практика широкого применения института УДО, создавшаяся в последнее время, приводит к тому, что в сознании осужденных вырабатываются элементы правового нигилизма, когда осужденные воспринимают данную меру в качестве обязанности государства. В связи с этим едва переступив к реальному отбыванию наказания, они мечтают о скорейшем выходе на свободу, не подвергая свои действия критической оценке. Между тем, согласно ст. 79 УК РФ применение условно-досрочного освобождения от наказания является правом, а не обязанностью суда.

Статистика показывает что ежегодно освобождаются условно-досрочно осужденные совершившие особо тяжкие преступления, особое внимание хотелось бы уделить лицам, совершившим преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, в особенности несовершеннолетних.

Жестокие и особо жестокие преступления, совершаемые в отношении несовершеннолетних, всегда вызывают широкий общественный резонанс. Такие преступления представляют повышенную общественную опасность, поскольку в них проявляются крайне отрицательные черты личности преступника – бесчеловечность и безжалостность. Необходимо подчеркнуть и тот факт, что несовершеннолетние являются наиболее уязвимым слоем общества, который нуждается в постоянной защите и помощи.

03.12.2008г. принят Федеральный закон №242-ФЗ «о геномной регистрации».

В соответствии со ст. 7 ФЗ №-242 обязательной геномной регистрации подлежат: лица, осужденные и отбывающие наказание в виде лишения свободы за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, а также всех категорий преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности.

Очевидно, что законодателю необходимо пересмотреть ст. 79 УК РФ, ужесточить законодательство в отношении лиц совершивших тяжкие, особо тяжкие преступления, совершившим преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности несовершеннолетних.

ОРГАНИЗАЦИОННО – ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Нуждин А.А.

Курсант 4-го курса юридического факультета

Президент России Дмитрий Медведев в своем послании Федеральному Собранию вел речь о гуманизации закона и порядка его применения. В частности обратил внимание на суды. Он говорил, что судам следует более взвешенно относиться к избранию мер пресечения в виде ареста и к назначению наказаний, связанных с изоляцией от общества. Президент России имел ввиду то, что судам следует помнить, помимо наказания в виде лишения свободы, существуют и альтернативные меры.

Их применение наиболее целесообразно для достижения целей уголовной ответственности в отношении лиц, впервые совершивших преступления небольшой или средней тяжести, не нуждающихся для своего исправления в изоляции от общества.

Многое в этом направлении уже сделано, и российское уголовное законодательство предоставляет возможность достаточно широкого выбора отвечающих международно-правовым рекомендациям наказаний и иных мер, не связанных с лишением свободы. Однако большинство из них пока не получило широкого применения, а удельный вес ряда наказаний имеет тенденцию к снижению.

Отсюда можно сделать вывод, что существующая в нашей стране система наказаний, альтернативных лишению свободы, пока в должной мере не используется. В основном лиц, осужденных за совершение преступлений, приговаривают либо к реальному лишению свободы, либо к лишению свободы условно. К наказаниям, не связанным с лишением свободы, в среднем приговариваются лишь? ?осужденных, причем в ряде случаев эти наказания назначаются в качестве дополнительного к основному — лишению свободы.

В виду этого мы считаем, что исправительные работы должны стать основным видом наказания, применяемым к лицам, которые могут быть исправлены без изоляции от общества. Но к настоящему моменту только 7% осужденных приговариваются к отбыванию наказания в виде исправительных работ от общего числа приговоров, находящихся на исполнении в УИИ. Невольно задаешься вопросом: почему же столь действенный и исторически апробированный вид наказания так мало применяется в нашей стране?

Как показывает практика, эффективность исполнения наказаний зависит, прежде всего оттого, насколько четко в уголовном законодательстве выражены их сущность и содержание. В советские и постсоветские времена отсутствие правового понятия «исправительные работы» позволяло законодателям неоднократно менять субъектный состав их применения. Долгие годы не уделялось должного внимания формированию органов, исполняющих этот вид наказания, что отрицательно сказывалось на эффективности работы уголовно-исполнительных инспекций.

Новые социально-экономические и политические условия общества изменили возможности наказания в виде исправительных работ, и это привело к изменениям в уголовно-исполнительном законодательстве России. Роль исправительных работ как альтернативы лишению свободы была снижена с принятием Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации». Встал вопрос о значении и востребованности исправительных работ в системе наказаний.

Законодательная реформа, превратившая исправительные работы в наказание для безработных, ущемила права лиц, имеющих постоянное рабочее место. В силу избирательного принципа ч.1 ст.50 УК РФ контингент осужденных к исправительным работам стал более сложным. При большом количестве осужденных с пониженной социальной активностью и проблеме привлечения их к отбыванию наказания негативные моменты при исправительных работах увеличились, появилось искаженное представление об их эффективности.

Практика показывает, что нарушения порядка и условий отбывания данного вида наказания лицами, имеющими постоянное место работы, не очень велики. Это означает, что вынесение судами наказания в виде исправительных работ к такого рода преступникам предпочтительнее, чем к лицам, не имеющим постоянного места работы.

Права осужденных, предусмотренные Конституцией России, затрагивают запреты разного рода.

Исключив из УИК РФ ст. 45, устанавливающую меры поощрения для осужденных к исправительным работам, законодатели нарушили принцип «рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения». Если закон устанавливает ответственность осужденных за нарушение порядка и условий отбывания наказания при исправительных работах (ст.46 УИК РФ), то существует необходимость в мерах поощрения данной категории лиц.

Столь же необоснованно осужденные к исправительным работам были лишены права на условно-досрочное освобождение (основание - Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ) из-за изменения ст.79 УК РФ, содержащей ограниченное количество наказаний, при исполнении которых возможно применение данной меры. Тем самым осужденные к исправительным работам лишаются стимула для правопослушного поведения и исправления и ставятся в неравное положение с осужденными к лишению свободы. Например, осужденный за мошенничество по ч.1 ст.159 УК РФ к лишению свободы на один год может получить условно-досрочное освобождение, отбыв шестимесячный срок наказания. В то же время за подобное преступление осужденный к исправительным работам на один год обязан отбыть весь срок полностью.

Так же не до конца решенным остается вопрос, где осужденные должны отбывать наказание в виде исправительных работ. В законе говорится о тех предприятиях и организациях, с которыми у УИИ существует договор. А как же быть с предприятиями и организациями, которые готовы взять на работу осужденных, но не имеют права в силу закона. Остается открытым вопрос о льготах к тем организациям, которые берут на работу осужденных.

В свете изложенного выше предлагаем:

1) внести изменения в ч.1 ст.50 УК РФ. Она должна звучать так: «Исправительные работы назначаются осужденному, как имеющему основное место работы, так и безработному, и отбывается в местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с органом, исполняющим наказания в виде исправительных работ, но в районе места жительства осужденного».

2) восстановить ст.45 УИК РФ (меры поощрения, применяемые к осужденным к исправительным работам).

3) восстановить в правах лиц, отбывающих наказание в виде исправительных работ в плане условно – досрочного освобождения. И, как следствие, внести изменения в ч.1 ст.79 УК РФ.

4) Расширить список организаций и предприятий, на которых осужденные смогут отбывать наказания в виде исправительных работ.

5) Предоставить льготы в виде снижения налоговых сборов тем предприятиям и организациям, которые трудоустраивают осужденных к лишению свободы.

Литература

- 1) Конституция Российской Федерации от 12.12.1993
- 2) Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 08.01.1997 № 1-ФЗ
- 3) Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г.
- 4) Послание Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации, 2008г.

Понятие объекта преступления в современном уголовном праве

Пальчик Е.А.¹

Студентка магистратуры

*Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, юридический факультет, Харьков, Украина
E-mail: palec.85@mail.ru*

Проблема объекта преступления исследовалась в разное время как отдельно, так и в комплексе с другими вопросами уголовного права. Необходимость разработки понятия объекта преступления обуславливается, прежде всего, тем, что знание об объекте преступления имеет большое значение при отграничении преступлений от иных правонарушений, а также от малозначимых действий. Кроме того, что объект преступления объединяет все уголовно наказуемые деяния в единую группу, представления об объекте преступления содержат в себе и положения, которые раскрывают особенности определенных посягательств и должны быть учтены при разработке оснований классификации преступлений, принципов построения системы Особенной части Уголовного кодекса, теоретических оснований уголовно-правовой квалификации и индивидуализации наказания.

В науке уголовного права отсутствует единство взглядов ученых на проблему объекта преступления. Представляет интерес проследить историю возникновения и развития учений об объекте преступления.

Если подходить к решению этого вопроса с исторической точки зрения, то все существующие научные взгляды, концепции, теории объекта преступления условно можно разделить на три группы:

1) досоциалистические: теория субъективных прав лица (В.Д. Спасович, А. Фейербах), нормативная теория объекта преступления (К. Биндинг, Н.С. Таганцев, Ж.-Л. Ортолан);

2) советская: теория общественных отношений (Я.М. Брайнин, В.К. Глистин, Б.С. Никифоров, А.А. Пионтковский, В.Я. Таций и другие);

3) постсоветские (современные): концепция человека как объекта преступления (Г.П. Новоселов), правового блага (С.Б. Гавриш), блага вообще (А.В. Наумов), сфер жизнедеятельности человека (В.П. Емельянов), социальной оболочки (В.М. Трубников) и другие.

Каждая из этих теорий и концепций заслуживает более детального изучения, так как она отражает те или иные веяния развития, как общественных отношений, так и науки определенного исторического периода, дает возможность выявить и изучить те объекты, которые были значимыми для охраны Уголовным законом.

Но тенденция к признанию прав и свобод человека и гражданина как наиболее значимых ценностей общества и государства, которая наблюдается в современной правовой мысли мира, актуализирует рассмотрения теории субъективных прав лица как объекта преступления, которая была сформирована еще в досоциалистический период развития уголовной науки.

Прежде всего, рассмотрим непосредственно понятие «объект преступления» как необходимый элемент состава преступления. На основании анализа философской и юридической литературы по этой проблематике выделим признаки понятия объекта преступления:

1) объектом преступления является то, на что направлено преступное деяние, на что оно посягает. При этом следует отметить, что под понятием посягнуть имеется в виду нанесение в той или иной форме ущерба объекту;

2) объекту преступления в результате преступного посягательства в любом случае наносится вред или он может быть нанесен. Под вредом имеется в виду уменьшение или уничтожение прав, свобод или интересов лица, которые охраняются Уголовным законом, нанесенное противоправным действием иного лица. Этот признак включает в себя следующие моменты: фактическое нанесение вреда и возможность его нанесения.

Таким образом, объект преступления, как обязательный элемент состава преступления, - это то, на что посягает преступное деяние и чему оно в любом случае наносит или может нанести вред.

Так как мы считаем, что преступное деяние наносит вред правам, свободам и интересам лица, то мы присоединяемся к концепции субъективного права как объекта преступления.

При этом хотелось бы уточнить, что объектом преступления могут быть права, свободы и интересы не только граждан или человека, но и те, которые принадлежат иным субъектам правоотношений (народ, нация, государство и т.д.).

Но в любом случае право, свобода или интерес, которым причиняется вред вследствие совершения преступного деяния, должны быть настолько значимыми для конкретного лица и общества в целом, что законодатель ставит их под охрану Уголовного закона.

Таким образом, мы склоняемся к рассмотрению и дальнейшему развитию, совершенствованию концепции, которая под объектом преступления понимает права, свободы и интересы субъектом права. Предложенное новое видение проблемы объекта преступления действительно поможет в полном объеме воплотить в жизнь принципы и идеи, на которых должно базироваться правовое государство и гражданское общество. Уголовный закон в свою очередь должен стать необходимым и значимым звеном в механизме защиты прав и свобод человека, гражданина и иных субъектов права.

Хотя изложенная теория была одной из первых, которые раскрывали содержание понятия объекта преступления, она и сегодня заслуживает внимание как ученых, так и практиков.

Литература

1. Гавриш С.Б. Теоретические предпосылки исследования объекта преступлений // Право и политика. – 2000. - №11. – С.4-15.
2. Глистин. В.К. Проблемы уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений). – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1979. - 127 с.
3. Емельянов В.П. Понятие объекта преступлений в уголовно-правовой науке // Право і безпека. – 2002. - № 4. – С.7-11.
4. Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. – М.: Госюриздат, 1960. – 232 с.
5. Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. – М.: НОРМА, 2001. – 208 с.
6. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. – М., 1961. – 666 с.
7. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 1. - М.: Наука, 1994. - 380 с.
8. Таций В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. – Х.: Вища шк.: Изд-во при ХГУ, 1988. – 198 с.
9. Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. – 318 с.
10. Трубников В.М. Новый взгляд на объект преступления // Право і безпека. – 2002. - №1. – С.81-87.

Ювенальная юстиция- гарант прав несовершеннолетних граждан

Папулова З.А.¹

Студентка

Уральская государственная юридическая академия

Институт государственного и международного права, г. Екатеринбург, Россия

E-mail: zoya.papulova@mail.ru

Секция «Юриспруденция»

Сегодня Российская Федерация - одна из ведущих мировых держав. Она обладает громадным природным, техногенным, экономическим и людским потенциалом. Сколь долго ещё страна сможет удерживать эти позиции? Как сложится её будущее?

В последнее время в России проблема борьбы с преступностью несовершеннолетних стала одной из самых острых. Комплексной работы в этом направлении не проводилось, а разрозненные действия отдельных органов не приводили к действенным результатам. Существующее положение с социализацией несовершеннолетних, с количеством первично осуждаемых, с уровнем рецидива не выдерживает критики. Необходимость создания специальной системы органов по делам несовершеннолетних, занимающейся сразу всеми вопросами этой сферы всё очевиднее. В большинстве стран такую систему принято называть ювенальной юстицией.

Ювенальная юстиция (от лат. *juvenalis* - молодой, юный и от лат. *justitia* - 1) правосудие; 2) система судебных учреждений) - это деятельность, направленная на установление справедливости, законности правосудия по отношению к несовершеннолетним, а также связанные с этой деятельностью законодательство и система органов власти, учреждений надзора и исправления.

В широком смысле под ювенальной юстицией понимается совокупность правовых механизмов, медико-социальных, психолого-педагогических и реабилитационных, а также иных процедур и программ, предназначенных как для обеспечения наиболее полной защиты прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних, так и лиц, ответственных за их воспитание, реализуемых системой государственных и негосударственных органов, учреждений и организаций.

Основными постулатами ювенальной юстиции, относящимися равным образом и к организации судебной системы, и к процессу отправления правосудия являются:

- 1.возрастная специфика (по общему правилу в отношении детей и подростков до 18 лет);
- 2.охранительная ориентация;
- 3.социальная насыщенность;
- 4.максимальная индивидуализация судебного процесса;
- 5.суд по делам несовершеннолетних – центральное звено действующей модели ювенальной юстиции;
- 6.восстановительный характер правосудия: ответственность правонарушителя понимается как возникшее в результате преступления обязательство по заглаживанию причиненного вреда, а не наказание.

Возникновению ювенальной юстиции во многом способствовало соединение двух разнородных социокультурных образований: формально-юридически организованной системы государственных судов и заботы о защите интересов конкретного ребенка. Слияние таких, казалось бы, взаимоисключающих принципов привело к возникновению уникального способа работы с детьми-правонарушителями, под влияние которого была фактически перестроена вся система уголовного правосудия для несовершеннолетних.

Современная мировая культура и практика борьбы с преступностью несовершеннолетних знает несколько правовых систем осуществления правосудия в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Все они основаны на принципе восстановительного правосудия, когда происходит защита нарушенных законных прав и интересов лиц, потерпевших от правонарушения (преступления), а также охрана естественных и социальных прав правонарушителя, с помощью применения к несовершеннолетнему преступнику, ввиду его недостаточной психической и физической зрелости и развития, особых мер исправления (принудительно-воспитательных, медицинских, педагогических), отличных от тех, которые применяются ко взрослым преступникам. В восстановительном правосудии выясняется не истина по делу, а последствия правонарушения для конкретного человека.

Все формы существующего правосудия по делам несовершеннолетних классифицируют на 4 основных вида:

1. внесудебные системы (Канада, Новая Зеландия, Шотландия).
2. специализированные судебные системы (Япония, Франция, Германия, Швейцария).
3. общие суды уголовной юрисдикции – осуществляют уголовное правосудие по делам несовершеннолетних согласно специальным законам (США, Англия).
4. общие суды уголовной юрисдикции, которые рассматривают правонарушения несовершеннолетних в соответствии с единой (со взрослыми) уголовно-правовой процедурой, применяют к ним, в основном, меры наказания, связанные с лишением свободы, при фактическом отсутствии специализированной ювенальной профилактической и надзорной системы (Россия).

На данный момент существует много концепций введения ювенальной юстиции в России, отражающие различные теории и точки зрения, но самой разработанной из них является концепция ИГП РАН, работа над которой началась ещё в 1990 г. Мы полностью поддерживаем эту концепцию, которая направлена на учреждение в России ювенальной юстиции и ювенальной судебной системы как части этой юстиции.

В рамках данной концепции была составлена сама схема будущей системы ювенальной юстиции: 1) Органы государственной власти и общественные формирования, занимающиеся проблемами несовершеннолетних; 2) Предприятия и организации, включающие: организации и учреждения здравоохранения, охраны материнства и детства; воспитательные и образовательные учреждения; органы опеки и попечительства и др. 3) Система ювенального правосудия, в которую входят: ювенальные суды, органы следствия, органы исполнения наказания, пенитенциарная система, учреждение временных изоляторов для несовершеннолетних, органы профессиональной и социальной адаптации детей, находящихся в трудной жизненной ситуации; ювенальные адвокаты.

К системе ювенальной юстиции должны быть отнесены органы: разрабатывающие законодательство; осуществляющие охрану прав несовершеннолетних и правосудие; исполняющие решения; обеспечивающие воспитание, образование, социализацию личности несовершеннолетних; проводящие профилактику и ресоциализацию несовершеннолетних с девиантным поведением; готовящие кадры для системы ювенальной юстиции. Особенно важное значение приобретает личность самого судьи- гарант успеха всякого «детского» суда; волевой, гуманный человек, обладающий тактом, большим личным влиянием и знанием закона, понимающий детей и умеющий снискать их доверие- идеальный «детский» судья.

Перед российским государством и обществом встала серьёзная, глобальная проблема – защитить своих собственных детей, их права и свободы, помочь понять все сложности и соблазны современного мира, уберечь от совершения правонарушений и преступлений. Без должной заботы о детях у общества нет будущего. Вот почему обеспечение прав и свобод несовершеннолетних граждан- важнейшая функция любого государства, а сохранение высоких моральных устоев, нравственности, правовой культуры молодого поколения- цель каждого развитого общества.

Литература

1. Бойцов, Мацнев, Волженкин и др. «Ювенальная юстиция в Российской Федерации. Криминологические проблемы развития». Изд. «Ростов- н-Д – Спб», изд. «Р.Асланова», «юридический центр пресс», 2006 г.
2. Мельникова Э.Б. Правосудие по делам несовершеннолетних: история и современность. М., «Наука», 1990 г.

Современная уголовная политика: кризис либерально- демократического подхода

М. М. Петросян

студент

Ставропольский филиал Московского государственного университета им.М.А.

Шолохова, юридический факультет, Ставрополь, Россия

E-mail: panterochka_88@list.ru

Уголовная политика представляет собой многоаспектное образование, имеющее множество нюансов. Среди ее многообразных толкований можно выделить два. В широком смысле уголовная политика – это одно из направлений социальной политики, представляющее собой государственную политику в области борьбы с преступностью, деятельность, определяющее стратегию и тактику этой борьбы. В узком смысле ее можно определить как политику уголовно правовую, наряду с уголовно- процессуальной, пенитенциарной (уголовно- исполнительной) и др. Предметом нашего изучения является первое из названных направлений.

Сегодня многие специалисты говорят о том, что современная российская уголовная политика находится в глубоком кризисе (А.И. Алексеев, В.С. Овчинский, Э.Ф. Побегайло). Это действительно так и красноречивее всего об этом свидетельствует состояние преступности, в частности такой его элемент, как количество зарегистрированных преступлений. Впервые в России количество зарегистрированных преступлений перешагнуло рубеж в 1 млн. в 1980 г. (1 млн. 28 тыс.). Рубеж в 2 млн. преступлений был взят в 1991 г. (2 млн. 168 тыс.), а в 3 млн. – в 1999 г. (3 млн. 1 тыс.). Иными словами, до 1999 г. для увеличения зарегистрированных преступлений на 1 млн. требовался 10-летний период.

С 1999 по 2002 г. число зарегистрированных преступлений, в результате усилий по наведению порядка в их учете, сократилось почти на 0,5 млн. А потом – к концу 2005 г. вновь возросло, но уже на 1 млн., и достигло 3 млн. 554 тыс. 10-летний срок превратился в 3-летний. Это и называется “криминальным взрывом”.

Уголовная политика полностью неадекватна криминальной ситуации, в которой оказалось российское общество.

Однако сомнительно, что можно объяснить рост числа преступлений на 1 млн. только мерами ужесточения регистрационной дисциплины. Основных факторов здесь три: общее нездоровье общества, кризис уголовной политики и отчасти улучшение системы учета и регистрации преступлений. Причем последний имеет наименьшую степень влияния.

Причины кризиса российской уголовной политики, как представляется, во многом определены преобладанием радикально-либерального подхода в проведении судебной реформы и последующих реформ уголовно-процессуального и уголовного законодательства. Российский либерализм, отвергающий эффективный социально-правовой контроль, на современном этапе оказался беспомощным в борьбе с преступностью. Протест вызывает не либерализм как таковой, но радикализм в либерализме в его современном российском варианте. Действительно, кто в XXI веке будет возражать против необходимости реализации такого принципа либерализма, как свободный рынок в качестве механизма индивидуальной и политической свободы, или против политического принципа разделения властей, ограничивающих коррупцию? В то же время нельзя не согласиться с Ф.Хайеком – в том, что такой принцип, как терпимость, применим только к тем, кто способен к диалогу, и не применим к тем, кто к нему не способен.

Радикализм в реализации либеральных принципов разрушает систему сложных взаимосвязей индивида, общества и государства и порождает радикальные антилиберальные тенденции в реагировании на преступность.

Мониторинг общественного мнения показывает, что уголовная политика государства, осуществляемая с позиций репрессивности, для радикально настроенного общества недостаточно радикальна. Что касается радикально-либеральных тенденций, связанных с принятием нового УПК РФ и либерализацией УК РФ, то и они большинством населения отторгаются. Для значительной части наших граждан слова “посадим” и “расстреляем” звучат более убедительно, чем обещания “принять новые законы, которые будут либеральнее старых”.

Насколько радикальны были сами реформы, настолько радикальна и степень их нынешнего отрицания населением. И это кажется естественным, если учитывать характер общества, возникшего в результате произошедших в стране перемен: можно утверждать, что организованная преступность стала одной из наиболее распространенных форм социальной организации в России.

Антимафиозный радикализм распространился в общественном сознании настолько, что жажда крови и стремление к радикальным карательным мерам охватили даже известных ученых. Можно говорить о возникновении нового вида радикализма – репрессивно-криминологического. Так профессор О.В. Старков говорит о необходимости “поголовного физического уничтожения в течение суток всех <...> лидеров и авторитетов преступного мира”.

Опасность репрессивно-криминологического радикализма намного выше, чем опасность радикализма бытового: первый имеет под собой “научное” обоснование....

Если идти на радикальные меры, то надо отказываться от международных обязательств. Но это уже вопросы не уголовной, а большой политики.

Внедрение международных правовых стандартов – единственная альтернатива в правовой сфере и либеральному радикализму, и ответной ностальгии по тоталитарным формам борьбы с преступностью.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации
2. А.И. Алексеев, В.С. Овчинский, Э.Ф. Побегайло « Российская уголовная политика: преодоление кризиса» - М.: НОРМА, 2006,- 144с
3. Хайек Ф.А. фон «Познание, конкуренция и свобода. СПб., 2003. С.148
4. Старков О.В. « Криминология». М., 2004. С.96.

Специальный субъект и вопросы соучастия в детоубийстве

Пивунова Виктория Дмитриевна

Студентка

Российский государственный социальный университет,

юридический факультет, Москва, Россия

E-mail: Vikyla.1988@mail.ru

Преступление, предусмотренное ст.106 УК РФ убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов, а равно убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости является так называемым привилегированным составом. В отличие от УК РСФСР новый УК предусматривает убийство матерью новорожденного ребенка в качестве самостоятельного состава убийства. Раньше рассматриваемое преступление в большинстве случаев относили к так называемому "простому" убийству.

В юридической литературе встречаются протестующие мнения по вопросу выделения уголовной ответственности за детоубийство в отдельную более мягкую норму на том основании, что ссылки на болезненное состояние матерей, на стыд за рождение ребенка вне брака, на материальные трудности и т.п. якобы не могут служить оправданием убийства новорожденного. По мнению этих авторов, нарушает принцип равенства граждан перед законом. Более того, убийство матерью беззащитной жертвы является, по их мнению, "более грубым нарушением закона", чем обычное убийство.

Основания выделения данного преступления в привилегированный состав сводятся к следующему.

Прежде всего, надо иметь в виду, что беременность (особенно нежелательная) и физиологические роды оказывают весьма неблагоприятное воздействие на психику женщины. У беременных нередко наблюдаются импульсивность, раздражительность, навязчивое состояние. Роды являются исключительной катастрофой и революцией для организма женщины; он переживает при этом сильнейшее физическое и психическое потрясение. В этот период роженица испытывает особо болезненные психофизические страдания. Патологическое состояние роженицы в момент совершения данного преступления (не исключающее вменяемости) и дает основание рассматривать его как убийство, совершенное при смягчающих обстоятельствах. К этому часто добавляются такие "личностные" обстоятельства, как стыд перед окружающими за рождение ребенка вне брака, материальные затруднения и боязнь в связи с этим трудностей, связанных с воспитанием ребенка, тяжелые жилищные условия, подстрекательство отца ребенка, боязнь родителей и родственников и тому подобные неблагоприятные факторы. Они, разумеется, не могут исключить ответственности, но свидетельствуют о меньшей опасности виновной. Преступление, предусмотренное ст. 106 УК РФ, является умышленным. Это означает, что оно может совершаться как с прямым, так и с косвенным умыслом. Роженица осознает общественную опасность своих действий (бездействия), предвидит возможность или неизбежность причинения смерти новорожденному ребенку и желает либо сознательно допускает эти последствия или относится к ним безразлично. Момент возникновения умысла убить новорожденного на квалификацию данного преступления не влияет. Субъект данного преступления - специальный. Им может быть только мать новорожденного ребенка, достигшая шестнадцатилетнего возраста. Однако здесь могут возникнуть следующие вопросы, например: может ли быть субъектом преступления женщина, давшая свою яйцеклетку другой женщине для вынашивания плода (суррогатная мать), или женщина, которая не рожала ребенка, но юридически приходится ребенку матерью, следует отметить, что данные лица могли бы быть субъектами преступления только в случае психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, более того, если убийство своего ребенка совершила девочка в возрасте от 14 до 16 лет, то нет оснований для привлечения ее к ответственности. Хотя есть и другие мнения.

В настоящее время вопрос о соучастии в преступлении, предусмотренном ст. 106 УК РФ, представляется достаточно дискуссионным.

Законодательной базой правового основания уголовной ответственности за соучастие в преступлении со специальным субъектом стала норма, впервые закрепленная в новом УК РФ (ст. 34), согласно которой, и лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье, несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника. А это означает, что независимо от того, какую роль играли иные лица, они должны привлекаться к ответственности как соучастники преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ со ссылкой на ст. 33 УК РФ. Однако большинство исследователей предлагают другое решение проблемы. Например, Э.Ф. Побегайло считает, что действия соисполнителей следует квалифицировать по ст. 105 УК РФ, так как обстоятельства, на основании которых смягчается ответственность матери, на них не распространяются. По мнению В.В. Ераксина, субъектом преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, может быть только мать новорожденного, достигшая 16 лет, все остальные участники преступления несут ответственность по ст. 105 УК РФ. Н.К. Семернева отмечает, что другие лица, участвовавшие в совершении данного преступления, несут ответственность за соучастие в нем. Однако они, с учетом личных мотивов, подлежат привлечению к ответственности по другим статьям (например, ст. 33 и п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ), по которым анализируемое смягчающее обстоятельство неприменимо. Разница в квалификации, считает Н.К. Семернева, не противоречит теории соучастия, предусматривающей правило, согласно которому цель у всех соучастников должна быть

единой, а мотивы могут быть разными. На мой взгляд, безусловно, исполнителем данного преступления может быть только мать, а соисполнители должны привлекаться по п. «в» ч.2 ст.105 УК РФ. Но также дискуссионным остается вопрос как квалифицировать действия матери, если она является организатором, подстрекателем или пособником убийства своего новорожденного ребенка.

Литература

1. Попов А.Н., Прохоров В.С.(2002) Проблемы соучастия в детоубийстве // С-П.: Правоведение, № 1 (240), с. 125-130.
2. Рарог А.И.(2008) Настольная книга судьи по квалификации преступлений // М.: Проспект, с. 211-214.
3. Иногамова-Хегай Л.В., Комиссаров В.С., А.И. Рарог (2008) Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть // М.: Проспект, с.51-53.
4. Радченко В. И. (2000) Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации // М.: Проспект, с. 224.
5. Сердюк Л. (2003) Детоубийство: вопросы правовой оценки // Российская юстиция, N 11.

Некоторые проблемы уголовно-правовой квалификации безучетного потребления электрической энергии

Погосова З.М.

*Аспирантка кафедры уголовного права факультета права
Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва, Россия
E-mail: pogoskina@gmail.com*

В действующем УК РФ в отличие от уголовных кодексов ряда других стран не устанавливается особая ответственность за незаконное изъятие или противоправное безучетное и безвозмездное использование чужой электроэнергии.

Ниже обосновывается взгляд, по которому такое положение: а) образует пробел уголовного законодательства; б) создает определенные трудности в сфере уголовно-правовой квалификации безучетного потребления электрической энергии; в) подлежит устранению путем введения специального уголовно-правового запрета.

Ситуация на рынке потребления электроэнергии в настоящий момент такова, что безучетное потребление электрической энергии как социально-массовое явление представляет собой весьма острую проблему для электроэнергетики в целом, особенно, при ее нынешнем функционировании на основе принципов конкуренции и рыночного регулирования. Рейдовые проверки показаний приборов учета обеспечивают не всегда своевременное выявление и пресечение случаев безучетного электропотребления в производственном и коммунально-бытовом секторе. Приведем лишь некоторые результаты этих проверок для обозначения масштабов описанного явления в обществе. За январь и февраль 2008 года ОАО «Тулэнерго» были выявлены факты безучетного электропотребления в размере 758 447 кВт. Филиал ОАО «Дальневосточная Энергетическая Компания» - «Хабаровскэнергосбыт» в первом квартале 2008 года выиграл в суде три дела по раскрытию безучетного электропотребления на общую сумму более 2 млн рублей. За два месяца в 2008 году ОАО «Оренбургэнерго» было составлено 365 актов безучетного потребления электрической энергии и возмещен ущерб на сумму 1 млн. 144 тысячи рублей. Такие социальные явления приводят к перегрузкам на линиях электропередачи, отключению энергоснабжения, коротким замыканиям, что непосредственно влияет на надежность и безопасность энергоснабжения и повышает степень общественной опасности подобных действий со стороны недобросовестных потребителей.

Факты безучетного электропотребления в новостных сообщениях, в специальной энергетической литературе, в договорах энергоснабжения, в актах судебной практики, в письмах министерств и ведомств описываются с использованием терминов «хищение», «воровство», «незаконное использование электроэнергии», «самовольное/несанкционированное подключение к линии электропередач», «бездоговорное потребление». Каждый из этих терминов проецирует восприятие в общественном сознании безучетного электропотребления, по меньшей мере, как недопустимого, вредного и даже опасного по своей природе. Однако следует признать, что представленный понятийный ряд дает словесное обозначение исключительно одному явлению - «безучетному потреблению электрической энергии», но с использованием терминов разной принадлежности. Таким образом, наиболее универсальным в первую очередь с правовой точки зрения будет на наш взгляд внедрение понятийного оборота «безучетное потребление электроэнергии». Это позволяет избежать путаницы гражданско-правовой, административно-правовой и уголовно-правовой детерминации имеющегося общественного явления.

Привлечение в описанной ситуации к уголовной ответственности становится действительно необходимой мерой борьбы и предотвращения безучетного электропотребления. Однако, практика, имея достаточно прочную нормативную базу борьбы, например, с кражами из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода (ч. 3 п. 6 статьи 158 УК РФ), испытывает затруднения при уголовно-правовой оценке посягательств на электроэнергию.

Таким образом, можно утверждать о наличии определенной пробельности сложившейся практики квалификации посягательств на электрическую энергию. Правоприменительная практика относительно вопроса уголовно-правовой квалификации безучетного потребления электрической энергии идет по пути применения статьи 165 УК РФ. Однако на наш взгляд, исходя из нормативной регламентации преступлений против собственности, это не является универсальным, достаточным и исчерпывающим подходом.

Дело в том, что в зависимости от способа совершения данного преступления исключительное применение санкций статьи 165 УК РФ теряет свою оправданность и обоснованность.

Если безучетное потребление электроэнергии произошло, например, со вскрытием распределительного устройства с приборами учета электроэнергии (подстанции/распределительного шкафа/шкафа учета), находящегося на балансе энергоснабжающей организации, то оно вполне оправданно может быть квалифицировано по пункту 2 статьи 158 УК РФ. Более того, при осуществлении самостоятельного расчетного учета потребитель может понизить фактическое значение потребленной электроэнергии, т.е. присвоить ее часть (статья 159 УК РФ).

Исходя из сказанного выше, но нашему мнению в УК РФ нужно внести формулировку о «безучетном потреблении электрической энергии». Это можно осуществить путем дополнения части 3 статьи 158 УК РФ специальным составом. Одновременно, быть может стоит вывести однопорядковые нормы уголовно-правовой охраны энергетики (пункт б части 3 статьи 158; статья 215, 215.1, 215.2, 215.3; статья 269 УК РФ) при условии их конкретизации в отдельный блок. Это бы устранило избыточную доктринальную и правоприменительную полемику в области определения уголовно-правовой природы электрической энергии и пробелы в уголовно-правовой оценке данной группы деяний.

Вместе с тем, с учетом состояния современного рынка электроэнергии следует продумать вопрос о формировании нормативного массива энергетического уголовного права, основываясь на понимании электрической мощности как самостоятельной товарной категории. На наш взгляд это только еще раз усиливает необходимость модернизации уголовного права, возможно, путем отказа от принципиальной регламентации уголовной ответственности только в УК РФ.

Литература

1. Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. С. 481-483.
2. Информационное агентство Regnum - У тульских энергетиков за два месяца украли 758 447 кВт <<http://www.regnum.ru/news/972300.html>> (последнее посещение 5 февраля 2009 г.); Салон красоты, гостиница и хлебопекарня заплатят штрафы за воровство электроэнергии (Хабаровск) <<http://www.regnum.ru/news/976747.html>> (последнее посещение 5 февраля 2009 г.); Оренбургским энергетикам возмещен ущерб за несанкционированное подключение к сетям <<http://www.regnum.ru/news/978058.html>> (последнее посещение 5 февраля 2009 г.).
3. Гасите свет. В области участились случаи хищения электроэнергии. [«Российская газета» - Черноземье №4646 от 24 апреля 2008 года.](http://www.rg.ru/2008/04/24/reg-chnozh/gasite.html) <<http://www.rg.ru/2008/04/24/reg-chnozh/gasite.html>> (последнее посещение 5 февраля 2009 г.).
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 года № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 2.

Объективная сторона преступления предусмотренного ст. 203 – 1 УК Украины («Незаконный оборот дисков для лазерных систем считывания»)

Защита прав интеллектуальной собственности во время производства, экспорта, импорта и распространения дисков для лазерных систем считывания, матриц, оборудования и сырья для их производства провозглашена одной из приоритетных направлений государственной политики в сфере интеллектуальной собственности (п. 1 Указа Президента Украины от 30 января 2002 г. № 85/2002 «О неотложных мерах усиления защиты прав интеллектуальной собственности в процессе производства, экспорта, импорта и распространения дисков для лазерных систем считывания»).

В отличие от предыдущей редакции ст. 203 - 1 УК Украины, которая предусматривала ответственность за нарушение законодательства, которое регулирует производство, экспорт, импорт дисков для лазерных систем считывания, экспорт, импорт оборудования и сырья для их производства, действующей редакцией этой статьи УК Украины расширен перечень предметов преступления (кроме дисков, оборудования и сырья для их производства в названии и ч. 1 этой статьи названо матрицы).

С объективной стороны это преступление выражается в незаконном производстве, экспорте, импорте, хранении, реализации и перемещении дисков для лазерных систем считывания, матриц, оборудования и сырья для их производства.

Под **производством** дисков понимается деятельность, связанная с применением технологического процесса по переработке сырья в оптическом носителе информации в форме диска для лазерных систем считывания, во время которого одновременно с изготовлением диска осуществляется запись на него информации, которая, в свою очередь, является объектом авторского и/или смежных прав, или без записи, а также реализация дисков собственного изготовления.

Производство дисков для лазерных систем считывания осуществляется субъектами хозяйствования только при наличии у них лицензии на осуществление такой деятельности.

Согласно ст. 4 Закона Украины «Об особенностях государственного регулирования деятельности субъектов хозяйствования, связанной с производством, экспортом, импортом дисков для лазерных систем считывания» от 17.01.05 г. незаконным производство дисков для лазерных систем считывания, матриц может быть и тогда, когда производитель, который получил лицензию на их производство, не выполняет возложенные на него такие основные обязанности: а) изготавливать диски только на лицензированном оборудовании, и в лицензионных помещениях; б) проставлять на каждом изготовленном диске для лазерных систем считывания с записью информации –

специальный идентификационный код согласно данного Закона; а на каждом изготовленном диске для лазерных систем считывания без записи информации – код пресс – формы, из которой он был изготовлен; в) изготавливать диски для лазерных систем считывания, которые содержат объекты авторского и/или смежных прав, только при наличии согласия лиц, которым принадлежит авторское право или смежные права; г) вести учёт объёмов производства дисков для лазерных систем считывания, матриц, а также приобретение, хранение, использование сырья для их производства.

Импорт (импорт товаров) – покупка украинскими субъектами внешнеэкономической деятельности у иностранных субъектов хозяйственной деятельности товаров с ввозом или вывозом этих товаров на территорию Украины, включая покупку товаров, предназначенных для собственного потребления учреждениями и организациями Украины, расположенными за её пределами (ч. 6 ст. 1 Закона Украины «О внешнеэкономической деятельности»).

Экспорт (экспорт товаров) – это продажа товаров украинскими субъектами внешнеэкономической деятельности иностранным субъектам хозяйственной деятельности с вывозом или без вывоза этих товаров через таможенную границу Украины (ст. 1 Закона Украины «О внешнеэкономической деятельности»).

Экспорт и импорт дисков для лазерных систем считывания, матриц, оборудования и сырья для их производства без лицензии запрещено (ст. 5 Закона Украины «Об особенностях государственного регулирования деятельности субъектов хозяйствования, связанной с производством, экспортом, импортом дисков для лазерных систем считывания»).

Реализация дисков для лазерных систем считывания с аудиовизуальными произведениями, фонограммами, компьютерными программами, базами данных – это введение в оборот экземпляров аудиовизуальных произведений, фонограмм, компьютерных программ, баз данных путём их продажи или иной передачи права собственности (обмен, дарение и др.). Отметим, что согласно ст. 3 Закона Украины «О распространении на территории Украины экземпляров аудиовизуальных произведений, фонограмм, компьютерных программ и баз данных», от 23.03.2000 г., распространение на территории Украины экземпляров аудиовизуальных произведений, фонограмм, компьютерных программ и баз данных, а также их прокат разрешаются только при условии их маркировки контрольными марками.

Под **хранением** дисков для лазерных систем считывания следует понимать любые умышленные действия, связанные с фактическим нахождением дисков для лазерных систем считывания, матриц, оборудования и сырья для их производства во владении виновного.

Хранение изготовленных дисков, матриц, оборудования и сырья для их производства должно осуществляться только в лицензированных помещениях с обязательным ведением учёта.

Лицензированное помещение – любое помещение, указанное в приложении к лицензии на производство, экспорт, импорт дисков для лазерных систем считывания, матриц, в котором осуществляется производство, хранение и/или реализация дисков для лазерных систем считывания, матриц.

Под незаконным **перемещением** дисков для лазерных систем считывания следует понимать перемещение указанных предметов через таможенную границу, совершаемое вне таможенного контроля без соответствующего разрешения или с сокрытием от таможенного контроля таких предметов.

Таким образом, защита интеллектуальной собственности, и борьба с правонарушениями в этой сфере является актуальной, в связи с вхождением Украины в единое информационное пространство.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Украины (с изменениями и дополнениями по состоянию на 1 сентября 2008 года). – Х.: ООО «Одиссей», 2008. – 312 с.
2. Закон Украины «О внесении изменений к некоторым законодательным актам Украины (в отношении операций, связанных с производством, экспортом, импортом дисков для лазерных систем считывания, оборудования и сырья для их производства)» от 6 апреля 2005 г. // Ведомости Верховной Рады Украины. – 2005. - № 7. – С. 15 – 25.
3. Закон Украины «Об особенностях государственного регулирования деятельности субъектов хозяйствования, связанной с производством, экспортом, импортом дисков для лазерных систем считывания» от 17 января 2005г. // Ведомости Верховной Рады Украины. – 2005. - № 1. – С. 25 – 35.
4. Закон Украины «О внешнеэкономической деятельности» от 16 апреля 1991 г. с изменениями // Ведомости Верховной Рады Украины. – 2000. - № 5. – С. 32 – 45.

Социальная обусловленность института условно-досрочного освобождения¹

Попов К.В.¹

*Аспирант юридического института Томского государственного университета, г.Томск,
Россия
e-mail: gasu-yrlist@mail.ru*

Социальная функция освобождения от отбывания наказания, традиционно видится исследователями прежде всего в гуманизме уголовного законодательства, «разгрузке» исправительных учреждений и в целесообразности применения института условно-досрочного освобождения когда, когда цели стоящие перед ним достигнуты.

Так, А.В. Матузов социальную обусловленность называет одним из принципов уголовно-правовой политики и видит ее суть в закономерности влияния на уголовное право личности, общества и государства.

Соглашаясь с теоретической значимостью указанных точек зрения в целом, отметим, что освобождение от отбывания наказания не должно зависеть от каких-либо материальных или технических возможностей исправительных учреждений¹. Поскольку это делает бессмысленным работу всей уголовно-исполнительной системы¹.

Вызывает сомнение и суждение о гуманизме как социальной функции указанного института. Поскольку даже в случае частичного достижения стоящих перед наказанием целей, дальнейшее отбывание наказания теряет всякий смысл. Освобождение лица от наказания, в данном случае, связано скорее не с гуманным отношением к нему, а с определенными целями наказания, которые могут быть достигнуты до окончания срока его исполнения. Ведь само наказание применяется для того, чтобы своим воздействием способствовать возникновению и закреплению у осужденных правопослушного поведения.

Л.Л. Кругликов, описывая принципы наказания, высказывается о недопустимости продолжения отбывания наказания после того как достигнуты его цели. Подобной точки зрения придерживается и Т.А. Кригер. По его мнению «продолжение наказания теряет всякий смысл, так как лицо не представляет общественной опасности». Поэтому условно-досрочное освобождение может проявлять себя как один из наиболее эффективных воздействий на виновного¹. И.Я. Гонтарь в труде «Парадигмы в уголовном праве и реальность» полагает, что «наказанию подлежит не преступление, а личность, его совершившая»¹. А наказание представляет собой средство реакции со стороны общества на степень общественной опасности определенных типов личности.

Поскольку основная цель уголовно-исполнительной системы – исправление осужденных (ст. 1 УИК РФ) посредством воспитательных работ, соблюдения режима отбывания, участию в общественно полезном труде и получению общего образования для

формирования у осужденных уважительного отношения к условиям, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития (ст. 9 УИК РФ). То есть, исправление осужденного законодатель предполагает возможным через воздействия на него как на личность. Другими словами виновный должен понести соразмерное наказание, способствующее его исправлению.

Мера уголовной репрессии напрямую зависит от общественной опасности виновного. Но при воздействии на осужденного в период отбывания наказания мер уголовно-правового характера, его личность может меняться, соответственно меняется степень его общественной опасности. В связи с этим можно ставить вопрос о корректировке назначенного наказания¹. Несомненно, это обусловлено некоторыми свойствами личности осужденного. Своего рода показателями или признаками, указывающими на исправление (снижения степени общественной опасности) осужденного. Исходя из целей наказания, о которых уже говорилось ранее ими могут выступать примерное поведение, добросовестное отношение к труду, обучению и воспитательным мероприятиям в период отбывания наказания.

Таким образом, можно сделать вывод, что социальная обусловленность института освобождения от наказания заключается непосредственно в достижении его целей, исправлении осужденного, при которых дальнейшее отбывание наказания осужденным становится нецелесообразным. Необходимо отметить, что применение условно-досрочного освобождения не является пересмотром заново ранее назначенного наказания судом. Происходит только оценка новых обстоятельств, возникающие в связи с изменениями свойств личности осужденного в процессе реализации приговора.

Литература

1. Егоров В.С. (2002) Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. – М.
2. Сабанин С.Н. (1978) Понятие и виды освобождения от уголовной ответственности и наказания. – Свердловск
3. Щерба Д.А. (2007) Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания. – М

Анализ объективной стороны преступлений, предусматривающих ответственность за уклонение от уплаты налогов и (или) сборов

Рябова А.Ю.¹

Студент

Ульяновский государственный университет, юридический факультет, Ульяновск, Россия

E-mail: helen_anna@mail.ru

В Уголовном кодексе РФ (далее – УК РФ) криминализированы уклонение от уплаты налогов и (или) сборов физическими и юридическими лицами (ст. 198 и ст. 199 соответственно). Соответствующее закрепление обусловлено, во-первых, реализацией конституционной обязанности каждого платить законно установленные налоги и сборы, во-вторых, тем, что эти платежи рассматриваются в качестве основных источников пополнения бюджетов всех уровней в России, гарантией существования государства. Однако указанные статьи не являются совершенными по своему содержанию. Анализ объективной стороны позволяет выделить ряд существенных недостатков.

Объективную сторону рассматриваемых преступлений образуют деяния, выражающиеся в форме действия или бездействия. Примером активного поведения можно назвать внесение заведомо ложных сведений в налоговую декларацию, в результате чего лицо:

- не уплачивает налоги, сборы или таможенные платежи,

- уплачивает их, но в меньшем размере (Рарог, 2008).

Бездействие предполагает непредставление налоговой декларации для уплаты налогов и (или) сборов либо иных документов, предназначенных для уплаты таможенных платежей (Рарог, 2008).

Характеризуя объективную сторону, нельзя оставить без внимания проблему соотношения преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 198 или 199 УК РФ и ст. 171 УК РФ (незаконное предпринимательство). По мнению В. И. Тюнина, Б. В. Волженкина, незаконное предпринимательство - это не налоговое преступление (Тюнин, 2005). Отношения в сфере налогообложения не относятся ни к основному, ни к дополнительному объекту посягательства, состав которого отражен в ст. 171 УК РФ (Волженкин, 1999). Получается, при уклонении от уплаты налогов и (или) сборов и незаконном предпринимательстве лицо будет привлекаться к ответственности по совокупности преступлений.

Думается, что данная позиция не совсем корректна. Ниженазванный пример подтверждает сказанное. При государственной регистрации налоговые органы уведомляют Пенсионный фонд РФ и иных субъектов об образовании нового предприятия. Без регистрации отчисления в Пенсионный фонд РФ не будут поступать. Ввиду осуществления незаконного предпринимательства и неуплаты налогов лицо должно нести ответственность по двум составам преступления. Однако отчисления не поступают вследствие отсутствия регистрации предпринимателя. Это говорит о том, что незаконное предпринимательство охватывает и неуплату налогов и (или) сборов. Иначе, признав необходимость платить налоги на доходы от незаконной предпринимательской деятельности, нужно признать и то, что следует платить налоги во всех случаях преступного обогащения.

Остается открытым вопрос о времени окончания преступлений. Одни утверждают, что по смыслу УК РФ ответственность наступает на следующий день, когда налоги и (или) сборы должны были быть уплачены (Рарог, 2008). Другие полагают, что данные преступления считаются оконченными с момента представления налогоплательщиком в налоговые органы документов, содержащих искаженные сведения об объектах налогообложения, или умышленной неуплаты сборов в установленные законом сроки (Верин, 2003). Последняя точка зрения звучит более убедительно.

Стоит упомянуть и о факультативных признаках объективной стороны. Неоднократно высказывались мнения о необходимости учитывать способы, орудия совершения данных преступлений. По убеждению Н. В. Сухановой, компьютер может служить орудием уклонения от налогов, сборов или таможенных платежей. Она объясняет это тем, что с его помощью вносятся заведомо ложные сведения и программа выдает неверные результаты (Суханова, 2007). Так же уклонение от уплаты налогов и (или) сборов совершается путем подделки официальных документов организации, предоставляющих права или освобождающих от обязанностей, а также штампов, печатей, бланков. Это деяние при наличии достаточных оснований влечет уголовную ответственность по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 198 или ст. 199 и ст. 327 УК РФ. Того же мнения придерживается В. А. Козлов (Козлов, 2002). С другой стороны, когда лицо вносит не те сведения – это уже подделка. В соответствии с правилами толкования русского языка, подделка означает изготовить фальшивое подобие с целью обмана (Ожегов, 2005). Фальшивое есть не настоящее, то, что не является истиной (Ожегов, 2005). Логичен вывод о том, что дополнительной квалификации по ст. 327 УК РФ не требуется.

К наиболее распространенным способам уклонения от уплаты налогов, сборов или таможенных платежей относятся занижение объема реализованной продукции, сокрытие выручки от реализации продукции, подделка финансово-расчетных документов и т. д.

Сказанное позволяет утверждать, что требуется существенное изменение объективной стороны преступлений, предусматривающих ответственность за уклонение от уплаты

налогов и (или) сборов. Это касается не только более точной формулировки деяния, но и времени окончания преступления, что позволит применять на практике данные статьи.

Литература

1. Волженкин Б.В. (1999) Экономические преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 1999.
2. Верин В.П. (2003) Преступления в сфере экономики. М.: Дело, 2003.
3. Козлов В.А. (2002) Криминалистические проблемы борьбы с налоговыми преступлениями // Черные дыры в Российском законодательстве. 2002. № 4.
4. Ожегов С.И. (2005) Словарь русского языка. / Под ред. Л. И. Скворцова. М., 2005.
5. Суханова Н.В. (2007) Техничко-криминалистическое обеспечение при расследовании экономических преступлений // Черные дыры в Российском законодательстве. 2007. № 6.
6. Тюнин В.И. (2005) Налоговые преступления в Уголовном кодексе России // Российское уголовное право. СПб, 2005.
7. Уголовное право России. Части Общая и Особенная (2008) / Под ред. А.И. Рарога. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008.

Проблема квалификации ритуальных убийств в современной России

Саркисян Цолак Гарникович

студент

Таганрогский Институт Управления и Экономики, Таганрог, Россия

E-mail: tsolak_sarkisyan@mail.ru

Ритуальные убийства и в России и за ее пределами, имеют не единичный характер. Различные культы и секты систематически практикуют религиозные жертвоприношения. Данное преступление отличается от других видов убийств. Ритуальное убийство – это не просто вина отдельного человека или группы лиц. В данном случае можно составить иерархию людей виновных в смерти людей: начиная от проповедников сект, завершая исполнителем. Наличие проповедников такой религиозной формы, которая предполагает ритуальное убийство, говорит о последующем программировании людей на совершение данного преступления. Даже столь распространенная литература, которую можно свободно приобрести в книжных магазинах, подобна самоучителю к религиозному человеческому жертвоприношению. И такие книги, проповедники всегда будут привлекать людей, потому, что многим людям нужно заполнять пустоту в душе, и они одурманиваются «поэтичностью» ритуальных убийств. Это достаточно сложная проблема.

Большинство современных террористических актов так же являются проявлениями религиозных убийств. Любая древняя религия имеет много ответвлений. Так и ислам в трактовке международных террористических организаций объясняет свои действия как священную войну.

Религиозные убийства тем и страшны, что мотив в них не корысть и не злоба, а вера. Вера, в правильность своих действий и всегда ритуальный убийца становится преступником для общества и святым для своего круга, тоже по сути общества.

Исследования ритуальных убийств должны вестись по следующим направлениям:

- разработка психологической и психиатрической типологии ритуальных убийц;
- определение методов выявления основных признаков личности и поведения этих преступников;
- выяснение статистической значимости выявленных характерных признаков личности и поведения указанных правонарушителей;
- создание типовой информационной модели ритуального убийцы и формирование поискового портрета по конкретным делам в целях розыска.

В зависимости от характера и содержания информации поисковый портрет устанавливаемого преступника может содержать следующие данные:

- общая характеристика личности и преобладающая мотивация поведения;
- привычки, склонности, навыки и другие индивидуальные признаки личности;
- возрастная группа;
- район проживания;
- район места работы, службы, учебы;
- уровень образованности и профессиональная деятельность;
- особенности происхождения (родительская семья) и история личной жизни;
- семейное положение и наличие детей;
- отношение к службе в армии, спорту, работе с людьми и т.д.;
- наличие прошлой судимости;
- наличие психической и иной патологии;
- антропологическая и функциональная характеристика (тип внешности, телосложение, пантомимика и др.).

Существует много примеров таких убийств. Вот, некоторые из них. В одной из московских квартир обнаружены скелетированные тела четырех человек. Как сообщили правоохранительные органы, данные свидетельствуют о том, что погибшие состояли в секте (в квартире было обнаружено большое количество религиозной литературы, в основном православной, а также много икон) и могли отравиться при исполнении какого-нибудь ритуала. Результаты судебно-медицинских исследований, проведенных в рамках возбужденного уголовного дела (ч.2 ст. 105 УК РФ), показали, что люди умерли в разные сроки, с интервалом до пяти лет.

В Пскове незадолго до праздника Пасхи, 15-летний школьник совершил ритуальное самоубийство, положив голову на рельсы перед проезжавшим грузовым поездом. Оперативно-следственная группа обнаружила недалеко от тела начертанное веткой имя подростка, куртку, часы и цепочку с изображением рок-певца сатаниста Мэрилина Мэнсона. В комнате подростка было много картинок сатанинского направления и брошюр. Но самоубийство ли это в чистом виде? Ведь, человек сам по себе не рождается самоубийцей. Думается, что его кто-то спровоцировал. В данном случае можно было бы при наличии статьи соответствующей в УК возбудить дело о провокации на ритуальное убийство.

Итак, подводя итог вышесказанному, еще раз отмечу, что в УК РФ нет как такового, наказания за ритуальные убийства. Такие убийства квалифицируются либо как простое убийство, либо как группой лиц или иным образом (в зависимости от обстоятельств). Законодатель не учел, что ритуальное убийство это отдельный вид убийства с абсолютно иными мотивами, иной психологией. Здесь нет ни корысти, ни зависти, ни мести, а зачастую, простое хладнокровное желание убивать. Трудно разграничить, что из обоих зол страшнее - убийство из мести, корысти и ненависти или убийство человека с верой в то, что «так надо».

Полагаю, что законодатель должен учесть многочисленные факты ритуальных убийств в нашей стране, и наконец-то, внести изменение в УК, для того, чтобы виновник понес соответствующее содеянному наказание, потому что это преступление - против человечности, против веры, а не против одного конкретного человека. Для преступника нет разницы, кто пойдет под ритуальный нож. Помимо этого, я считаю целесообразным ввести уголовную ответственность за распространение литературы о ритуальных жертвоприношениях в любом виде, а так же усилить контроль правоохранительными органами за религиозными организациями, сектами, исторически в которых практиковались такие убийства.

Литература:

1. Коростелов А.В. Ритуальные убийства и человеческие жертвоприношения http://xx.lipetsk.ru/xx_10.shtml
2. А.П.Лаврин «1001 смерть» М. «Ретекс» 1991 г.
3. В Пскове подросток-сатанист совершил ритуальное самоубийство <http://www.newsru.com/religy/28apr2004/pskov.html>
4. Ритуальное убийство в Москве: найдены 4 скелета членов одной семьи, погибших при исполнении сектантского ритуала http://www.factnews.ru/article/08Jun2005_sekta

Преступления против семьи и несовершеннолетних: криминологический аспект

Сикан Ольга Николаевна

соискатель кафедры

уголовного права

Одесской национальной юридической академии, Одесса, Украина

E-mail:Sika_n@mail.ru

Повышенное внимание к проблеме охраны семьи и несовершеннолетних обусловлено разнообразием факторов общественно – политического, идеологического и правового характера. В цивилизованном обществе необходимость охраны семьи, детства и материнства уже давно не ставится под сомнение, поскольку именно благополучие указанных «ячеек» общества обеспечивает в будущем стабильность государства.

Эффективность охраны семейных правоотношений, обеспечение прав и интересов несовершеннолетних не только повышает степень защищенности личности в государстве, престиж государства, но и разрешает такие задачи как выявление процесса трансформации несовершеннолетнего – жертвы в несовершеннолетнего – преступника.

Как замечает П.Г. Пономарев, объем уголовно – правовой охраны интересов семьи и несовершеннолетних много в чём определяется распространенностью и степенью общественной безопасности реально существующих посягательств на указанные интересы, национальными особенностями государства, уровнем общественной моральности и правосознания [1, 34].

В Украине охрана указанных ценностей всё ещё остаётся неразрешённой и актуальной, поскольку условия жизни в реформированном обществе тяжело отразились на положении самых незащищённых слоёв населения, и прежде всего – несовершеннолетних.

Осуществление преступных посягательств на семью и несовершеннолетних приводит к существенным психологическим, моральным и социальным деформациям личности преступников, что в будущем способствует их вовлечению в преступную деятельность, как в несовершеннолетнем возрасте, так и позже. На основе отдельных данных, до 70% несовершеннолетних, в отношении которых было осуществлено насилие, в будущем становятся на путь преступности [2,96]. То есть, ребёнок в опасности –

потенциальный правонарушитель, преступник. Его охрана – преимущественное направление деятельности государства.

Изложенное позволяет сделать вывод, что первопричиной преступности, как несовершеннолетних, так и взрослых, как правило, являются преступные посягательства в отношении их в несовершеннолетнем возрасте.

Преступления против семьи и несовершеннолетних имеют свои криминологические особенности: повышенный уровень социальной опасности, поскольку преступные посягательства на несовершеннолетних являются детерминантой дезорганизации семьи как социального института, а семья – одна из важнейших ячеек общества; широкая распространённость, масштабность; наличие значительного вреда, что наносится всем сферам жизнедеятельности общества; детерминация других видов преступлений; повышенный уровень латентности [3].

Учитывая именно латентность указанных видов преступлений, и тот факт что официальная статистика не отражает реальный уровень преступности против семьи и несовершеннолетних, что подтверждается неофициально высоким уровнем детской беспризорности, считаю необходимым уделять больше внимания анализу факторов, что детерминируют указанные виды преступлений. Отсутствие объективных данных о реальном положении и динамике преступности против семьи и несовершеннолетних не предоставляет возможности судить об эффективности действующих средств относительно её предупреждения.

Кроме экономических и социальных причин, обуславливающих вышеуказанные процессы, необходимо уделить внимание усовершенствованию законодательной базы, направленной на защиту семьи и несовершеннолетних, в частности уголовного законодательства.

Нужно отметить, что некоторые шаги в данном направлении ведутся: Верховная Рада Украины приняла закон о внесении изменений в некоторые статьи Уголовного кодекса Украины и ужесточила ответственность за преступления против семьи и несовершеннолетних:

- 1) за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность установлено наказание от 3 до 7 лет;
- 2) за склонение несовершеннолетних к употреблению допинга – ограничение свободы до двух лет или лишение свободы на тот же срок
- 3) за половые отношения с лицом, не достигшим половой зрелости – усилено ответственность и установлено наказание в виде ограничения свободы на срок до 5 лет или лишение свободы на тот же срок;
- 4) за разращение несовершеннолетних также усилена ответственность и установлено наказание в виде ограничения свободы до 5 лет или лишение свободы на тот же срок [4].

Хочется сказать, что шаги в данном направлении не должны быть последними, ведь неразрешёнными остаются ещё много проблем связанных с защитой семьи и несовершеннолетних. Ведь не всегда ужесточение санкций приводит к желаемому результату, и не следует ограничиваться лишь корректировкой отдельных статей, необходимо решать проблему в комплексе.

В отличие от Уголовного кодекса РФ, Уголовный кодекс Украины не содержит отдельного раздела, который бы целенаправленно охранял данную сферу правоотношений. Ведь систематизация и выделение в отдельный раздел уголовного кодекса статей направленных на защиту семьи и несовершеннолетних позволило бы сделать более эффективной правоприменительную практику по защите данной сферы правоотношений от преступных посягательств.

Должное внимание к проблемам насилия в семье, детской беспризорности, жестокости и насилия в отношении детей должно стать залогом эффективной профилактики и борьбы с преступлениями против семьи и несовершеннолетних.

Література

1. Пономарёв П.Г. Уголовная ответственность за преступные посягательства на семью и несовершеннолетних // Российский следователь.- 2001.- № 8 с. 33-40.
2. Захарьева И.Я. Причины насилия в подростковой среде // Духовное состояние общества и проблемы насилия/ Под ред. Ворон Е.А. – СПб., 2004. С.49; Мельникова Э.Б. Дети и подростки – жертвы негативных явлений: Основные аспекты виктимизации // Правозащитник.2000. № 1 с.96.
3. Лунеев В.В. Преступность XX века.- М.; 1997.
4. Законопроект №3236 "О внесении изменений в статьи 304 и 323 Уголовного кодекса Украины (относительно усиления ответственности за преступления против семьи и детей)", зарегистрирован в Верховной Раде 27 февраля. <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?user=060>

Терроризм в современном мире

Скоробогач Юлия Дмитриевна¹

студент

Ставропольский филиал Московского государственного университета им.М.А.

Шолохова, юридический факультет, Ставрополь, Россия

E-mail: melani_2007@mail.ru

Терроризм – постоянный спутник человечества, который относится к числу самых опасных и труднопрогнозируемых явлений современности, приобретающих все более разнообразные формы и угрожающие масштабы. Террористические акты приносят массовые человеческие жертвы, оказывают сильное психологическое давление на большие массы людей, влекут разрушение материальных и духовных ценностей, не поддающихся порой восстановлению, сеют вражду между государствами, провоцируют войны, недоверие и ненависть между социальными и национальными группами, которые иногда невозможно преодолеть в течение жизни целого поколения.

Терроризм в России имеет свои особенности и причины. Основная причина – углубляющийся социальный и политический кризис, ослабление правопорядка, что порождает новые противоречия, для разрешения которых отдельные лица и организации все чаще прибегают к насилию. А главная особенность заключается в явной зависимости применения террора как способа достижения целей прямым насилием от всех процессов, происходящих в стране, от условий переходного периода, когда утрачены старые ценности и не сформировались новые, когда разрушена бывшая государственная система, в том числе система защиты общественной и государственной безопасности, и на ее месте пока существует некое аморфное государственное образование. Поэтому очевидно, что, не решая радикальным образом социальные, экономические, национальные,

управленческие проблемы, не удастся ликвидировать социальную базу преступности вообще и терроризма в особенности.

Кроме того, существует несколько причин обращения к террористической деятельности в целом.

1. Причины психопатологического характера. Исследователями сделаны выводы, что среди террористов преобладают люди с психическими отклонениями.

2. Мотивы самоутверждения, придания своей деятельности особой значимости, преодоления отчуждения, стандартизации.

3. Корыстные мотивы, которые могут вытеснять идейные или переплетаться с ними. Кроме того, кого-то просто нанимают для совершения террористических актов.

4. Терроризм чаще всего является результатом абсолютного убеждения в обладании высшей, окончательной истиной, уникальным рецептом «спасения» своего народа, группы или даже всего человечества.

Необходимо также обратить внимание на такие объективные причины терроризма как политические, экономические, социальные, религиозные, национальные. Известно, что проблема терроризма приобретает особую остроту в период социальных конфликтов. Различаются социальные конфликты, имеющие политические, экономические, национальные, религиозные корни. Террорист использует любую форму конфликта, поскольку она создает благоприятные условия для достижения им своих целей путем совершения преступлений.

Мы считаем, что главные стратегические условия борьбы с терроризмом, являются следующие меры:

- воссоздание устойчивого блокового мира;
- упреждение; блокирование терроризма на начальной стадии и недопущение его становления и развития структур;
- недопущение идеологического оправдания террора под знаменами "защиты прав наций", "защиты веры" и т.п.; развенчание терроризма всеми силами СМИ;
- передача всего управления антитеррористической деятельностью наиболее надежным спецслужбам при невмешательстве в их работу любых иных органов управления;
- использование договора с террористами только этими спецслужбами и только для прикрытия подготовки акции по полному уничтожению террористов;
- никаких уступок террористам, ни одного безнаказанного теракта, даже если это стоит крови заложников и случайных людей - потому что практика показывает, что любой успех террористов провоцирует дальнейший рост террора и количества жертв.

Помимо названных направлений борьбы с таким явлением как терроризм, необходимо бороться с этим злом как можно эффективнее и на законодательном уровне, улучшать и углублять законодательство, регулирующее борьбу с терроризмом, устанавливающее за него ответственность.

Литература

1. Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 1998.
2. Качмазов О. Уголовная ответственность за терроризм, 1998.

3. Конституция РФ от 12.12.1993. (2007)
4. Терроризм: психологические корни и правовые оценки, 1995.
5. Уголовный кодекс РФ 1996. (2007) М.: ЭЛИТ

Уголовно-правовые аспекты заражения ВИЧ-инфекцией

Скуматов Н.Н.

студент

Ставропольский государственный университет, юридический факультет, Ставрополь, Россия

E-mail: skumatov@inbox.ru

Официальная точка зрения гласит, что вирус иммунодефицита человека был открыт в 1983 году в результате исследования этиологии СПИД. Первый случай ВИЧ инфекции в СССР был обнаружен в 1986 году. С этого момента начинается так называемый период зарождения эпидемии.

История ответственности за заражение данной болезнью начинается 31 августа 1987г. Тогда уголовный кодекс РСФСР 1960г. указом Президиума Верховного Суда был дополнен статьей 115.2, устанавливающей ответственность за заражение заболеванием СПИД.

Позже, учитывая тот факт, что СПИД является лишь последствием заражения ВИЧ-инфекцией, в данную норму Федеральным законом от 13 декабря 1994 г. N 59-ФЗ в статью 115.2 были внесены изменения, и ответственность наступала уже за заражение ВИЧ-инфекцией, вне зависимости разовьется СПИД у потерпевшего или нет.

Уголовный кодекс Российской Федерации 1996г. предусмотрел ответственность за заражение ВИЧ-инфекцией в статье 122 «Заражение ВИЧ-инфекцией».

Часть 4 ст. 122 УК РФ содержит самостоятельный состав преступления, которого не было в УК РСФСР. Субъектом его является только лицо, совершающее заражение ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей. Речь идет прежде всего о медицинских работниках.

Субъектом данного преступления могут быть работники аптек (фармацевты), врачи, медицинские сестры и иной персонал, которые ставят других в опасность заражения ВИЧ-инфекцией в результате несоблюдения правил предосторожности при переливании крови, совершении хирургического вмешательства, инъекции. В литературе по медицинскому праву часто высказывается мнение о том, что врачи и персонал клиники могут привлекаться к уголовной ответственности по данной статье только по ее ч. 4. Однако это ошибочный подход. Врач может быть привлечен и по всем остальным частям данной статьи. Так, например, может возникнуть ситуация, когда врач ВИЧ-инфицирован и, зная об этом, приступает к хирургической операции. Известны случаи, когда хирург ранит себя ланцетом либо иным инструментом во время проведения операции. В этом случае, при отсутствии заражения пациента, ответственность наступает по ч. 1 ст. 122 УК. В случае заражения пациента ВИЧ ответственность наступает по ч. 2 либо по ч. 3 ст. 122 УК.

Соглашаясь с С.В. Растороповым, следует заметить, что заведомое поставление другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией необходимо оценивать в качестве привилегированного признака основного состава преступления, признаки которого определены в ч.2 этой статьи. В пользу этого три аргумента:

Первый — название ст. 122 — «Заражение ВИЧ-инфекцией», в котором в соответствии с общепринятым в УК РФ положением отражается суть именно основного состава преступления, сформулированного в ч. 2 данной статьи, где его признаки определены как «заражение другого лица ВИЧ-инфекцией лицом, знавшим о наличии у

него этой болезни». Второй аргумент вытекает из сопоставления ст. 122 и ст. 121 УК РФ, именуемой «Заражение венерической болезнью», в которой основной состав преступления предусмотрен в ч. 1 с формулировкой «заражение другого лица венерической болезнью лицом, знавшим о наличии у него этой болезни», т. е. определен, за исключением вида болезни, точно так же, как состав преступления, предусмотренный именно ч. 2 ст. 122 УК РФ. Третьим аргументом является то, что признак, включенный в ч. 1 ст. 122 УК, существенно и качественно смягчает ответственность, выраженную в санкции этой части, по сравнению с ответственностью, установленной в санкции ч. 2 данной статьи.¹

Составы преступлений изнасилования и насильственных действий сексуального характера, повлекших по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью либо заражение ВИЧ-инфекцией, предусмотренные п. «б» ч. 3 ст. 131 и п. «б» ч. 3 ст. 132 являются смежными с составом, предусмотренным статьей 122.

Важно, что субъектом изнасилования и насильственных действий сексуального характера согласно ч. 2 ст. 20 УК РФ может быть лицо, достигшее четырнадцатилетнего возраста. Однако субъектом преступления, заражение ВИЧ-инфекцией, может быть только лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, поскольку ответственность за данное преступление предусмотренная ч. 2, 3 ст. 122 УК РФ, установлена с шестнадцатилетнего возраста.

Поэтому в случае совершения изнасилования и насильственных действий сексуального характера, лицом в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет причинение последствий виновному вменено быть не может. И изнасилование, и насильственные действия сексуального характера должны быть квалифицированы без учета особо квалифицирующего признака.

Вопреки официальным данным о природе СПИД и ВИЧ-инфекции высказывается мнение о том, что ВИЧ не существует вообще. Работы таких ученых в области медицины, как Элени Попадопулос, Антала Мака, Питера Дюсберга, Этьена де Харве, Сазоновой И.М. и многих других, основанные на лабораторных и клинических исследованиях доказывают состоятельность данной точки зрения. Согласно этой позиции целесообразно декриминализовать состав преступления, предусмотренный статьей 122. Заражение ВИЧ-инфекцией и исключить квалифицирующие признаки, связанные с заражением ВИЧ-инфекцией, из составов преступлений, предусмотренных статьями 131 и 132.

Источники и литература

1. Конституция Российской Федерации
2. Уголовный кодекс Российской Федерации
3. Федеральный закон от 30 марта 1995 г. N 38-ФЗ «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)»
4. Dr. Peter H. Duesberg «Infectious AIDS: Have We Been Misled?», North Atlantic Books, Berkeley, California, 1995 .
5. Dr. Peter H. Duesberg «Inventing the AIDS virus», Regnery Publishing, Inc., Washington, D.C., 1996.
6. Сазонова И. М. «ВИЧ-СПИД» виртуальный вирус или провокация века. Культурно-просветительский центр радио «СР». Москва 2002.
7. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В двух томах. Т.2. Особенная часть. М.: Юрид. Лит., 2004.
8. Расторопов С.В. Уголовно-правовая охрана здоровья человека от преступных посягательств. 2006г.

9. Кадников Н. Г. Квалификация преступлений (теория и практика). М., 1999.
10. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001.
11. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003.
12. Глашев А.А., Медицинское право - Практическое руководство для юристов.

Усовершенствование уголовного законодательства Украины относительно применения общественных работ

Солдатенко И.В.

Студентка магистратуры юридического факультета

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Харьков, Украина

E-mail: irina-sofi@inbox.ru

Современная украинская уголовно-исполнительная политика характеризуется наличием тенденции к уменьшению сферы применения наказаний, предусматривающих физическую изоляцию осужденного, и расширению применения наказаний, альтернативных лишению свободы. Так, новый Уголовный кодекс Украины 2001 года впервые за всю историю существования уголовного права Украины предусмотрел такой вид наказания, как общественные работы, законодательное закрепление которого является результатом проведения большого количества мер реформирования конкретных условий развития общественно-политического, экономического состояния государства, а также его идеологических, правовых начал.

Применение данного вида наказания обеспечивается созданием общественно-государственных условий организации его исполнения, которые направлены на достижение рациональности использования способов влияния на осужденного. А эффективность исправления и ресоциализации обеспечиваются отсутствием изоляции осужденного, но применением карательного влияния со стороны государственных исполнительных структур (уголовно-исполнительных инспекций Украины), соблюдением осужденным определенных условий отбывания наказания, сохранением его семейных отношений и социальных связей, экономической и социальной выгодностью. Это дает возможность утверждать, что данная категория осужденных имеет намного больше возможностей успешно интегрироваться в общество и реализоваться в нем в качестве полноправного гражданина.

Попытка усовершенствования уголовного законодательства Украины относительно применения общественных работ видится возможным путем закрепления следующих положений:

1. В соответствии со ст. 56 Уголовного кодекса Украины общественные работы состоят в исполнении осужденным в свободное от работы или учебы время бесплатных общественно полезных работ, вид которых определяют органы местного самоуправления. Устанавливаются они от 60 до 240 часов и отбываются не больше четырех часов в день совершеннолетними лицами, а также от 30 до 120 часов, не больше двух часов в день – для несовершеннолетних лиц [1]. Необходимо отметить, что в действующем уголовном законодательстве Украины не закреплено определение понятия общественных работ, которое дало бы возможность полнее раскрыть содержание данного вида наказания. Таким образом, определение общественных работ можно внести в УК Украины в следующей формулировке: «общественные работы – это вид уголовного наказания, которое предусматривает осуществление осужденным в свободное от работы или учебы время бесплатных неквалифицированных общественно полезных работ и не лишает лицо, которое совершило преступление и по решению суда признанно виновным в нем, социальных связей, работы, семейных отношений, а их исполнение предусматривает создание необходимых условий для достижения целей наказания».

2. Относительно круга лиц, к которым может применяться наказание в виде общественных работ в Украине, установлены ограничения, которые относятся к инвалидам первой и второй группы, беременным женщинам, лицам, достигшим пенсионного возраста, а также военнослужащим срочной службы. В некоторых странах общественные работы не применяются также в отношении женщин, которые имеют детей возрастом до семи (УК Грузии) и до восьми лет (УК Российской Федерации). Введение подобной нормы в уголовное законодательство Украины могло бы способствовать осуществлению необходимого воспитательного влияния на малолетнее лицо дошкольного возраста со стороны матери. Во Франции общественные работы не могут быть применены к несовершеннолетним лицам [2]. Это ограничение в Украине частично существует, так как минимальный возраст лица, которое подлежит отбыванию общественных работ – 16 лет, а введение подобного ограничения в полной мере было бы неоправданным.

3. Общественные работы могут быть применены и в отношении лиц, ранее отбывавших наказание за иные преступления, что доказывает успешный опыт многих стран. Так, общественно-полезные работы во Франции применяются относительно трех категорий лиц-правонарушителей [3]: 1) лица, которые впервые совершили неумышленное тяжкое преступление; 2) серийные преступники, которые совершили незначительные правонарушения или преступления средней степени тяжести; 3) нарушители правил дорожного движения, которые отнесены до первых двух категорий.

4. Важным для усовершенствования уголовного законодательства Украины является также положение, существующее во многих странах, в частности во Франции [2], которое устанавливает необходимость проведения медицинского освидетельствования перед применением наказания в виде общественных работ. Хотя его проведение является достаточно затратной процедурой, но оправданной, так как есть необходимость для установления наличия или отсутствия у осужденного болезни, опасной для других работников, а также определение годности, с медицинской точки зрения, к работе, которую ему необходимо будет исполнить. Таким образом, государством устанавливаются дополнительные гарантии как для самого осужденного, так и для лиц, которые будут иметь с ним контакт в процессе совместной деятельности.

Еще одним направлением определения годности подсудимого для работы в обществе и его физического состояния является изучение судом необходимых материалов, которые содержат достоверную информацию о личности правонарушителя, которая может быть добыта в результате социальной проверки (осуществляется социальным работником или сотрудником службы пробации до заседания суда, как это происходит в Великобритании) или в результате расследования, которое производится полицией (Чешская Республика).

Таким образом, учитывая экономический фактор, при назначении общественных работ по уголовному законодательству Украины целесообразно применять второй способ обеспечения указанной государственной гарантии, а именно принятие соответствующего решения судом на основании достоверных и точных данных о состоянии здоровья правонарушителя, что четко не установлено законом об уголовной ответственности.

5. Видится также возможным осуществление влияния на правонарушителя не только в границах, установленных данным видом наказания. То есть при применении общественных работ суд может выдать приказ о соответствующих дополнительных условиях. Опыт зарубежных стран состоит в возможности суда или государственного прокурора выдать ордер относительно: 1) учебы осужденного для получения формальной рабочей квалификации; 2) соответствующей программы социального воспитания и изменения поведения; 3) лечение зависимости от веществ, которые их вызывают; 4) соответствующей программы психологических консультаций; 5) удержание от посещения обусловленных заведений и контактов со специально определенными лицами; 6) удержание от азартных игр, игровых автоматов и пари.

6. Исполнение наказания в виде общественных работ в Украине возлагается на подразделения уголовно-исполнительные инспекции по месту проживания осужденного.

Примерно такие же функции исполняются подобными государственными структурами в иных государствах, например, в Чешской Республике при применении ордена на общественные работы на службу пробации и медиации возлагается ответственность за организацию и управление исполнением приговора, за поддержание связей с учреждениями, которые осуществляют контроль за работой. Но существует определенная специфика: служба пробации и медиации осуществляют также индивидуальную работу с правонарушителем во время отбывания им наказания, которая включает в себя консультации и развитие мотивации к отбытию наказания. Во Франции работа с правонарушителем не прекращается и после его освобождения [2].

7. Еще одним направлением усовершенствования национальной системы применения общественных работ является формирование позитивной оценки населения, которое возможно при обеспечении правдивого и всестороннего освещения применения данного вида наказания путем информирования общественности, местные органы власти и общественные организации, а также разные административные учреждения.

Выделенные пути усовершенствования уголовного законодательства Украины позволят существенно увеличить круг лиц, подлежащих осуждению к уголовному наказанию в виде общественных работ, повысить уровень их применения, а также достичь большей эффективности данного вида наказания.

Литература

1. Кримінальний кодекс України// Відомості Верховної Ради (ВВР), 2001, № 25-26, ст. 131.
2. Новый уголовный кодекс Франции/ Науч. ред. Н. Ф. Кузнецова, Э. Ф. Побегайло. – М., 1993.
3. Пикар, Жан-Мари Общественные работы, французский опыт// Penal Reform International, 2001.

Внедрение восстановительного правосудия в криминальное законодательство Украины

Титоренко Л.В.

студент магистратуры юридического факультета

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Харьков, Украина

E-mail: tilavll@rambler.ru

В течение последних лет в Украине все больше внимания уделяется гуманизации мероприятий криминальной ответственности. В данном контексте проблема фокусируется на уменьшении области применения наказаний, которые предусматривают физическую изоляцию осужденного, и смягчении санкций за конкретные виды преступлений, а также на обоснованном лишении свободы. Но подходы к самому преступлению и положению преступника остаются неизменными, то есть до сих пор отвечают позитивистским взглядам, которые имели место в советское время. Да, при применении наказания в центре внимания остается совершенное общественно опасное деяние, а не лицо преступника, для которого является необходимым осознание содеянного им и осуществление попытки компенсации нанесенного вреда лицу, которое пострадало от преступления [1, с.2]. Преступлением, в свою очередь, определяется общественно опасное деяние, которое посягает на правопорядок, установленный в государстве, хотя такое деяние, в первую очередь, приносит вред конкретным людям.

Другой подход предусмотрен восстановительным правосудием, которое характеризует ответственность правонарушителя как осознание им последствий совершенного деяния, возмещения нанесенного вреда, размер которого определяется при согласии потерпевшего лица, а также формирования стратегии своего будущего [2, с.154]. Из данного определения видим, что восстановительное правосудие еще к этапу применения наказания относительно правонарушителя решает главные его задания:

- во-первых, путем компенсирования потерь пострадавшего реализуется наказание;
- во-вторых, лицо, которое совершило правонарушение, осознает общественную опасность совершенного, а потому становится на путь исправления;
- в-третьих, с помощью планомерной реализации стратегии последующего правомерного поведения обеспечивается превенция совершения им преступлений в последующем.

При этом восстановительное правосудие является лишь формой отправления официального правосудия, которая предусматривает привлечение сторон и общественность в решение последствий преступления, способствуя социальной реинтеграции преступника, и уменьшает количество самих преступлений. А значит, речь идет не о замещении восстановительным правосудием того, что предусмотрено в законодательстве Украины, а о предоставлении последнему, за счет использования соответствующего способа решения криминальных ситуаций, которые включают правонарушения небольшой тяжести и некоторые из них – средней тяжести, восстановительного характера.

К сожалению, такая форма правосудия не внедрена в национальное законодательство Украины, в отличие от законодательства зарубежных стран. Программы примирения правонарушителя и жертвы появились в конце 70-х гг. в США и в начале 80-х гг. в Европе и действует на сегодняшний день в США, Канаде, Великобритании, Норвегии, Финляндии, Австрии, Германии, Франции. В таких странах, как Дания, Швеция, Нидерланды, Ирландия, Испания, Италия, и некоторых странах Восточной Европы наблюдается этап разработки механизма введения и этап внедрения соответствующих программ восстановительного правосудия.

Существует несколько моделей восстановительного правосудия, основными и наиболее распространенными из которых являются:

1. Программы примирения пострадавших с правонарушителями («медиация», «посредничество», «конференции жертв и правонарушителей»). Из названия понятно, что деятельность указанных программ предусматривает организацию встреч потерпевшего лица и правонарушителя по делам, которые передаются из следственных и судебных органов в случае, если преступник признал факт совершения им преступления. Основным элементом технологии ее использования является посредничество (mediation – посредничество), то есть, подготовка и проведение встречи возлагается на специально предусмотренное лицо – посредника (медиатора), – главной целью деятельности которого является оказание помощи сторонам прийти к пониманию. При этом они не имеют права влиять на решение дела в чью-либо пользу и в то же время не выступают судьями или арбитрами. Указанная форма восстановительного правосудия имеет целью достижение обеими сторонами по делу общего решения, которое закрепляется в соглашении. Такое решение может предусматривать как материальную компенсацию правонарушителем нанесенного вреда, так и фактическое выполнение им определенного вида деятельности в интересах пострадавшего или территориального общества. Кроме того, путем обеспечения возможности личного общения реализуются следующие задания: с одной стороны, потерпевшее лицо должно иметь возможность узнать, что подтолкнуло правонарушителя на совершение общественно опасного деяния, что оно значило для него, а также осуществить определенное моральное компенсирование, вернув уверенность жертве; с другой стороны – правонарушитель имеет возможность осознать негативную сторону совершенного, узнать какой вред фактически был причинен пострадавшему глазами последнего.

2. Семейные конференции, которые занимаются решением дела о совершении противоправного деяния. Это осуществляется путем достижения общего решения обеими сторонами, но важное место также играют семья и родственники правонарушителя. Кроме того, ограничение дел имеет место не только по тяжести совершенного, но и учитывается

Секция «Юриспруденция»

личность преступника, то есть им может быть лишь несовершеннолетний. Эта форма восстановительного правосудия также является достаточно эффективной, поскольку у виновного лица, а особенно у несовершеннолетнего, совесть проснется быстрее в том случае, если ему будет предоставлена возможность пообщаться с членами своей семьи, «посмотреть им в глаза», выслушать их негативное отношение и осуждение совершенного им преступления [3, с.301].

3. Круги правосудия – программа, основанная на традициях североамериканских индейцев, которые применяются преимущественно в Канаде.

Все эти модели решения дел о совершении общественно опасных деяний имеют ряд общих позитивных особенностей: 1) удовлетворение в урегулировании, компенсационный характер; 2) экономия времени; 3) экономия расходов (финансовых и эмоциональных); 4) привлечение общественности. Эти черты дают возможность констатировать бесспорные преимущества введения восстановительного правосудия в национальное законодательство как дополнительной формы отправления официального правосудия в Украине.

Литература

1. Денисова Т. А., Трубников В. М. Восстановительное правосудие в отношении несовершеннолетних: каким оно должно быть? // Материалы семинара «Перспективы развития идей восстановительного правосудия на Украине и опыт продвижения и организации программ восстановительного правосудия в России». – Запорожье, 2003. – С. 1-10.

2. Землянська В. В. Запровадження відновлюючих підходів: зміна поглядів на кримінальне судочинство // Право України. – №10, 2003. – С. 154-156.

3. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. – М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 1998. – 369 с.

Предпринимательская деятельность и лжепредпринимательство

Турянская Екатерина Сергеевна

студентка

Находкинский филиал Дальневосточного Государственного Университета, юридический факультет

РФ, Приморский край, город Находка

E-mail: TuryanskayaEkaterina@yandex.ru

Предпринимательская деятельность, определяемая п.1 ст.2 ГК РФ как самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке. Термин «систематическое» в данном случае означает, что разовая сделка между физическими лицами не может быть признана незаконным предпринимательством и государственной регистрации не требует. Таким образом, понятие предпринимательской деятельности обладает тремя признаками: - самостоятельная инициативная деятельность, осуществляемая субъектом от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность; - направлена на получение прибыли, которая выступает главной целью хозяйственной

деятельности;

- осуществляется на профессиональной постоянной основе и предполагает ее государственную регистрацию, а в случаях, предусмотренных законодательством — лицензирование.

В теории гражданского права указывается ещё один признак предпринимательской деятельности:

-должна производиться только юридическими или физическими лицами, зарегистрированными в качестве предпринимателей в установленном законом порядке. Исходя из действующего российского законодательства, можно заключить, что главный признак предпринимательской деятельности — это направленность на систематическое получение прибыли, что подразумевает неоднократность совершения лицом ряда сделок, конечная цель которых — получение прибыли (дохода). Следовательно, не может быть признана предпринимательской деятельностью единичная сделка, даже если она и направлена на получение лицом прибыли (дохода).

Незаконное предпринимательство, то есть предпринимательство без соответствующей государственной регистрации либо без получения соответствующей лицензии на осуществление данного вида деятельности, является одним из видов преступлений в сфере экономической деятельности.

Незаконное предпринимательство может быть выражено в трех самостоятельных формах — в осуществлении предпринимательской деятельности:

1. без государственной регистрации

2. без специального разрешения (лицензии) — лицензия является официальным документом, который разрешает осуществление указанного в нем вида деятельности в течение установленного срока, а также определяет условия его осуществления.

3. с нарушением условий лицензирования - к подобным нарушениям относятся:

-несоблюдение условий, предъявляемых к выпускаемой и реализуемой продукции (например, условия об обязательном указании срока годности продукта и даты его выпуска);

-несоблюдение технических требований к осуществлению лицензируемого вида деятельности (к примеру: отсутствие необходимых санитарно — гигиенических условий для выпуска продуктов питания);

-осуществление деятельности за пределами территории, указанной в лицензии (т.е. лицензированы конкретные помещения, где выпускается продукция, или разрешена торговля спиртными напитками, а производство или торговлю переносим в иные помещения), а так же иные нарушения.

Квалифицированный состав незаконной предпринимательской деятельности указан во второй части статьи 171 РФ и заключается в осуществлении незаконного предпринимательства организованной группой либо в извлечении дохода в особо крупном размере, сумма которого превышает 1 миллион рублей.

Наряду с незаконной предпринимательской деятельностью есть понятие, такое как лжепредпринимательство. На первый взгляд кажется, что это одинаковые определения, но на самом деле они имеют различное значение в Уголовном Праве.

Лжепредпринимательством признаётся создание коммерческой организации без намерения осуществлять предпринимательскую или банковскую деятельность, имеющее целью получение кредитов, освобождение от налогов, извлечение иной имущественной

выгоды или прикрытие запрещенной деятельности, причинившее крупный ущерб гражданам, организациям или государству.

Лжепредпринимательству присущи две цели:

Первая цель сформулирована как негативный признак - не осуществлять предпринимательскую деятельность. Вторая цель изложена, как получение имущественной выгоды (в том числе - кредиты, освобождение от налогов) или прикрыть запрещенную деятельность. Существует и ошибочное мнение, что преступление может быть совершено только с корыстной целью. Безусловно, указанные цели должны возникнуть у виновного до создания коммерческой организации. Этот вывод вытекает из диспозиции статьи, в которой прямо указано "создание коммерческой организации без намерения осуществлять предпринимательскую или банковскую деятельность, имеющее целью получение кредитов, освобождение от налогов, извлечение иной имущественной выгоды или прикрытие запрещенной деятельности". "Переупрофилирование" уже действующей коммерческой организации на осуществление запрещенной деятельности, создание коммерческой организации с целью осуществлять запрещенную деятельность наряду с дозволенной, осуществление запрещенной деятельности под прикрытием незарегистрированной коммерческой организации состава лжепредпринимательства не образует. В перечисленных случаях содеянное квалифицируется по ст.173.

Список используемой литературы:

1. Здравомыслов Б.В. Уголовное право России-М.: Юрист,1996.
2. Суханов М.З. Российское уголовное право. Альбом схем - Владивосток ДВГУ, 2008.
3. Уголовный кодекс РФ- Новосибирск, 2008.
4. Комментарий к Уголовному кодексу РФ-Москва, 2008.

Некоторые понятие беспомощного состояния в уголовном законе

Умбетов Руслан Шаихигаламвич

Студент

Институт АТиСО Евразийская Академия
Юридический факультет, Уральск, Казахстан

E-mail: BekkulovRuslan@mail.ru

Понятие беспомощный состояние в УК РК предусматривает в качестве отягчающие. Определения в теории уг. праве понятие беспомощный состояние не однозначенно. Так, Беспомощный состояние потерпевшего зависит от различных факторов(малолетний или престарелый возраст потерпевшего, физические не недостатки, психические заболевания, умственная отсталость, бессознательное состояние, состояние сильного наркотического или алкогольного опьянения и т.д.) понимать характер и значение совершаемых действий виновного или оказывать ему в какой бы то ни было форме сопротивление в момент преступного посягательства.

Приверженцы другой точки зрения полагают, что неспособность жертвы понимать характер и значение совершаемых с нею действий и ее неспособность оказывать сопротивление следует трактовать шире, указывая не только на психическую беспомощность, возникающую в результате бессознательного состояния или неспособности понимать характер и значение совершаемых с нею действий, но и на беспомощность вследствие испуга, эмоционального шока, обмана и т.д.

Соглашаясь с выше указанными мнениями мы возьмем на себя смелость отстаивает точку зрения что на ряду с выше указанными признаками беспомощный состояние следует учитывать место преступления.

Это может быть – в лесу, на окраине города, где безлюдное место и т.д.

В таких местах потерпевший не может ждать помощи не откуда, осознавая что она безвыходном положение и смирится с судьбою.

Например: в России (Рязанской обл-ти) 54л. Виктор Мохов не выпуская держал 2-девушек в подвальном помещение 3 года и 8 месяцев. Хотя девушки были физическое и психологическое здоровыми. Сколько бы они не кричали о помощи, но их не услышал ни кто. Осозная беспомощности, они перестали кричать, как говорится смирились со судьбой, и служили ему, пока их не нашли.

Таким образом мы полагаем, что при беспомощном состоянии не только анатомически и психологические состояние имеет значение но и место преступление.

Литература

- 1.Постнавление Верховного Суда РК 2007г 11 май №4
- 2.Дементьев С.Понятие беспомощного и бессознательного состояние //Российская юстиция, 1999. №1.
- 3.www. kp.ru (Комсомольская Правда)

Историко-правовой анализ развития пиратства, как преступления международного масштаба

Храмкова Лариса Александровна

студентка 3 курс

Синчук Ирина Александровна

студентка 3 курс

Таганрогский Институт Управления и Экономики, г.Таганрог, Россия

E-mail: brianna@list.ru

История борьбы с пиратством уходит глубоко в древность. Это преступление является одним из старейших видов уголовных преступлений международного масштаба. Оно широко было развито в Средиземном, Эгейском морях после 3-й Пунической войны 149-146 годы до н. э. Пираты владели эскадрами кораблей, прибрежными крепостями, имели свои войска, даже создали свое государство на Юго-Западе Малой Азии в Килинии. Во 2 веке до н. э. из-за нападения пиратов прекратилась морская торговля запада с востоком. Широко занимались пиратством английские суда. Особой жестокостью отличались африканские пираты (Корсары), которые не только грабили торговые суда, но и захватывали невольников, вели торговлю рабами и уничтожали приморские города. Уже тогда из-за того, что пиратство приносило огромный материальный ущерб и человеческие жертвы, это деяние признавалось опасным преступлением и наказывалось довольно жестоко: виновных топили, вешали на рее корабля без каких-либо судебных разбирательств. Только в конце XIX века к пиратам стали применять правосудие. В XX веке пиратство встречается также достаточно часто и более того истории известны случаи, когда морским разбоем занимались военные суда различных государств. Так было, например, в 30-е годы, когда суда многих нейтральных стран подвергались нападениям со стороны немецких и итальянских военных судов. В наши дни пиратство набирает новые обороты. У берегов Сомали в прошлом году было захвачено 26 гражданских судов.¹ Сведения об этих пиратах появились еще в 90-е годы прошлого века. Но тогда их действия были незначительны. Сейчас же их активность усилилась. Только с марта 2005 г. по июнь 2006 г. сомалийские пираты атаковали десятки торговых судов в Индийском океане.

Правовые основы по борьбе с пиратством были закреплены в решениях Женевской конвенции об открытом море 1958 г. и Конвенции Организации Объединенных Наций по

морскому праву 1982 г. Римская Конвенция 1988 г. была также посвящена вопросам по борьбе с пиратством. В России уголовная ответственность за пиратство впервые была предусмотрена в Уголовном Кодексе РФ 1996 года. До его принятия действия, охватываемые понятием пиратства, квалифицировались как разбой, бандитизм, преступления против личности, в чем был явный пробел законодательства.

Пираты активно продолжают свою преступную деятельность и сейчас. Общество удивлено феноменом пиратства в настоящее время, т.к. оно всегда ассоциировалось с чем-то древним и нецивилизованным. Но, даже беря во внимание то, что мы живем в модернизированном обществе, очень отличным даже от того, которое было 100 лет назад, пираты не уходят с арены международной преступности. Им даже на руку все эти научные разработки современности. Пиратские судна оснащены оборудованием по последнему слову техники, что позволяет им оставаться неуязвимыми (различные средства GPS-навигации, спутниковая связь и пр.). Каждый, из пиратов оснащен персональным, современным оружием. Но также у них существуют внутренние кодексы поведения, которые предусматривают такие нормы, как, например, избежание насилия к женщинам, которые могут оказаться в захваченных судах. Так что пираты тоже не стоят на месте, совершенствуя свою деятельность, как материально, так и морально. Говоря о сомалийских пиратах, интересно упомянуть тот момент, что в их преступления вовлечены группировки, которые оказывают помощь (зачастую и финансовую и информационную) в проведении операций по нападению и захвату кораблей. Например, у них есть свои информаторы по Индийскому океану, с которыми пираты общаются при помощи современных мощных средств связи, находящихся на их судах. Вообще, система пиратства очень налажена, т.к. разрабатывалась и совершенствовалась в течение очень длительного времени, еще с древних времен. Видится, что государства на данный момент бессильны в борьбе с пиратами (беря в пример длительную ситуацию образца 2008-09гг. с захватом судна «Фаина», которая закончилась смертью капитана «Фаины» и освобождением невольников, посредством выкупа) – и это только единственный пример безнаказанности из череды насилия и произвола совершаемого пиратами. Судно, выходя в морские пространства, становится беззащитной жертвой, на которую охотятся пираты. Сейчас для них не существует каких-либо препятствий, чтобы захватить проплывающее судно. В Сомали пиратство стало очень выгодным бизнесом, т.к. данное государство, характеризуется низким уровнем экономической, социальной и образовательной развитости. Более того, в преступные действия вовлечены и иные стороны, получающие материальную выгоду от захвата судов. Сформировалась очень запутанная и сплоченная сеть, распутать которую будет очень сложно, да и вообще распутается ли она в обозримом будущем? Если проанализировать действия государств (к примеру, за последние годы), столкнувшихся с проблемой пиратства в качестве пострадавшей стороны – можно увидеть картину безысходности. С одной стороны, есть правовое урегулирование данной проблемы, но, с другой стороны, заканчивается всё всегда одним и тем же – государства идут на требования пиратов и выплачивают требуемый выкуп. Чувствуя безнаказанность, к Сомали будут подтягиваться и такие же экономически и социально неблагополучные государства-соседи. Это говорит о том, что нормы, регулирующие ответственность за пиратство, попросту, не работают. Видится необходимым своевременное разрешение данной проблемы всеми заинтересованными государствами сообща. К примеру, по средствам внесения конструктивных изменений в международные правовые акты, регулирующие данную проблематику; создания специального комитета по разработке тактик и методик предотвращения пиратства.

Литература

1. Газета «Коммерсантъ» №95(3912) от 04.06.2008
2. Комиссаров В.С. Ответственность за пиратство по Уголовному кодексу РФ.

3. Ромашев Ю. С. Проблема коллизии юрисдикции государств над преступлениями международного характера, совершаемыми в пределах морских пространств//Сборник статей. М.: Академия ФПС России: Отделение погранологии Международной академии информатизации. 1998. Вып. 5.

Уголовно-правовая оценка действий соисполнителей преступления при конкуренции мотивов их преступного поведения.

Швец Валентина Васильевна

Студентка

Филиал Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина в г. Набережные Челны, юридический факультет, Россия

E-mail: ShvecV@yandex.ru.

В предмет нашего исследования включены одновременно несколько сложных для правоприменительной практики вопросов – соучастие в преступлении, конкуренция мотивов преступного поведения, процесс квалификации при соответствующих условиях. Рассмотрение данных явлений в их функциональной взаимозависимости позволит выработать единообразный подход к разрешению наиболее сложных вопросов, возникающих на практике в процессе уголовно-правовой оценки действий соисполнителей преступлений при конкуренции мотивов их преступного поведения. Наибольшая сложность на практике в разрешении этого вопроса возникает при квалификации совместной преступной деятельности нескольких лиц, а именно при простой форме соучастия - соисполнительство. Во многом это объясняется сложностью такого феномена, как совместная преступная деятельность, многообразием ее форм. Законодатель не дает определения понятиям «соисполнительство» и «соисполнители». Однако путем выявления функциональных связей между нормами о соучастии можно прийти к выводу, что, по сути, законодатель считает, что группа лиц это и есть соисполнительство (ее образуют два или более исполнителя без предварительного сговора). Группу лиц по предварительному сговору также можно рассматривать как соисполнительство.

Часть 1 ст. 34 УК РФ устанавливает, что ответственность соучастников преступления определяется характером и степенью фактического участия каждого из них в совершении преступления. На наш взгляд, это значит, что необходимо дифференцированно подходить к каждому из соисполнителей при анализе его роли и степени участия в конкретном уголовном деле, что в итоге должно быть отражено и в квалификации. В нашем случае, мотив, которым руководствовался каждый из соисполнителей, должен быть учтен органом предварительного следствия и судом в оценке его преступного поведения.

Когда мы имеем дело с несколькими исполнителями, именно смешанные мотивы и затрудняют возможность правильно судить о направленности общественно опасных действий всей группы; они вызывают наибольшую сложность в определении характера совершенного деяния и в квалификации преступления, поскольку мы имеем дело с разными субъектами и совершенно иной психологической связью между ними. Необходимо точно определить какое значение может иметь выявление доминирующего мотива при квалификации действий соисполнителя в юридической оценке их действий. На практике подобные ситуации наиболее часто возникают при квалификации преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 111 УК РФ. Так 72 % следственных работников убеждены, что по данной категории дел нет смысла в дифференцированном подходе к

определению мотива каждого из соисполнителей, поскольку совершение преступления в составе группы в данном случае не имеет субъективных связей, а является способом совершения преступления. И действительно, если имеет место соисполнительство, то конструкция состава ч. 4 ст. 111 УК РФ охватывает и мотивы и групповой способ совершения, но надо учесть, что законодателем он сконструирован как состав с двойной формой вины. Иная ситуация, к примеру, при квалификации действий соисполнителей по составу ч. 2 ст. 117 УК РФ. Здесь наряду с групповым способом совершения преступления, фигурируют мотивы как квалифицирующие обстоятельства. В данном случае одновременно возможно вменять и групповой способ совершения преступления, и соответствующий мотив. Но, специфика соисполнительства такова, что побуждения отдельного исполнителя могут не совпадать с мотивами другого, каждый из них может руководствоваться при реализации преступного умысла своими потребностями. Согласно данным опроса студентов 3 курса юридического факультета НЧФ КГУ 59 % из них убеждены, что необходимо вменять сразу несколько мотивов, если имеет место полимотивированность. Между тем, работники следствия 73 % считают, что вменять необходимо всем участникам группы лишь тот мотив, который ими всеми осознавался и являлся для них связующим звеном. Мы считаем, в приведенном примере, чтобы разрешить конкуренцию мотивов между соисполнителями, правоприменителю достаточно установить, как распределить квалифицирующие обстоятельства между ними. Если среди отягчающих ответственность мотивов есть такие, которые обусловили действия всех соисполнителей, они, безусловно, вменяются наряду с групповым способом совершения преступления. Это объясняется тем, что группа лиц во многом случайная, ситуативная группа, члены которой приняли решение о совершении совместного преступления в силу того, что оказались вместе в данном месте, в результате внезапно возникшей ситуации. Но нередко даже в такой ситуации у одного из соисполнителей может возникнуть отличный от коллективного мотив поведения, в таком случае, мотив присущий конкретно ему, должен вменяться наряду с коллективным мотивом преступления. Так, возможна квалификация по п.п. «г», «д», «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ. По такому пути и идет судебная практика.

Таким образом, субъективная связь соисполнителей в определенных случаях проявляется по-разному. Полимотивация здесь имеет объективную форму выражения, она может носить односторонний характер и ограничиваться сознанием и одобрением намерений и содержаний действий всех соисполнителей (в этом случае их усилия подчинены общей воле и им вменяется соответствующий мотив поведения наряду с групповым способом исполнения), но она не создает единой вины. Конкретное содержание и проявление мотивов как элементов субъективной стороны у отдельных соисполнителей может быть различным, они могут преследовать и свои собственные цели, интересы. Когда мы имеем несовпадение мотивов (а равно и несовпадение целей) соисполнителей, необходимо учитывать, что ряд мотивов могут быть только внешне связаны с совершенным преступлением и не оказывать никакого влияния на его характер и содержание, на волю соисполнителей, тогда они не вменяются всем соисполнителям, а только тем, на стороне которых они имеются. Если среди личных мотивов есть такие, которые отягчают общественную опасность совершенного деяния и повлияли на волю соисполнителя, необходимо вменять их только ему. Однако если мотив и цель, которым руководствовался один из соисполнителей, совершая преступление, является признаком состава либо квалифицирующим, то они подлежат вменению и другим соисполнителям, если они ими либо разделялись, либо охватывались их умыслом

Литература

1. Быков В. (1999) Совершение преступления группой лиц по предварительному сговору // Законность. № 3. – с. 7.
2. Волков Б.С. (1968) Мотив и квалификация преступлений / Изд-во КГУ, Казань, 1968.

3. Иногамова-Хегай Л.В. (2001) Понятие конкуренции уголовно-правовых норм // Правоведение. - № 2.- с.133-146.
4. Обобщение судебной практики по делам о хулиганстве, умышленном причинении из хулиганских побуждений тяжкого, средней тяжести вреда и анализ карательной практики за 2006 год // дело № 1-477/06.
5. Чирков А.П. (1998) Функциональные связи уголовно-правовых норм и квалификация преступлений // Актуальные вопросы уголовного права, процесса и криминалистики. Сборник научных трудов. Изд-во Калинингр. унив-та. – с. 3-7.